

Анатолий Анатольевич Логинов Сага о пришельцах из будущего. God, save England!

Аннотация

А вы знаете, что до вторжения норманнов Англия была православной страной? Вы знаете, что т. наз. англосаксонский принцип — "Выживает сильнейший" — на самом деле норманнский? Вот и я не знал, пока в прошлое не попал храбрый батальон норфолкских королевских стрелков, а точнее его Сэндригемская волонтерская рота во главе с полковником Бошампом. Как истинный офицер и джентльмен полковник всегда верен присяге... Из 1915 г в 1066.

Логинов Анатолий Анатольевич Сага о пришельцах из будущего. God, save England!

*'Rule, Britannia! Rule the waves:
Britons never will be slaves'¹
J.Thomson*

*Поверь, великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей...
М.Ю. Лермонтов*

*Выражаю глубочайшую признательность за помощь всем друзьям и коллегам с форума 'В Вихре Времен' (<http://forum.amahrov.ru>), а также персонально:
Сэю Алеку — за содействие в написании отдельных эпизодов книги,*

¹ Правь, Британия, правь же морями: Никогда англичане не будут рабами'. Патриотическая песня, написана по поэме Джеймса Томсона на музыку Томаса Арна в 1740.

*Геннадию Плоткину и его журналу 'Сержант' — за полезные материалы по военной истории Англии и Нормандии,
Григорию Панченко — за консультацию по холодному оружию .*

Пролог

Шел второй год Первой Мировой Войны. На основных театрах военных действий ослабить Австро-Венгрию и Германию не получалось, поэтому лидеры Антанты обратили свои взоры на самого слабого союзника Центральных держав — Турцию. Антанта собиралась решить одним махом сразу несколько проблем, захватив важные проливы Дарданеллы и Босфор, а заодно и столицу Турции — Константинополь. Это привело бы к выходу турок из войны. Кроме того, эта победа вынудила бы отказаться от вступления в войну на стороне Центральных держав нейтральные до этого времени страны — Грецию и Болгарию. Не менее важным было соображение, что успех операции не позволил бы России захватить эти территории. Поэтому неудивительно, что инициатором операции стал всем известный Уинстон Черчилль. Получившая название Дарданелльской, операция длилась около года и состояла из нескольких важных наземных и морских сражений. Но все они сейчас нам неинтересны. Мы вспомним лишь про несколько дней августа пятнадцатого года и об одной части, принимавшей участие в этой бойне.

Норфолкский полк, сформированный в 1881 году и комплектовавшийся местным ополчением и волонтерами, 7 августа высадил в бухте Сувла 1/4-й и 1/5-й батальоны. Затем эти части приняли участие в наступлении на деревню Анафорта.

12 августа 1915 года командующий десантом генерал-лейтенант Йен Гамильтон отдал исторический приказ батальону один дробь пять Норфолкского полка, в составе Сэндрингэмской волонтерской роты, по захвату высоты Шестьдесят. Солдаты под командованием полковника Бошампа и капитана Бека должны были миновать ущелье, которое накрыл странный туман. Двести шестьдесят семь человек вошли в странное облако и живыми из него никто не вышел...

'Мне в прошлую ночь приснился страшный сон, — писал Гамильтон. — Я тонул, меня затягивало в Геллеспонт. Кто-то держал меня за горло, вода смыкалась над моей головой, когда я дернулся и проснулся. Я дрожал и унес с собой в царство сознания мысль о том, что в мою палатку вошел какой-то таинственный посетитель... никогда раньше мне не снился такой страшный сон. Несколько часов после этого меня преследовала мысль, что Дарданеллы — фатальная вещь, что происходит что-то ужасное, что все мы обречены '.

К. Мурхед. 'Борьба за Дарданеллы'²

'Батальон 1/5-ый Норфолкского полка был на правом фланге и в какой-то момент почувствовал менее сильное сопротивление, чем то, которое встречала остальная часть бригады. Против отступающих сил противника полковник сэр Г.

² Выдержка из подлинного письма генерал-лейтенанта Й. Гамильтона. Далее идут подлинные документы.

Бошамп — храбрый, уверенный в себе офицер — повёл упорный натиск, увлекая за собой лучшую часть батальона. Сражение усиливалось, а местность становилась более лесистой и пересеченной. К этой стадии боя многие бойцы были ранены или доведены до изнеможения жаждой. Им предстояло вернуться в лагерь ночью. Но полковник с шестнадцатью офицерами и 250 бойцами продолжал преследование, оттесняя противника... Никого из них больше не видели и не слышали. Они углубились в лес и перестали быть видны и слышны. Никто из них не вернулся'.

Из отчета генерал-лейтенанта Й. Гамильтона военному министру лорду Китченеру.

Тела рядовых Коттера и Барнаби из Сэндрингемской волонтерской роты были обнаружены недалеко от высоты 60 после окончания Первой Мировой войны. Некоторое время считалось, что была обнаружена вся рота. В официальном отчете (рассекречен в 1967 г.) указано: 'Мы нашли норфолкский батальон 'один дробь пять'- всего 180 тел: 122 норфолкца, несколько гентцев и саффолкцев с чеширцами (из батальона) 'два дробь четыре'. Нам удалось идентифицировать только трупы рядовых Барнаби и Коттера. Тела были разбросаны на площади примерно квадратной мили, на расстоянии не меньше 800 ярдов... То есть подтверждается первоначальное предположение о том, что они (норфолкцы) не ушли далеко вглубь обороны противника, а были уничтожены один за другим (на поле боя) за исключением тех, кто добрался до фермы'. Кроме Барнаби и Коттера, что интересно, опознать никого не удалось. Принадлежность остальных убитых именно к Сэндрингемской роте также доказана не была'.

Из исторических исследований.

Глава I

Мы в рай едва ли попадем.³

*Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.*

У. Шекспир.

Поднимался день, ясный, безоблачный, в общем, прекрасный средиземноморский день, какого и следовало ожидать. Однако было одно исключение: в воздухе висели шесть или восемь туч в форме круглых буханок хлеба. Все эти одинаковые по форме облака находились прямо над высотой Шестьдесят. Было замечено, что, несмотря на легкий ветер, дувший с юга со скоростью пять-шесть миль в час, ни расположение туч, ни их форма не изменялись.⁴ До командного пункта дивизии время от времени доносился грохот залпа

³ В названиях глав использованы цитаты из песни Арии 'Прощай, Норфолк'. В произведение включены абзацы, написанные А. Е. Герасимовым и Д. Хейер, отредактированные и дописанные А. Логиновым.

⁴ Использован отрывок из воспоминаний участника Галлиполийской операции

установленной неподалеку батареи восемнадцатифунтовых пушек и более отдаленный треск ружейно-пулеметной перестрелки.

Командовавший дивизией генерал Стопфорд смотрел на стоящего напротив полковника Бошампа с таким выражением лица, что и слепой догадался бы об истинном его настроении.

— Итак, полковник, ваш батальон, остававшийся до этого времени в резерве, приказано направить в поддержку наступления на высоту Шестьдесят. От вашего удара зависит успех наших действий. Поэтому действуйте решительно.

— Есть, господин генерал, сэр, — если у полковника были какие-то сомнения в исходе предстоящей операции, то ни по выражению лица, ни по тону заметно этого не было. — Разрешите вопрос, сэр?

— Спрашивайте, полковник.

— Как с артиллерийской поддержкой и, самое главное, с боеприпасами, сэр?

— Полковник, вы знаете, как недостаточно наше снабжение. Боеприпасы вам пополнили до максимально возможного. Большого не ожидайте. К тому же у вас в батальоне целых два взвода пулеметов МакЛен-Льюиса. Артиллерия... артиллерия поддержит вас огнем по мере возможности. Идите и принесите нам успех, полковник.

— Так точно, сэр, — четкий поворот кругом и церемониальный шаг, как намек на мыслительные способности высшего командования. Максимально допустимая степень фронды для кадрового офицера. 'Ave Caesar, morituri te salutant!'⁵

Едва полковник скрылся за поворотом хода сообщения, генерал, потеряв самообладание, повернулся к своему адъютанту, майору Мурхеду, и прорычал:

— Я должен выполнять самоубийственные приказы, черт побери. Недостаток артиллерии, недостаток боеприпасов и снабжения, нехватка воды — а мне приказывают наступать. Вчера солдаты Лондонского батальона отбивались от турок камнями штыками! — генерал помолчал, потом словно что-то вспомнив, спросил: — Докладная о недостаточном снабжении готова?

Майор кивнул, делая вид, что не расслышал предыдущих фраз.

— Тогда давайте, я ее подпишу. Отправьте ее как можно быстрее. Генерал Гамильтон должен наконец узнать о истинном положении дел... И еще, майор, съездите на наблюдательный пункт к соседям. Оттуда атака норфолкцев будет видна лучше. Если она увенчается успехом — срочно сообщайте мне. Бросим туда резерв...

Майор Майкл Мурхед был весьма честолобив и планировал после войны заработать известность и неплохие деньги на публикации мемуаров об идущей Великой войне. Поэтому он вел регулярные записи в своем дневнике. Вечером, вернувшись в свою палатку, он записал: *'С нашего наблюдательного пункта, расположенного в пятистах футах, мы видели, что странные тучи висят на угле возвышения шестьдесят градусов. На земле, прямо под этой группой облаков, находилась еще одна неподвижная туча такой же формы. Ее размеры были около восьмисот футов в длину, двести в высоту и двести в ширину. Эта туча была совершенно плотной и казалась почти твердой структурой. Она находилась на расстоянии от четырнадцати до восемнадцати цепей от места сражения, на территории, уже занятой нашими войсками.*

Двадцать два человека из третьего отделения первой полевой роты новозеландцев и я наблюдали за всем этим из траншеи на расстоянии в две тысячи пятьсот ярдов к юго-западу от тучи, находившейся ближе всех к земле. Наша точка наблюдения возвышалась над высотой шестьдесят где-то на триста футов; уже позже мы вспомнили, что эта туча растянулась над пересохшей речкой или размытой дорогой, и мы прекрасно видели ее бока и края. Она была, как и все остальные тучи, светло-серого цвета.

Наконец мы увидели норфолкский полк в несколько сотен человек, который вышел на

⁵ Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь! (лат)

это высохшее русло или размытую дорогу и направился к высоте Шестьдесят, чтобы атаковать противника на этой высоте. Они приблизились к месту, где находилась туча, и без колебаний вошли прямо в нее, но ни один из них на высоте Шестьдесят не появился и не сражался. Примерно через час после того как последние группы солдат исчезли в туче, она легко покинула землю и, как это делают любой туман или туча, медленно поднялась и собрала остальные, похожие на нее тучи, упомянутые в начале рассказа. В течение всего происходящего тучи висели на одном и том же месте, но как только 'земная' туча поднялась до их уровня, все вместе отправились в северном направлении, к Болгарии, и через три четверти часа потерялись из виду...'

Через несколько дней он дополнил свои записи:

*'Затем Гамильтон провел крупное наступление на гору Скимитар и гору Шестьдесят на юго-востоке равнины Сувла, а для этого с мыса Хеллес была переброшена двадцать девятая дивизия. Солдаты воевали в необычном для этого времени года тумане, который покрывал завесой холмы и в начале битвы мешал работе британской артиллерии, а с наступлением дня загорелся кустарник, наполняя воздух едким дымом. По количеству участвовавших солдат это было крупнейшее из сражений, разыгранных в Галлиполийской кампании, и для того, чтобы остановить наступление союзников, в бой были брошены последние турецкие резервы. И все же в действительности вопрос был решен десятого августа, когда Кемаль отвоевал высоты Текке-Тепе и Чунук-Баира, а эти последние схватки были просто подтверждением факта, что с потерей элемента неожиданности проигрывается битва. Конфигурация фронта существенных изменений не претерпела. Про норфолкский батальон один дробь пять — никаких новостей так и не появилось. Они вошли в туман и исчезли...'*⁶

Едва Сэндрингэмская волонтерская рота Норфолкского полка вошла в этот странный туман, звуки боя начали стремительно затихать, и, словно бы удаляться, что не могло не вызвать у полковника Бошампа некоторого недоумения. Сэр Гораций, безусловно, знал, что туман глушит и искажает звуки — кому как не англичанину это знать, в конце концов, — однако чтобы до такой степени... Однако волнение полковника выражалось лишь в том, что он несколько чаще, чем обычно, постукивал своим стеклом по бедру правой ноги. Полковник, высокий, чуть полноватый джентльмен с типично английским лицом и слегка располневшей фигурой отошедшего от дел спортсмена, даже одетый в полевую форму выглядел так, словно собирался в клуб. Шедший рядом с ним командир роты, капитан Реджинальд Бек, несмотря на свою безупречную родословную и законченный парой лет позже полковника Сандхэрст, выглядел на его фоне не столь импозантно, хотя и старался во всем походить на своего начальника. Так же как и полковник, капитан слегка нервничал, что можно было понять по тому, как часто он поправлял рукой пышные усы.

Между тем положение продвигающихся вперед англичан все больше и больше запутывалось. Если грохот канонады, теоретически, ослабевать мог (все же англичане удалялись от своих орудий) пускай и не столь стремительно, словно за каждый шаг солдаты преодолевали по дюжине ярдов, то почему звуки стрельбы со стороны турецких позиций также затихают и удаляются, причем не менее быстро? Полковник дорого бы дал, чтобы понять, что происходит. Конечно, можно предположить, что турки начали отступление, но тогда абсолютно невероятным были все еще слышимые залпы их орудий. Стрельба из них в этом случае должна была совершаться на ходу, что, как понятно любому, совершенно невозможно. Пушка это не пехотинец, во время движения стрелять не может.

Неясным оставалось и появление тумана на пути роты. Летние дни вообще мало способствуют его возникновению, а уж на жарком, пропеченном солнцем полуострове Галлиполи, его в это время года и вовсе быть не должно. Однако ж он есть. Феномен, да и

⁶ Слегка измененные воспоминания ветеранов Дарданелльской операции.

только. Очень настораживало странное изменение запахов. Обычные для зоны боев запахи сгоревшего лиддита и кордита, разлагающихся трупов и пыли сменились доносящимися откуда-то спереди, сквозь туман, запахами близкой воды, влажной земли и цветущих растений, абсолютно, если подумать, невозможными в этой местности.

— Что-то долго идем, сэр, — обратился к полковнику Бек. — Со стороны казалось, что полоса тумана в ширину не более футов двухсот.

— Вы правы, просто удивительно, капитан, — отозвался сэр Гораций. — Впрочем, мы идем по оврагу, здесь туман может держаться дальше, чем над его кромкой. О, а вот и причина его возникновения. — Полковник указал на небольшой ручеек, появившийся словно из ниоткуда. — Наверняка, это русло высохшей реки, и туман вызван испарением влаги. По крайней мере, иного разумного объяснения я не вижу.

— Полагаю, так и есть, сэр, — ответил Бек. — Кстати, обратите внимание, сэр, здесь начала появляться зелень.

— Влажно, оттого и растения не высохли, — флегматично отозвался Бошамп и добавил с немного изменившейся интонацией. — Однако я полагал, что мы бы должны уже добраться до высоты шестьдесят. Проклятый туман, как мне кажется, обманывает мое чувство расстояния. Что у вас, мистер Гастингс?

Последняя фраза была обращена к молодому лейтенанту, командовавшему авангардом.

— Разрешите доложить, сэр! В двухстах футах впереди мы натолкнулись на плотные заросли терновника. Сразу за ним туман заканчивается. Следуя вашему приказу, мы устроили просеку и выдвинулись для дальнейшей рекогносцировки... — лейтенант замялся. — Вам нужно самому это увидеть, господин полковник, сэр.

Молодой, недавно закончивший Сандхерст, но уже понюхавший пороху и отнюдь не склонный к панике и преувеличениям, Генри Гастингс выглядел так, словно увидел тень отца Гамлета или прятавшегося в колючках терновника баньши.

— Терновник, растущий здесь, в этой Богом забытой пустыне? Невероятно. Говорите сразу, чем еще вы хотите удивить меня, лейтенант. Капитан, сосредоточьте роту возле просеки и дожидайтесь нас, — отдал распоряжение сэр Гораций, покачав от изумления головой. — Идемте, Гастингс.

'Никогда бы не подумал, что в этих диких краях может расти терновник' — усмехнулся про себя Бек, отдавая необходимые приказания и поспешая вслед за полковником и лейтенантом к просеке. Покуда капитан останавливал и собирал растянувшихся сэндригемцев, а также набредших на них в тумане солдат из батальона два дробь четыре, Бошамп и Гастингс стремительным шагом, которому не мешали даже торчащие кое-где из земли корни, остатки порубанных кустов и торчащие тут и там колючие ветки, почти миновали заросли.

— Надо же, самый настоящий терновник, такой же, как и у нас, в доброй старой Англии, — с удивлением и некоторой ноткой ностальгии в голосе ворчал по дороге полковник, отодвигая стеком в сторону наиболее неудобно торчащие ветви и следя, чтобы ничто не запачкало или не порвало его мундир, но при этом ухитряясь несколько не отставать от почти бегущего впереди второго лейтенанта.

Еще несколько шагов, и плотный туман, внезапно, как отрезанный ножом, кончился, а в лицо обоим офицерам ударил легкий, но прохладный ветерок, восхитительно бодрящий после предыдущей жары.

— Сэр, за время вашего отсутствия происшествий не случилось, сэр! — вытянулся перед Гастингсом боец с нашивками сержанта.

— Вольно, Уилмор, — отмахнулся лейтенант, наблюдая как полковник, не обращая внимания ни на кого, делает несколько медленных шагов вперед. Почти минуту сэр Гораций просто потерянно оглядывался, после чего, наконец, справившись с изумлением, взял в руки бинокль и принялся изучать окрестности более целеустремленно.

Действительно, лежащая перед вышедшими из терновника англичанами местность разительно отличалась от оставленной ими за спиной. Вместо выжженной солнцем

полупустыни, в которой лишь овраги и высохшие русла рек напоминали о влаге, перед изумленными офицерами и солдатами расстилалась поросшая некошеной, вольно растущей, травой и кустарником холмистая равнина, на которой тут и там были разбросаны рощи лиственных деревьев, преимущественно дубов и тисов. На горизонте линию холмов оттеняла темная полоса густого, дикого леса. В бинокль полковника было ясно видно, что лес представлял собой типичную для европейских стран смесь из лиственных деревьев различных пород и некоторого количества елей или сосен. Нижние ветви деревьев, казалось, переплетались с густо растущими вокруг них кустарниками, среди которых выделялись обширные заросли боярышника. Холмистая равнина простиралась во все стороны, нигде не было и признака морского пространства, столь привычного для полуострова Галлиполи. Веющий ветерок доносил до полковника и его спутников ароматы полевых трав и запахи леса. В воздухе изредка мелькали какие-то птицы, из зарослей время от времени доносились непонятные шумы и крики, искаженные расстоянием, свидетельствующие о скрытой от глаз наблюдателей бурной жизни местных обитателей. Эта местность, столь непохожая на все окружавшее англичан ранее, просто не могла существовать и, тем не менее, она лежала перед глазами.

— Мистер Гастингс, подойдите ко мне, — наконец негромко приказал он.

Лейтенант приблизился к своему командиру и щелкнул каблуками.

— Отправьте кого-нибудь к капитану Беку, пусть соберет всех офицеров и прибудет сюда. Батальон пока не выводить, пусть остаются в лощине, — командовал все более и более оправляющийся от шока Бошамп. Опустив бинокль и постукивая стеком по бедру, он прошелся несколько раз справа налево и обратно, внимательно разглядывая притоптанную траву и лежащих в ней солдат, нацеливших свои винтовки в сторону равнины. Тем временем Гастингс, отправив капрала к основной части батальона, вернулся к полковнику.

— Сэр, ваше приказание выполнено...

— Это не все, — перебил его полковник. — Сколько у вас осталось человек во взводе, лейтенант?

— Двадцать три, включая меня, сержанта и двух капралов, сэр.

— Тогда подождите капитана Бека и остальных офицеров вместе со мной, а из своих людей выберите самых опытных и сообразительных, разделите на две группы, и прикажите им провести разведку окрестностей, под командованием сержанта и оставшегося капрала. Местным жителям, если они встретятся, на глаза, по возможности, не показываться, в беседы не вступать, от боя уклоняться, возвращение не позднее чем через час. Вам понятны распоряжения?

— Так точно, сэр!

— Выполняйте.

— Есть, сэр! Сержант Уилмор, капрал Браун — ко мне!

Пока лейтенант давал указания отобранному для разведки отделению, Бошамп, еще раз оглядев окрестности в бинокль и не заметив ничего подозрительного, достал из кармана кителя портсигар, неторопливо закурил и повернулся лицом к просеке, все больше затягивающейся плотным густым туманом.

Пару минут спустя солдаты отправились на разведку, а примерно через пять минут, когда полковник почти докурил папиросу, из тумана появился капитан Бек в сопровождении четырнадцати офицеров роты. Сэр Гораций не отказал себе в удовольствии с минуту понаблюдать за изумленными лицами прибывших, после чего отбросил окурочек и сделал шаг по направлению к еще не пришедшим в себя офицерам.

— Подтянитесь, джентльмены, — произнес он. — Вы же британские офицеры, а выглядите деревенскими простаками на ярмарке. Придите в себя.

— Прошу прощения, сэр. Но что... — Реджинальд Бек помотал головой, словно отгоняя наваждение, и обвел рукой окружающее пространство. — ... что вот это такое?

— Как вы полагаете, на что это похоже, мистер Бек? — усмехнулся полковник.

— Чертовски похоже на нашу родную Англию или на Северную Европу, сэр, —

нахмурился капитан. — Но ведь... это невозможно! Куда же исчезла Турция?

Вокруг и впрямь расстился пейзаж, характерный скорее для некоторых районов северо-западной Европы, а не для азиатского полуострова.

— Я тоже хотел бы это знать, капитан. С еще большим удовольствием я бы узнал, что эта чертова Турция провалилась в Преисподнюю, пока мы блуждали в тумане. Но, увы, это вряд ли возможно, — несмотря на необычность ситуации, офицеры только по непривычной разговорчивости полковника и его манипуляциям со стеклом могли заметить, что он очень и очень взволнован. — Впрочем, делать выводы пока рано. Я отправил солдат мистера Гастингса разведать местность, и скоро мы узнаем, что же такое нас окружает: Англия, Нормандия, другие европейские страны, Северная Америка, или, упаси Бог, мы в Северной Германии. Насчет же того, как мы тут очутились, я знаю не более вашего. Может у кого-нибудь из вас, джентльмены, будут какие-нибудь соображения?

— Да, господин полковник, сэр, есть, — подал голос подошедший Гастингс. — Надо послать несколько солдат назад, возможно, что батальон сможет вернуться на позиции и выполнить приказ по захвату высоты.

— Резонно, — кивнул полковник. — Мистер Бек, и вы, Гастингс, распорядитесь. И еще одно, джентльмены. Я не желаю подрывать моральный дух наших солдат, так что нам предстоит вывести их из этого проклятого тумана и как-то объяснить происходящее.

— Быть может пока не стоит их выводить, сэр? — спросил капитан.

— Предлагаете оставить их сидеть в этом киселе, словно мышей в норе? — Бошамп кивнул на облако тумана, совершенно закрывшее заросли терновника. — Так мыждемся того, что они дезертируют полным составом. Поскольку, если ничего не известно и никаких распоряжений от офицеров не поступает, солдат имеет привычку полагать, что дело совсем плохо.

— Мы можем им пока сказать, что рота заблудилась в тумане, и мы вышли туркам в тыл, — предложил лейтенант Кроуфорд. — Они, конечно, поверят не все, а когда у солдат появится время отдохнуть и подумать, так и вовсе уверятся в нашей лжи, но, полагаю, к тому времени уже будут донесения от разведчиков, сэр.

— Здравая мысль, лейтенант, — согласился сэр Гораций. — Пожалуй, так и поступим. А пока я бы все же хотел услышать ваши предположения по происшедшему с нами.

— Разрешите, сэр?

— Конечно, лейтенант Роулинг.

— Я полагаю, джентльмены, на нас испытали некое сверхсекретное военное устройство немецкого производства.

— А почему вы считаете это следствием испытания именно немецкого оружия? — подал голос лейтенант Янг. — Прошу прощения, господин полковник, сэр.

— Ну не турецкого же, — пожал плечами Роулинг.

— Лейтенант Роулинг, вы, если я правильно запомнил, увлекались книгами мистера Уэллса? — спросил Бошамп. — Это у него что-то подобное описывалось?

— Боюсь, что я ничего подобного в его произведениях не встречал, сэр, — отозвался лейтенант. — К тому же он не ученый, а писатель-фантаст.

— Это обстоятельство мне хорошо известно. Однако, когда мистер Верн описывал субмарину, это тоже было фантастикой, а сейчас Гранд Флит широко их применяет. Но нет, значит — нет. Раз уж у фантастов для ситуации, подобной нашей, не хватило выдумки, то вывод только один: вы, скорее всего, правы, лейтенант. Ученые, порой, такое наизобретают, что ни одному фантасту в кошмарном сне не приснится.

Только сейчас и полковник, и офицеры осознали, чем может обернуться для них это, как казалось вначале, заурядное происшествие.

— Вы считаете, господин полковник, сэр, что нас забросило куда-то далеко от района боев? — спросил неуверенным, спотыкающимся голосом второй лейтенант Янг.

— Ничего не могу сказать, мистер Янг, кроме одного — местность, в которой мы оказались ничем не напоминает Галлиполийский полуостров, да и турок, как вы можете

заметить, не наблюдается на расстоянии, по крайней мере, пары миль. Вы можете предложить другое объяснение случившемуся?

— Я... боюсь, что нет, сэр — казалось, лейтенант Янг расстроился еще больше.

— Тогда я полагаю, что до получения результатов разведки дальнейшие наши гадания бессмысленны. Поскольку мы вышли на удачное место, прямо на склоне холма, приказываю — до прибытия посыльных или до получения известий от разведчиков мистера Гастингса, занять оборону на этом холме. Справа налево, согласно номерам взводов. Пулеметные расчеты распределить равномерно по всей линии обороны. Оставшиеся солдаты взвода Гастингса — в резерве, их вернуть к просеке в кустарнике. Прошу всех приступить к выполнению своих обязанностей, джентльмены.

Следующие полчаса норфолкцы выбирались через узкую просеку в терновнике, попутно ее расширяя, и занимали оборонительные позиции. То тут, то там слышались окрики сержантов и офицеров, требовавших окопаться и замаскироваться получше. Солдаты, хотя были волонтерами, но как люди, в большинстве своем, происходящие из малообразованных классов общества, конечно, не имели ни малейшего понятия о том, что окружающий их пейзаж для Турции совершенно не характерен. Однако даже и среди них поминутно слышались фразы наподобие: 'Как на Норфолкшир все вокруг похоже'. Более сообразительные и образованные волонтеры практически сразу сообразили, что дело нечисто, но занятые привычными делами и постоянно понукаемые приказами, просто не имели времени, чтобы обдумать свои подозрения.

Постепенно вдоль склона холма от одного его конца, до другого протянулась уже привычная на второй год войны траншея со стрелковыми ячейками, которые начали обживать солдаты. Выдвинутые впереди траншеи дозоры отрыли несколько одиночных окопчиков и принялись внимательно и настороженно всматриваться в окружающее.

— После окончательного занятия позиций, прикажите людям пообедать сухим пайком, мистер Бек, — распорядился полковник Бошамп и, вполголоса, добавил. — Еда отвлекает от любых странностей самым наилучшим образом.

Солдаты, довольные тем, что можно отдохнуть и перекусить, но по-прежнему настороженные — за две недели боев турки из тридцать шестой дивизии майора Муниб-бея отучили англичан от презрительно-наплевательского к себе отношения — позволили себе слегка расслабиться, а некоторые, испросив разрешение у офицеров, даже закурили. Однако долго такая идиллия продолжаться не могла, и сэр Гораций отлично это понимал. На пару с капитаном Беком, вернувшимся к командному пункту батальона после проверки состояния дел, он вовсю ломал голову, пытаясь придумать, чем занять королевских пехотинцев.

— Может все же попробовать вернуться, не дожидаясь вестей от посыльных, — предложил капитан Бек.

— Вернуться? В этот туман? — ответил полковник Бошамп, и добавил. — Который к тому же исчез минут десять назад. Так что посланные назад солдаты...

— Коттер и Барнаби, сэр. Нет, они не вернулись, а раз туман полностью исчез... Полагаю, я не ошибусь, если предположу, что мы вряд ли их еще увидим, господин полковник, — ответил Бек.

— Подозреваю, что вы правы, капитан. Чертовски правы! — с прорвавшейся в голосе злостью ответил Бошамп. — К тому же и разведка что-то задерживается.

Тут до офицеров донеслись оклики ближайшего секрета и ответы, по которым можно было судить, что вернулся разведывательный отряд капрала Брауна. Через пару минут капрал, вместе с лейтенантом Гастингсом, предстал перед нетерпеливо ожидавшим отчета сэрмом Горацио.

— Разрешите доложить, господин полковник, сэр! — вытянулся перед командирами Браун, — Дозор в количестве пяти человек под моим началом провел разведку местности к северо-востоку от расположения роты. Прошли около полутора миль по прямой, потом сделали небольшой полукруг по местности и вернулись обратно. Никаких следов противника, а так же местного населения не обнаружено. Рядовой Дарси, он... сэр, он

увлекался охотой до войны, — Гастингс, Бошамп и Бек понимающе улынулись, все понятно без слов — браконьерствовал, конечно, — так вот, он уверяет, что обнаружил множество следов диких животных, так что местность скорее всего малонаселенная или очень редко посещается людьми. Мы вообще-то видели даже лису, которая нас совсем не испугалась. Дарси уверяет, сэр, что такое количество диких животных ни в одной из европейских стран не встречается. Правда я не уверен, что он такой уж знаток того, что делается в европейских странах, сэр, но думаю, что вы должны знать об этих его выводах.

— Хорошо, капрал. Вы правильно поступили, доложив мне. Объявляю вам благодарность. Идите, подкрепитесь и отдохните.

— Есть, сэр! Благодарю вас, сэр!

Едва капрал отошел подальше, как Бек, посмотрев на стоящего рядом Гастингса, которого полковник оставил на командном пункте, обратился к Бошампу:

— Сэр, я считаю, необходимо отправить еще один отряд по пути дозора сержанта Уилмора. Что же касается результатов разведки капрала Брауна, полагаю, сэр, что ее данные свидетельствуют в пользу Северной Америки. Думаю, только там в настоящее время можно найти такие малонаселенные места, сэр.

— Вы так считаете, капитан? А Россию вы в расчет не берете?

— Сэр, я думаю, что в России больше лесов и более суровый климат. Август в Российской Империи, как мне помнится уже ближе к осени.

— Так и здесь, мистер Бек, если внимательно присмотреться, на деревьях листья уже кое-где желтеют...

Дальнейшее обсуждение прервал подбежавший с взволнованным видом солдат. Наткнувшись, как было заметно, неожиданно для себя, на стоящих командиров, он застыл столбом и только через несколько томительных секунд, опомнившись, принял стойку 'смирно' и обратился к полковнику Бошампу:

— Господин полковник, сэр! Разрешите обратиться к лейтенанту Гастингсу?

— Обращайтесь. Только вначале оправьтесь и представьтесь, рядовой, — холода в тоне полковника вполне хватило бы на пару килограммов мороженого.

— Виноват, господин полковник, сэр. Рядовой Финч, сэр.

— Самый неопрятный и недисциплинированный рядовой вашего взвода, не так ли, лейтенант? — язвительно заметил капитан Бек.

— Ну что вы, сэр, — ответил Гастингс и, сурово взглянув на поспешно подтягивавшего ремень и застегивавшего крючки на воротнике рядового, спросил. — Что у вас, Финч?

— Виноват, господин лейтенант, сэр! С разрешения капрала я попытался вернуться по пройденной нами дороге назад, сэр. Я... оставил там свою флягу, на берегу ручья, сэр. И... осмелюсь доложить, господин лейтенант, господин полковник... господа офицеры — обратной дороги нет, всего лишь через полметра просеки — сплошные заросли терновника, сэр! Я..., я решил срочно доложить вам, сэр.

— Доложил, молодец. А теперь вернись в расположение взвода и чтобы больше никуда ни ногой, — приказал лейтенант.

— И молчать о том, что увидел! — добавил капитан Бек, многозначительно переглянувшись с полковником.

— Есть, сэр! — солдат поспешно убежал, гадая прощен он, или лейтенант потом вспомнит о его проступке и уж тогда точно накажет на всю катушку. Угораздило же его выскочить прямо на всех командиров, да еще, кажется, когда они обсуждали произошедшее. Впрочем, неудачливому вору на гражданке и не слишком дисциплинированному солдату к наказаниям было не привыкать. Если бы не последнее дело, которое закончилось 'мокрухой', эта армия видела бы его в лучшем случае в гробу и в белых тапочках.

— Вы были правы, сэр, — даже привычный ко многому, прошедший бои англо-бурской и отступление экспедиционного корпуса в четырнадцатом, полковник не смог скрыть своего настроения. И того, кто сказал бы, что оно хорошее, он лично разрубил бы пополам своей саблей.

— Печально, — согласно кивнул Бек, и, обращаясь к лейтенанту, спросил. — Не проболтается?

— Нет. Не думаю, сэр. Рядовой Финч конечно не солдат, а недоразумение, но приказы выполняет точно.

— Полагаюсь на вас, лейтенант. Но где же задержался ваш сержант с его разведкой?

Не успел лейтенант ответить на этот вопрос, как появился посыльный от посланного в дозор сержанта Уилмора.

— Сэр, разрешите обратиться! — молодой парень с винтовкой Ли-Энфилд, поблескивающей примкнутым штыком, вырос перед офицерами словно из под земли.

— Обращайтесь, солдат, — кивнул полковник.

— Господин полковник, сэр! Отделение сержанта Уилмора обнаружило ферму за тем холмом, — рядовой ткнул пальцем, указывая направление. — Расстояние около мили, сэр. Ферма окружена, сержант просит дальнейших распоряжений.

— Сколько человек на ферме? Вооружены? — нахмурился капитан Бек.

— Никак нет, сэр, оружия не замечено. Четверо гражданских и семь женщин.

— Мистер Гастингс, разберитесь с ситуацией, — приказал Бошамп. — Нам необходимо знать, в какой стра...

Полковник осекся и бросил быстрый взгляд на рядового.

— Я понял, сэр, — ответил лейтенант. — Разрешите приступить?

— Действуйте, мистер Гастингс, но постарайтесь обойтись без стрельбы.

Лейтенант козырнул и собрался выполнить приказ полковника, направившись к отделению Уилмора вместе с посыльным.

— Подождите, лейтенант. Мистер Бек, подкрепите мистера Гастингса как минимум одним отделением, — распорядился Бошамп. — Пусть займут позиции на указанном посыльном холме. Мало ли что. Да, и пулеметный расчет тоже выделите на всякий случай.

Прошло не более пяти минут, как весь оставшийся личный состав взвода Гастингса колонной, выслав вперед охранение, двинулся в указанном прибывшим посыльным направлении. Солдаты, идя по вольно растущей, некошенной траве, удивленно переглядывались, увидев разлетающихся птиц или пробегающего ежа, множество летающих насекомых, всю эту бурлящую жизнь, резко отличающуюся от безжизненной, прокаленной солнцем действительности предыдущих дней.

Достигнув холма, два отделения под командой капралов расположились на его вершине, стараясь не выдать своего присутствия возможным наблюдателям. Тем временем лейтенант Гастингс практически беззвучно подполз к наблюдательному посту, который Уилмор оборудовал в какой-то сотне ярдов от невысокой, в половину человеческого роста, каменной ограды. Она окружала приземистые, крытые соломой строения, в которых легко угадывались хлев, амбар, другие хозяйственные постройки и, собственно, жилище — примитивная хижина с небольшими окошками и прибитыми над дверью оленьими рогами.

— Что у нас тут, сержант?

— Ферма, господин лейтенант, сэр, — чуть слышно отрапортовал тот. — Вон на том лугу один мужчина, скорее даже подросток, пасет коров и овец. В дубовой роще, вон там вдали, пасется несколько свиней. Еще двое мужчин косят что-то из посевов. Простите, сэр, я городской, что это именно сказать не могу. Вон, посмотрите, сэр, вот это поле.

Лейтенант посмотрел в указанном направлении в бинокль. На поле два явных оборванца в чем-то вроде длинных подпоясанных рубаш, грязных и сильно изношенных, босые, шли, непрерывно наклоняясь и срезая серпами росшие на поле растения, после чего, связав в маленькие снопики, оставляли их позади себя.

— Серпами из дерева? С вставками? Откуда они такое раздобыли? Сами сделали? — удивленно вымолвил он. — Странно, очень странно. А что четвертый?

— Пожилой джентльмен, сэр, но еще довольно крепкий. Колет дрова за амбаром. И еще семь женщин, три — так совсем девчушки, хлопочут по хозяйству. Да вот, гляньте, одна из курятника идет.

Гастингс вновь прильнул к окулярам бинокля.

'Определенно, я уверен, черт побери, что мы не в Турции', - подумал он, разглядывая невысокую девушку возрастом на вид не старше шестнадцати лет, с толстой соломенной косой, светлой кожей и вполне европейскими чертами лица. Облачена девица была в какое-то подобие балахонистого платья из некрашеного сукна. 'Однако и не в Европе. Бедновато тут народ живет. Россия или Североамериканские Штаты? Быть может, какие-нибудь сектанты? В Америке, как я слышал, полно таких вот религиозных фанатиков, отрицающих прогресс. Да и местность, судя по описаниям, больше похожа на Новую Англию. В России все же холоднее и, кажется, хвойных лесов больше. Да пресловутых медведей совершенно не наблюдается'.

— Вам не удалось подслушать их беседы? — спросил лейтенант у Уилмора. — Хотелось бы знать, на каком языке они говорят.

— Рядовой Бартоломью подбирался очень близко, сэр, до самого забора, — ответил сержант. — Он утверждает, что язык у них..., как бы это сказать, сэр...вроде бы странный.

— В каком смысле?

— Из того, что он подслушал, получается, сэр, что он вроде бы как похож на немецкий, только очень много вообще непонятных слов. И еще каких-то, вроде как валлийских. У него мать родом откуда-то из Карнарвона, он худо-бедно валлийский понимает, да еще год в Гамбурге работал, по-немецки немного болтает — можем верить его словам, господин лейтенант, сэр.

'Ну, точно — сектанты', - подумал лейтенант Гастингс: 'Немецкие или голландские переселенцы, скорее всего. Значит, вероятнее всего — Североамериканские Штаты. Однако приказ есть приказ. Это с одной стороны. Только с другой, полагаю, нам еще придется объяснять местным властям, откуда мы на их голову взяли. Разбойное нападение на ферму вряд ли будет истолковано в нашу пользу. И что делать?'

— Значит так, сержант, — произнес Гастингс, еще раз осмотрев местность. — Давайте-ка берите троих солдат, и тихонечко, без шума и стрельбы, утащите мне этого лесоруба. Думается, раз он работает топором, и без присмотра, то еще не выжил из ума окончательно. Только смотрите — без переполоха.

— Сделаем, господин лейтенант, сэр, — кивнул Уилмор.

Полчаса спустя лейтенант имел сомнительное удовольствие наблюдать немытого всклокоченного деда в грязных обносах, с заткнутым какой-то тряпицей ртом и связанными за спиной руками, который бешено вращал налитыми кровью глазами и норовил лягнуть держащих его солдат связанными босыми ногами.

— Уилмор, неужели это было обязательно? — Гастингс указал на ноги и синяк на правой скуле деда.

— Осмелюсь доложить, господин лейтенант, сэр, эта сволочь кусается, — сообщил капрал Браун, рассматривая свою левую ладонь. — Да еще и плюется, мерзавец. И ни в какую не хочет идти. Пришлось волоочь его так.

— Так точно, господин лейтенант, сэр! — добавил сержант Уилмор. — Пленный вроде бы пытался драться, сэр, в том числе и ногами, и поднять тревогу. Мы вроде бы вынуждены были действовать жестко, сэр.

— Вы подумали, сержант, как мы поведем его с собой? Будем нести на руках?

— Нет, сэр. То есть да. Вроде бы подумали, сэр! Сейчас мы его 'уговорим', сэр.

— Уговаривайте, — поморщился лейтенант, — только не слишком активно. Я тем временем прикажу взводу подготовиться к маршу, так что вы не долго.

Уходя, Генри старался сделать вид, что не слышит раздающиеся сзади буцающие звуки и приглушенную брань.

Через десяток минут взвод, имея в авангарде отделение капрала Брауна и расчет пулемета 'Льюис', отправился к стоянке первого дробь пятого батальона Королевского Норфолкского полка. В середине колонны шел, поминутно озираясь на сопровождающих его сержанта Уилмора, рядовых Финча и Дарси, и злобно глядя в спину впереди идущего

лейтенанта Гастингса, захваченный в плен местный дед, на щеках которого симметрично с правой и с левой стороны наливались синевой солидные синяки. Обноски, в которые он был одет, выглядели отчего-то еще более грязными и рваными, чем раньше. Но шел он резво, ничуть не задерживая англичан. Рядовой Финч, время от времени грозно щерясь в сторону старпера, с уважением поглядывал на сержанта и изредка бормотал себе под нос. — Да уж, добрым словом и кулаком много чудес сотворить можно.

К удивлению солдат, обратная дорога к лагерю обошлась без происшествий. Похоже на ферме никто так и не заметил отсутствия дровосека, что было весьма странно. 'Неужели фермеры так заняты своими делами, что не обратили внимание на пропавший звук от ударов топором?' — удивленно думал, постоянно оглядываясь в сторону арьергарда, лейтенант Гастингс: 'Надо признать, что это нам на руку, но сильно настораживает. Не оказалось бы, что этот старый пень совсем ничего не знает об окружающей действительности, или, хуже того, умственно отсталый дебил, которому поручают самую простейшую работу. Но... тогда его вряд ли отпустили бы поработать одного. Черт побери, пусть в конце концов, обо всем этом голова болит у Старика', - окончательно решил он и прибавил шагу.

Глава II

Полк из Норфолка затерян в холмах

Мы галопом до упаду мчимся вдаль легко и резво, без преград...

Повернуть бы, да отрезан путь назад...

Х. Манрике

Пока второй лейтенант Гастингс разведывал местность, а личный состав занимался обустройством обороны и прочими хозяйственными заботами, полковник Бошамп пытался разобраться в том, что же все-таки произошло и куда занесло его вместе с подчиненными. Опытный вояка, прошедший не одну кампанию, способный, как ему казалось, найти выход практически из любой ситуации, был растерян и подавлен. Что делать? Как вернуться назад и возможно ли вообще возвращение? Хорошо, если их закинуло в Северную Америку или Россию. А если это, не дай Боже, Германская Империя, тогда что? Начинать малую войну или сдаваться? А самое главное — как объяснить солдатам, что их забросило неведомо куда? Не начнутся ли брожения? Волонтеры — это не кадровые солдаты, так что кто может поручиться за их поведение в такой ситуации? Это не боевые действия, где все ясно и понятно. Это... это вообще неведомая чертовщина, с которой неизвестно что делать.

Закончивший обход окопов Бек застал полковника прохаживающимся вдоль командного пункта. Трава вокруг окопа была потоптана и сбита ударами стека. 'Нервничает старик', - подумал, приближаясь, Бек.

— О, вот и вы. Докладывайте, мистер Бек, — полковник явно был рад отвлечься от своих размышлений.

— Окопы закончены полностью, сэр. Сможем продержаться здесь при необходимости не менее суток. Боеприпасов маловато. На винтовку в среднем по сотне патронов, на пулемет — по триста. Еще хуже с продовольствием. Сухого пайка осталось на завтрак... ну, или на ужин. Вы не заметили, сэр, что в этой местности время не совпадает с...

— Заметил, мистер Бек. По моим оценкам в этой местности первая половина дня, а мы атаковали после полудня. Кто-нибудь еще заметил это?

— Кажется, поняли уже все. Солдаты перешептываются и замолкают при приближении, лейтенанты прямо задают вопросы, сэр. Но пока внешне все спокойно.

— Что же, как только станут известны результаты разведки лейтенанта Гастингса, соберем офицеров. Сейчас же прикажите солдатам отдыхать, оставив в окопах дежурных наблюдателей. Офицерам — следить за поведением и строго пресекать любые попытки нарушения дисциплины. Сообщите, что лейтенант Гастингс послан для проведения разведки и связи с местными властями... нет, скажите лучше, что для связи с нашим командованием.

— Так точно, сэр.

— Возвращайтесь быстрее, по-моему на горизонте уже показались наши разведчики. Я бы желал выслушать доклад о том, что они обнаружили, в вашем присутствии.

— Постараюсь, сэр, — капитан быстрым шагом отправился по ходу сообщения. Приказания полковника он выполнил быстро и оказался на командном пункте одновременно с лейтенантом Гастингсом и его солдатами, приведшими с собой пленного. Местный житель, старый, но на вид еще крепкий крестьянин, а скорее всего бродяга, судя по тем обноскам, что были на нем и по окружающей его вони давно немытого тела, несмотря на явно видимые следы довольно таки грубого обращения, смотрел на окружающих налитыми кровью, злобными глазами.

— Лейтенант, вы полагаете, что он сможет нам рассказать что-нибудь толковое? — спросил, осмотрев пленного, сэр Гораций. — Это же явный бродяга-хобо.

— Никак нет, сэр. Он — один из обитателей фермы. Судя по всему, здесь живут сектанты, сэр. Они все выглядят примерно одинаково, — доложил Артур, не преминув ознакомить присутствующих и с результатами наблюдений рядового Бартоломью.

— Как же мы будем его допрашивать? Я лично хорошо знаю только французский. Кто-нибудь из офицеров разговаривает на немецком? — полковник вопросительно посмотрел на капитана Бека. — Или так и будем полагаться на рядового, как переводчика?

— Из офицеров, насколько я помню — лейтенанты Роулинг и Янг. Только я не уверен, сэр, что они справятся с переводом. Разрешите напомнить, сэр, что согласно донесения язык аборигенов только похож на немецкий. Но я сейчас вызову их, сэр, — Бек, повернувшись к Гастингсу, уже собиравшемуся отдать команду, как один из бойцов расчета 'Льюиса', приданного взводу лейтенанта Гастингса, вышел вперед:

— Господин полковник, сэр, разрешите обратиться!

— Обращайтесь, э... — полковник посмотрел на солдата.

— Вольноопределяющийся Джон Томсен, господин полковник, сэр. Студент Оксфорда, с вашего разрешения и племянник датского профессора филологии Томсена⁷, сэр. Я изучал языки у профессора Толкиена, сэр. Знаю несколько немецких и романских языков.

— Тогда, я могу быть уверенным, что вы сможете перевести его речь, вольноопределяющийся?

— Так точно, господин полковник, сэр! Постараюсь, сэр!

— Тогда выньте кляп изо рта пленного, капрал, — приказал сэр Гораций.

— Осмелюсь заметить, господин полковник, сэр, чтобы вы были как можно осторожнее. Эта сволочь кусается, — сообщил капрал Браун, в очередной раз рассматривая перевязанную левую ладонь. — Да еще и плюется, как верблюд, своло... скотина.

— Все же освободите ему рот, — Бошамп сделал пару шагов назад. Быть оплеванным ему совершенно не хотелось. — Иначе, полагаю, нам так ничего и не удастся от него узнать.

В следующие полторы минуты и сам сэр Гораций, и весь Норфолкский пехотный полк, предоставленный, впрочем, лишь Сэндрингэмской ротой батальона один дробь пять, а также несколькими прибившимися во время боя гентцами, саффолкцами и чеширцами из батальона два дробь четыре, могли бы узнать о себе много нового, интересного, причем, судя по

⁷ Автор знает, что профессором Джон Рональд Руэлл Толкин стал в 1925 году, а в описываемое время ему было 22 года и он служил в Ланкаширском полку. Считайте этот разговор авторским произволом.

интонации и экспрессивности речи — явно нецензурного. Увы, понять речь старика никто не смог, кроме восторженного при первых же словах вольноопределяющегося Томсена.

— Ишь как заворачивает, старый, и, похоже, ни разу не повторился, — уважительно произнес Финч, ввиду особенностей своей 'профессии' привыкший к речам, где печатным было лишь каждое третье слово. — Узнать бы еще, что он говорит. Да и запомнить не помешало бы.

— Действительно, похоже на немецкий. Только какой-то архаичный и с вкраплениями чего-то похожего на французский, латынь и... кажется, какой-то из скандинавских языков, насколько я могу судить — шведский или датский, — задумчиво произнес полковник.

— Так точно, сэр, — ответил на замечания сэра Горация вольноопределяющийся Томсен, — не просто похож, а один из диалектов старонемецкого языка. Мне лично кажется, господин полковник, сэр, что пленный говорит на диалекте англосаксонского.

— Англосаксонского? — изумление на лице полковника и офицеров сменилось недоверием.

— Вы имеете в виду древний английский⁸? — опомнившись, первым спросил лейтенант Гастингс и тут же извинился перед полковником. — Прошу прощения, сэр.

Полковник извиняюще кивнул и озабоченно спросил:

— Так вы сможете перевести ему наши вопросы?

— Постараюсь, сэр. Сами понимаете, практики у меня...

— Тогда переводите, — полковник, повысив голос и, обращаясь к старику, добавил. — Сэр, вы меня понимаете?

Дед выслушал перевод, злобно зыркнул в сторону полковника, но промолчал.

— Сэр, вы не подскажите нам? — неторопливо спросил сэр Гораций, вслушиваясь в почти синхронный перевод Томсена.

— Ничтоже я вам не молвлю, воры, — старик, выслушав сбивчивую речь вольноопределяющегося, плюнул под ноги Бошампу.

'Крепок, старый черт', — уважительно подумал капитан Бек.

— Развяжите его, — приказал сэр Гораций.

— При всем моем уважении, сэр... — начал было Гастингс, но был прерван капитаном:

— Выполняйте приказание, лейтенант!

Веревки, которыми были спутаны руки старика, перерезали, однако доброжелательности в его взгляде не прибавилось.

— Сэр, мы зададим вам всего несколько вопросов, и отпустим, — попытался уверить деда капитан Бек.

— К праотцам? — хмуро поинтересовался тот.

— Мы не разбойники, вы заблуждаетесь, — покачал головой полковник Бошамп.

— Нигде я не блуждаю, тут он я стою, — отреагировал дед. — Кто ж вы есть, ежели не тати?

— Мы королевские норфолкские стрелки, а я их командир, сэр Гораций Бошамп. А кто вы, сэр?

— Я Эббе Вонге, арендатор тэна Вулфрика, — сообщение об официальном статусе захвативших его непонятных людей странным образом мгновенно успокоило старика. — Так сии люди — твой фирд, тэн Хорэйс? Аль вы хускарлы⁹? Пошто напали на меня, на моей земле?

— Дело в том, что мы... хм... сбились с дороги, — пояснил полковник, который, определенно, понимал едва ли половину из того, что говорил старик. Хотя, скорее всего,

⁸ Древнеанглийский язык (Old English, англ.) — распространенное в Великобритании название англосаксонского языка.

⁹ Королевские дружинники, буквальный перевод — домашние парни

виноват в этом был перевод бывшего студента.

— Как же это вас угораздило, добрый тэн? Вон же она, за теми холмами идет, — дед указал в сторону холмов, куда на разведку было направлено отделение сержанта Уилмора.

— Туман, — пожал плечами полковник.

— Не иначе Ши над вами покуражились. Уж много дён тумана не было в этих краях. Зрю я, некрепок ты в вере, тэн Хорэйс, коль сего сподобился.

Старик осуждающе покачал головой. 'Я точно угадал, что это сектанты', — подумал Гастингс, дослушав до конца перевод.

— А куда ведет эта дорога, мистер Вонге? — осведомился полковник.

— Так ведомо куда, в столицу эрлдома, — пожал плечами тот. — В Люнденбург.

— Люнденбург? — удивленно переспросил Бек и многозначительно посмотрел на Бошампа.

'Германия? Или все же Америка? Эрлдом... что-то знакомое. Где же я об этом читал?' — успел подумать полковник.

— Где-то это я читал или слышал, — задумался на минуту Томсен и вдруг удивленно выдохнул. — Но это же... это — англосаксонское название Лондона!

Над импровизированным местом допроса повисло тяжелое молчание.

— А скажи, отец... — наконец вымолвил полковник. — Какой нынче месяц?

— Начало октября, тэн. Второй день после Святого Михаила¹⁰. Чего вопрошаешь о явном?

— Да нет, ничего... Идите, мистер Вонге, и простите нас за то, что мы доставили вас сюда связанным.

— Да уж, знамо сие, тэн. Не иначе решили, что завидели разбойную лежку, — кивнул старик.

— Что-то в этом роде... — пробормотал Бошамп и добавил. — Можете не переводить, Томсен. Отпустите его, — приказал он солдатам.

— Старик явно не в себе, — заметил капитан Бек, дождавшись, когда солдаты отвели бывшего пленного на некоторое расстояние.

— Может быть, но погода вполне характерная для английской осени, — заметил лейтенант Роулинг (на место допроса, кроме конвоиров и Гастингса постепенно подошел весь офицерский состав роты, за исключением дежурного лейтенанта). — Кроме того, мистер Уэллс описывал подобное в своем романе 'Машина времени'.

— Я читал это произведение, — кивнул полковник. — Занятно, если мы действительно переместились не только в пространстве, но и во времени. Надо было спросить у этого Вонге, который нынче год по его мнению.

— Прикажете догнать его и спросить, сэр? — произнес Артур.

— Не стоит, он действительно не в себе, — покачал головой сэр Гораций. — Не могу в этом не согласиться с мистером Беком. Однако же, если за теми холмами и впрямь идет дорога на Лондон, то мы вскоре встретим кого-нибудь вменяемого. Полагаю...

— Разрешите, сэр? Все это мне кажется сплошной чепухой, сэр. Непонятный старик, говорящий на странном немецком диалекте, оазис средневропейской природы... Мы просто надышались какого-нибудь немецкого газа и бредим, господин полковник, сэр! — судя по тону, лейтенант Янг готов был впасть в истерику.

— Спокойно, лейтенант, — приказал капитан Бек. — Бредить все вместе и абсолютно одинаково мы не можем. К тому же все происходящее не очень похоже на бред. Для бреда все слишком логично.

— Тогда объясните же мне, черт побери, наконец, что происходит? — сорвался Янг.

— Что происходит? А черт его знает, что происходит, мистер Янг. Пока ясно только одно — мы находимся в неизвестном месте и в неизвестное время. Но мы, дьявол меня

¹⁰ День Св. Михаила — 29 сентября.

раздери, лейтенант Янг, не какие-нибудь шпаки. Мы — военнослужащие, получившие приказ и обязанные его выполнять. И если для этого для этого надо будет спуститься в Преисподнюю и насыпать на соли хвост Сатане — я прикажу это сделать, и вы это сделаете, черт побери! Поэтому я приказываю — ненужные и пустые споры о том, где мы находимся прекратить. Если здесь действительно недалеко проходит дорога на Лондон — отправить к ней разведку... — Договорить полковник не успел, его перебил громкий звук выстрела и крики со стороны охранения.

— Все по местам. Выясните, что произошло, мистер Бек, — полковник опять выглядел спокойно, лишь слишком нервно манипулируя стеком. Через несколько минут вернувшийся лейтенант Роулинг доложил, что солдаты, стоявшие в охранении от его взвода, заметили в кустах оборванца, пытавшегося подобраться к линии обороны. Капрал Джонсон, командовавший секретом, приказал захватить разведчика, но тот ускользнул в густой кустарник. Выслушав доклад Роулинга, полковник приказал Беку усилить охранение, продолжив сборы и выслав в холмы взвод лейтенанта Гастингса для нахождения дороги, ведущей в этот таинственный Люнденбург — Лондон.

Через полчаса вслед ушедшему вперед взводу вышла основная колонна батальона, охраняемая со всех сторон дозорами. Из недалекой рощи, спрятавшись среди кустов за уходящими злобными глазами наблюдал молодой парень в рваной тунике, с перевязанной грязной тряпкой рукой. Убедившись, что пришельцы ушли достаточно далеко, он вылез из кустов и побрел в сторону хутора Вонге, стараясь придерживаться натоптанной вчера солдатами тропинки и настороженно оглядываясь вокруг. Несколькими часами позднее за ворота хуторской ограды вылетел оседланный конь, на котором сидел тот же самый парень. Белея в наступающей темноте повязкой, он устремился в направлении ближайшего города.

Тем временем взвод Гастингса преодолел холмы и вышел на какую-то смутно различимую среди травы тропу или заброшенную деревенскую дорогу. Несколько сильно заплывших колеи от телег, явно накатанных в разное время и никаких следов нормального шоссе. Разочарованный увиденным, лейтенант разослал еще несколько дозоров, чтобы они все же попытались найти настоящую дорогу, заняв с оставшимися солдатами и расчетом пулемета 'Льюис' оборону на одном из холмов.

Неторопливодвигающаяся колонна сэндригемцев подошла к холмам как раз тогда, когда лейтенант Гастингс выслушивал доклады возвратившихся разведчиков. Уже привычно задерживался один дозор, теперь — под командой капрала Брауна. Но не успел Гастингс рассказать о результатах разведки уже вернувшихся, как из-за холмов наконец появился опаздывающий дозор. Солдаты, среди которых капитан Бек сразу приметил рядовых Дарси и Финча, подгоняемые разозленным, что было видно даже издали, капралом, тащили на длинной суковатой палке привязанную за ноги тушку свиньи.

— Не понял, лейтенант, ваши солдаты что — мародерством занялись? — зло спросил капитан Бек у заметно расстроенного увиденным Гастингса. — Разберитесь и доложите, пока полковник не заметил это безобразие.

Гастингс быстрым шагом устремился навстречу возвращающемуся отделению. Увидев его, капрал также обогнал своих неторопливо бредущих подчиненных и поспешил первым встретить лейтенанта. Примерно с минуту они о чем-то разговаривали, потом снова обогнали успевших миновать их солдат, и подошли к удивленно рассматривавшему внезапно замеченную им процессию новоявленных охотников сэру Горацио.

— И что это значит, лейтенант? — постукивая стеком и нахмурившись, спросил Бошамп у подошедшего Гастингса.

— Сэр, отделение капрала Брауна при проведении разведки было атаковано дикими кабанами и вынуждено было открыть огонь. Решив, что в связи с недостатком продовольствия мясо будет не лишним, капрал Браун приказал забрать с собой тушу одной из подстреленных свиней. Сэр, считаю, что он решил правильно.

Полковник несколько секунд недоуменно смотрел на лейтенанта и стоящего у него за спиной капрала с таким выражением на лице, словно неожиданно проглотил лягушку, потом

вдруг расслабился, улыбнулся и ответил: — Вы правы, лейтенант. Раз ваши солдаты добыли дикого зверя, то позаботьтесь о его приготовлении. А вы... — он полуобернулся к капитану Беку, — капитан, обеспечьте размещение личного состава и охранение места стоянки, после чего прикажите офицерам собраться на совет... — он посмотрел на часы, — через четверть часа. Выполняйте, мистер Бек.

Пока солдаты под руководством Уилмора и Дарси готовили костер и разделявали тушу, офицеры роты собрались у небольшого холмика, скорее даже кочки-переростка и, поглядывая на работающих у костра рядовых, перебрасывались шутливыми воспоминаниями о забавных происшествиях на охоте и рыбалке. Полковник, проверив охранение, подошел к стоящим вместе с лейтенантом Гастингсом, капитаном Беком и вольноопределяющимся Томсеном.

— Вольно, джентльмены, — сказал он, доставая из кармана кителя портсигар. — Разрешаю курить, — и, расположившись на устроенном денщиком импровизированном сидении, подзвал к себе вольноопределяющегося Томсена. — Мистер Томсен, вы твердо уверены, что допрашиваемый нами крестьянин говорил на саксонском?

— Уверен, господин полковник, сэр. Скажу даже больше — по некоторым используемым словам я бы отнес его речь к уэссекскому диалекту. Может быть, я и ошибаюсь, но, как утверждает профессор Толкиен...

— Неважно, мистер Томсен. — прервал разошедшегося студента полковник. — Лучше скажите мне, какова вероятность того, что мы встретим в европейских странах или в Америке оборванца говорящего на древнеанглийском?

— Ничтожна, господин полковник, сэр. Именно поэтому у меня...

— Подождите, вольноопределяющийся. Напоминаю, джентльмены, что вы все присутствовали на опросе местного крестьянина. Полученные от него сведения вам также известны. У кого какие мнения, где мы находимся и что делать дальше?

— Господин полковник, сэр, джентльмены, — лейтенант Янг не выдержал первым. — Неужели вам не видно, что старый пень соврал? Какой Лондон, какая Англия? Вы видите где-нибудь нормальную шоссеиную или железную дорогу, или телеграфную линию? Где обычные для деревенского пейзажа фермы или деревни? Посмотрите — вокруг не обычный английский лес, а какие-то чащобы. Таких в Англии не найти! Неужели не ясно, что мы просто попали в какой-то оазис на все том же проклятом полуострове и надо обязательно возвращаться назад?

— Даже если мистер Томсен не прав, все равно, боюсь, возвратиться нам не удастся, — заметил лейтенант Роулинг, оглядываясь, не слышит ли его кто-нибудь из солдат, — поскольку для этого, как мне кажется, нам понадобится машина мистера Уэллса.

— К моему сожалению, вы, лейтенант, правы, — отвлекшийся на наблюдение за разделявавшими тушку свиньи солдатами, капитан Бек повернулся к Роулингу и нервно пригладил усы. — Рядовой Финч после исчезновения тумана пытался войти в терновник... — Бек еще раз пригладил усы и бросил взгляд в сторону молча кивнувшего Бошампа, — и обнаружил, что на расстоянии около пары футов просека исчезла и сменилась нетронутым кустарником. Так что обратной дороги у нас нет.

— В таком случае... — начал Янг, но лейтенант Гастингс перебил его. — Джентльмены, но если обратной дороги нет, то остается только отправиться к этому Лондону или как его... Люнденбургу. И выяснить, я полагаю, окончательно, как обстоят дела на самом деле. — Большинство присутствующих встретило предложение Генри одобрительно.

— Что же, джентльмены, я рад, что вы пришли к тому же выводу, что и я. Поэтому сейчас принимаем пищу, — полковник демонстративно принялся, — тем более, что, судя по доносящимся ароматам, мясо уже готово и через час после обеда выдвигаемся...

— Господин полковник! Извините, сэр, что перебиваю. А куда? — лейтенант Янг, похоже, опять собирался начать обсуждение.

— Как куда? На восток, лейтенант, на восток. Именно туда показывал этот, как его...

старый пенъ со странным именем Эббе Вонге, — полковник, в предвкушении обеда, был настроен добродушно.

Отдыхающие солдаты, пользуясь относительной свободой в отсутствии офицеров, тоже обсуждали странности этого дня. Солдаты из взвода лейтенанта Роулинга, расположившись на траве и с удивлением разглядывая окружающий пейзаж, внимательно слушали разговор двух капралов, обсуждавших последние новости:

— Слыхал, Томми Финч пытался вернуться назад, но просека исчезла.

— Не, не слыхал. Эт какой Финч? Из отделения Брауна, штоль?

— Он самый.

— Ну, тот соврет — недорого возьмет. Лучше скажи, сколь на твоих карманных?

— Ну, четыре часа, а чо?

— Угу, а по солнцу не больше двух, разрази меня Господь!

— Ну, тут уж я не поверю. Эт, и подумай. А ежели Финч прав? Где мы тогда?

— Где, где... откуда мне знать. Вот лейтенант придет и скажет. Наше дело стрелять и помирать, а где и за чо — офицеры скажут. Радуйся лучше, што турков тут нету. Да и со зверьем хорошо. Глянь, скоро мяска свежего поедим.

— Свеженького мясца — это хорошо. Только хоцца узнать еще, в какую ерунду мы попали.

— Тсс, молчи, вишь — лейтенант идет.

Пододошедший Роулинг с недоверием посмотрел на внезапно замолчавших солдат, но промолчал. Потом он приказал отправить двоих для получения мяса и приступить к обеду.

Пообедавшие, пусть порции мяса, доставшиеся каждому, были и не слишком велики, и слегка повеселевшие сэндригемцы построились в колонну. Вытянувшаяся вдоль дороги змея пехоты, мягко топоча всеми двумя с лишними сотнями пар ботинок и сапог, отправилась куда-то в неизвестность. В голове колонны, сразу за передовым взводом, шли Бошамп, Томсен и Бек.

Взвод Гастингса, уже отличившийся сегодня, опять был назначен передовым. Сам лейтенант шел впереди, командуя головной заставой. Необычные обстоятельства заставляли всех настороженно следить за окружающим. Поэтому и лейтенанты Кроуфорд и Роулинг тоже шли вместе с боковыми заставами, да и арьергарде, с тыловой заставой также шел лейтенант.

Так, неторопливо передвигаясь и настороженно осматривая каждый встречный холм или заросль кустарника, батальон прошел мили две — три.

— Мистер Томсен, вы, как я понял, полагаете, что мы, подобно герою произведения мистера Уэллса, перенеслись в прошлое? — капитан Бек, до этого внимательно изучавший сорванную им травинку и даже попробовавший ее на вкус, полуобернулся к вольноопределяющемуся.

— Так точно, господин капитан, — не задумываясь, ответил Томсен. — Кроме архаичного языка допрашиваемого, и обращения к господину полковнику, как к англосаксонскому дворянину — тэну, я могу привести еще несколько фактов, свидетельствующих о моей правоте, сэр.

— Это каких же, мистер Томсен? — заинтересованно переспросил прислушивавшийся к диалогу полковник.

— Например, в разговоре со мной рядовой Бартоломью и сержант Уилмор упомянули, что их удивило почти полное отсутствие железных инструментов на наблюдаемой ими ферме. Кстати, вспомните, и лейтенант Гастингс заметил, что серпы, которыми убирали урожай аборигены, были деревянными с режущими вставками. Это как раз характерно для англосаксонской эпохи, сэр.

— Не вижу ничего столь уж поразительного, господа, — произнес Бошамп. — Не поразило же вас предположение о том, что мы перенеслись в пространство? Так отчего мы не могли отправиться в прошлое?

— Потому, сэр, что оно уже произошло, — ответил капитан Бек.

— Но и будущее еще не случилось, господин капитан, сэр, — парировал Томсен. — К тому же напомню вам, что переноситься мгновенно с места на место люди не умеют, сэр.

— Капитан, вольноопределяющийся, успокойтесь, — произнес полковник. — Никто из вас не является ученым — физиком, так что давайте умозрительные споры о природе пространства и времени оставим на потом. Нам необходимо как-то довести полученные сведения до солдат. Долго истинное положение вещей скрывать мы не сможем, да и взвод мистера Гастингса пора в дозоре менять. Солнце зайдет максимум через часа через три, если мы действительно оказались в Англии в октябре. До этого времени необходимо найти подходящее место для лагеря и решить проблему с питанием. Не знаю как вы, джентльмены, а солдаты через час наверняка проголодаются. Как вы считаете, мистер Бек?

— Вы правы, сэр. Но выхода я пока не вижу. Придется им потерпеть, пока не найдется какой-нибудь деревни, — капитан покачал головой, — где бы мы могли конфисковать или купить продукты.

— Что же, скоро все равно делать большой привал. Потрудитесь собрать роту на построение, мистер Бек. Постараюсь довести до солдат трудности текущего момента, — натянуто улыбнулся сэр Гораций, опять несколько нервно манипулируя стеклом.

— Сэр, извините, но не слишком ли рано? Ведь пока ничего в точности не известно. Не будет ли лучшим выходом — подождать до появления более точных сведений? — Реджинальд Бек всем своим видом показывал скептическое отношение к намерению сэра Горация.

— Вы полагаете, капитан, что солдаты ничего не поняли? Ситуацию же точно придется объяснить, поскольку, я полагаю, до самых тупых уже дошло, что окружает нас, — иронично ответил полковник, одновременно показывая на окружающий дорогу пейзаж, где поляна только что сменилась небольшой дубовой рощицей, почти вплотную примыкающей к дороге, — отнюдь не турецкая территория.

— Нет, сэр. Я полагаю, что пока солдатам не совсем понятно, что произошло в действительности, они не решаться ни на что более, чем обычное ворчание. Да и дезертировать в незнакомой местности, с риском попасть в руки турок, — капитан еще раз отрицательно качнул головой, после чего машинально поправил усы. — Тем более, сэр, пока они выполняют марш и им некогда отвлекаться на посторонние дела. А позднее... думаю, мы либо наткнемся на кого-нибудь, либо найдем поселение аборигенов.

Полковник, хмыкнув, несколько минут шел молча, что-то обдумывая и машинально сбивая стеклом верхушки изредка встречающихся травинки. Все окружающие тоже замолчали и колонна шла в тишине, нарушаемой лишь шелестом трав и приглушенным топотом солдатских ботинок о мягкую землю.

— Вы правы, капитан, — неожиданно прервал молчание сэр Гораций. 'Старик', как его заглазно называли в батальоне, был любим офицерами именно за его способность самокритично признать свои ошибки.

— Пожалуй, подождем с объяснениями, пусть даже эта мысль и не совсем мне нравится. Но, черт побери, если ничего не прояснится в течение ближайших нескольких часов, вам, мистер Бек, придется напрячь свои мыслительные способности, чтобы помочь мне придумать внятные объяснения случившемуся, и заставить офицеров и солдат поверить в них.

— Так точно, сэр. Думаю, однако, пока этого не понадобится, сэр. Я вижу посыльного от лейтенанта Гастингса, — в голосе капитана прозвучала почти неразличимая ирония.

— Где? А, вижу. Черт побери, капитан, вы сегодня постоянно обыгрываете меня. Встреча, очевидно, произойдет раньше, чем мы думали, — со столь же слабо различимой иронией в интонации ответил полковник. — Мистер Томсен, не отставайте. Раз уж вы у нас за переводчика и знатока ситуации, так соизвольте находиться рядом со мной, — добавил он, полуобернувшись.

— Разрешите... доложить, господин полковник... сэр! — посыльный, молодой, крепкий парень, явно спешил и слегка запыхался. — Лейтенант Гастингс сообщает, что

передовой дозор под командованием сержанта Уилмора дошел до развилки дороги и обнаружилдвигающуюся с юга на расстоянии до двух миль колонну кавалерии, силой до взвода. Передовой дозор отступил к заставе. Взвод занял оборону на холме около дороги. Лейтенант ждет ваших указаний, сэр!

Полковник быстро осмотрелся, профессионально оценивая пригодность местности к обороне. Взвод кавалерии против роты пехоты с пулеметами — ничего серьезного. Но со времен кадетской юности полковник крепко запомнил одно — небольшая кавалерийская застава практически всегда предвещает подход двигающихся за ней основных, чаще всего не таких уж и маленьких, сил противника.

'Вон те два очень удачно расположенных холмика ярдах в ста справа. Пожалуй подойдут. Сектора обстрела ничем не перекрыты, если не считать заросли кустарника слева, не очень обширные и вряд ли позволяющие укрыть больше десятка солдат. Трава густая, но помехой для наблюдений не будет. Других более удобных мест не вижу', — мысли промчались в голове сэра Горация быстрее, чем вспугнутый кулик над болотом.

— Капитан, занять оборону фронтом на юг на тех двух возвышенностях справа. Боковые заставы снять, арьергард — в резерв. Приготовиться к атаке кавалерии. Огонь открывать только в случае явной враждебности. Я с вольноопределяющимся и расчетом пулемета — к Гастингсу. Выполняйте.

Солдаты, ворча и проклиная судьбу, подкинувшую вместо большого привала очередное приключение, быстрым шагом, а некоторые взвода — бегом, устремились в указанном направлении. Взвод лейтенанта Роулинга, развернувшись в цепь прямо на дороге и стараясь укрыться в неглубокой колее или за малейшими кочками, остался прикрывать развертывание. Два пулеметных расчета, развернувшись за редкой цепью пехоты, заняли позиции на небольшом холмике, почти кочке. А полковник Бошамп, Томсен и расчет 'Льюиса', в котором раньше числился вольноопределяющийся, а сейчас вместо него — рядовой Бартоломео, в сопровождении нескольких посыльных поспешили вперед, к взводу лейтенанта Гастингса.

Спустя некоторое время сэр Гораций смотрел в бинокль на приближающийся отряд конницы и испытывал чувства, для выражения которых литературных и приличных эпитетов у него не находилось. Опустив бинокль, он повернулся к Генри Гастингсу и, заметив на его лице абсолютно идентичное выражение, улыбнулся: — Не знаю, откуда и куда спешат эти люди, но лично я начинаю чувствовать себя Алисой из книг мистера Кэррола.

— Понимаю вас, сэр. Все страньше и страньше? — понимающе улыбнулся в ответ лейтенант.

— Именно так, мистер Гастингс. Точнее и не скажешь.

Отряд конницы приближался неторопливой рысью к разместившимся на пригорке у дороги норфолкским пехотинцам и, наконец, приблизился на расстояние, когда мельчайшие подробности стали видны невооруженным взглядом. Удивленные солдаты не смогли сдержать ругательств, пусть произнесенных негромко, почти шепотом, но отчетливо слышанных офицерами.

— Сержант Уилмор, закройте рот, и прикажите солдатам приготовиться к отражению атаки, — скомандовал Гастингс.

— С-с-слушаюсь, сэр, — выдохнул тот.

Удивление храбрых норфолкских стрелков было легко объяснимо, поскольку по дороге к ним приближались непонятные бородатые длинноволосые оборванцы, весьма отдаленно напоминавшие иррегулярную турецкую конницу, башибузуков. Одетые в какие-то длинные рубахи, с разноцветными развевающимися плащами за спиной, некоторые — с копьями у ноги, притороченными к седлам шлемами и большими миндалевидными щитами они всем своим видом отрицали принадлежность к двадцатому веку. Но и на привычных по иллюстрациям в книгах рыцарей эти странные всадники походили не больше, чем полковник Бошамп — на Санта Клауса. Кем бы ни были подъезжающие, но явно не современными англичанами и не турками. За отрядом кавалеристов тянулось несколько неуклюжих,

старинных, скрипучих, тяжелогруженных телег, влекомых упряжками волов. Заметив лежащих пехотинцев, всадники слегка придержали коней, однако, некоторое время спустя, уверенно направились в сторону норфолкцев.

— Неужто Роулинг оказался прав, сэр? Но эти всадники мне кажутся нисколько не похожими на англосаксов, какими их описывают наши историки. В какую же чертову срань мы попали? Извините, сэр.

— Именно так, мистер Гастингс. Попали. Точнее и не скажешь, — Бошамп встал, одновременно расстегивая кобуру своего 'Веблея' и положил ладонь на рукоять. Лейтенант последовал его примеру. Томсен также поднялся, встав чуть левее полковника и взяв переднего из конников на прицел.

Группа из семнадцати всадников приблизилась к пехотинцам на расстояние в шесть-семь ярдов и остановилась, не выказывая, впрочем, никаких признаков агрессии.

— Я королевский тэн Вулфрик, здешний ширриф — с удивлением разглядывая пригорок, лежащих и стоящих англичан, произнес один из всадников, в несколько менее застиранном хитоне, нежели остальные. — А кто будете вы?

Томсен привычно, без команды, перевел сказанное, вызвав еще один удивленный взгляд со стороны Вулфрика.

— Так кто же вы, и что вы делаете на земле моего шайра? — повторил всадник, кладя правую руку на рукоять внушительного топора на длинном древке, висящего сбоку от седла.

— Я сэр Горацио Бошамп, командир норфолкских королевских стрелков, — полковник, выслушав перевод, собрал все свое мужество, гордо вскинул голову и положил левую ладонь на рукоять сабли.

Глава III Людам для войн не хватало земли

*Коварный лев тянулся вновь к чужой короне,
И, чуя будущую кровь, храпели кони.*

Р. Киплинг

Утром дня Святого Михаила, небесного покровителя Нормандии, большой, красиво украшенный корабль потерянно дрейфовал у английских берегов. Стоящие на палубе люди с волнением и испугом осматривали поверхность моря. Одинокое судно с большим красно-золотым парусом было во власти случая, который в любой момент мог столкнуть его с боевым кораблем англичан или с пиратским судном. Волнение словно парализовало экипаж, многие из доблестных и храбрых соратников находившегося на этом же судне герцога Нормандии Гильома¹¹ Бастарда, были близки к панике. Большинству казалось, что катастрофа, которую так ждали с самого начала этой безрассудной затеи сюзерена — завоевания престола Королевства Английского, произойдет с мгновенье на мгновенье.

Только герцог и его оруженосец, Роберт де Гранмениль, племянник сенешаля Нормандии Гильома Фиц-Жере, спокойно принимали все происходящее. Роберт, видя, что

¹¹ Правильное произношение имени нормандского герцога Вильгельма Завоевателя, будущего короля Англии, на нормандском диалекте старофранцузского. Вильгельм — англосаксонская версия имени. Бастрд — незаконнорожденный. Вильгельм был сыном простой горожанки и герцога Роберта, рожденным вне брака

его господин, которому он безоговорочно доверял, спокойно приказывает убрать парус и бросить якорь, совершенно не волновался. В конце концов, уже больше тридцати лет, с момента смерти возвращавшегося из паломничества в Святую Землю отца — герцога Роберта, Гильому Нормандскому пришлось неоднократно доказывать свое право на высокий пост. Незаконнорожденный сын, он сумел привлечь на свою сторону большинство знати герцогства, подавить возникшую во время его малолетства смуту и навести такой порядок в своих землях, что ему завидовали многие властители ближних и дальних земель. Деливший со своим герцогом большинство из выпавших на его долю испытаний, Роберт помнил, как неоднократно, в самых тяжелых ситуациях, его господин находил выход из казалось бы безвыходного предложения. Он великолепно запомнил, что много раз предложенные герцогом меры казались окружающими ошибочными и неправильными, а в результате оказывались не просто единственно верными, но и приносящим максимальный успех.

Пока Роберт вспоминал самые тяжелые времена, начавшиеся с заговора сеньоров Нижней Нормандии, многочисленные бои и осады, герцог приказал подать на палубу завтрак. Едва ли не насильно усадив за свой стол самых знатных путников, герцог приступил к трапезе, приказав оруженосцу тоже поесть, оставив за себя прислуживать за столом одного из взятых в поход пажей. Роберт устроился неподалеку, но кусок, несмотря на отсутствие волнения, не лез ему в глотку и он больше приглядывался и прислушивался, что творится за столом. Герцог же, наоборот, ел с великим удовольствием, поглощая одно за другим холодное мясо, паштеты и пироги, перемежая еду обильными возлияниями. При этом он не переставая шутил, сам смеялся первым, стараясь беседой и юмором воодушевить своих соратников, к которым постепенно возвращалось хладнокровие. Скоро за столом установилась непринужденная атмосфера, как будто завтрак происходил не на палубе качающегося на волнах у вражеских берегов корабля, а где-нибудь на природе перед охотой, не сулящей ничего, кроме развлечения. Окончательно успокоившийся Роберт тоже поел, после чего отправился в установленную на палубе палатку, чтобы осмотреть и приготовить оружие, свое и господина, к высадке. Не успел он откинуть полог, как наблюдатель на корме закричал, что видит на горизонте четыре мачты и все, включая герцога и самого Роберта, устремились туда, чтобы посмотреть на приближающийся флот. Сначала действительно были видны только четыре мачты, затем из-за горизонта появились еще столько же, потом еще и еще, пока все наблюдаемое пространство не покрылось кораблями. 'Словно возник лес из деревьев, украшенных парусами' — мелькнула в голове Роберта мысль. Тут он сообразил, что как только корабли подойдут поближе, начнется высадка и, не теряя времени, отправился собирать все необходимое.

Тем временем корабли подходили все ближе и ближе и наконец весь нормандский флот, почти тысяча кораблей и барж, собрался у берега обреченного на завоевание королевства. Наступил третий час дня¹² когда флот подошел к берегу около мыса Бичи-Хед и корабли приткнулись к земле Англии в нескольких маленьких бухтах и на отмелях вдоль побережья между Певенси и Гастингсом. В пределах видимости — ни английских кораблей, ни наземных дозоров. Ни одной живой души ни на суше, ни на островках, которыми усеяно море. Тишину нарушал только шум прибоя, звон оружейного металла, скрип корабельных снастей и резкие команды шкиперов, да редкие фразы обменивающихся мнениями начальников. Корабли бросили якоря, матросы спустили паруса, а первые воины, держа оружие наизготовку, уже спрыгивали с палубы в воду. Вслед за ними устремились сотни и тысячи. Выбираясь на берег, бойцы сбивались в отряды и занимали оборону, прикрывая высадку лошадей, которых уже оседланными выводили на сушу длинными вереницами конюхи. Рыцари облачались в доспехи и, вооружившись, садились на коней.

Проходят долгие часы и наконец в девять¹³ часов дня герцог, сопровождаемый верным

¹² Около 15 часов дня.

¹³ 9 часов утра

оруженосцем, последним покидает судно.

Раздаются радостные приветственные крики: 'Аой!'. Роберт счастливо улыбается, радуясь, что долгое ожидание кончилось и в этот момент герцог, поскользнувшись на мокром, пропитанном морской водой песке, падает. 'Дурное предзнаменование' — мелькает в голове Роберта мысль, а радостные крики сменяются огорченными. Многие охвачены ужасом, словно испуганные дети, а не закаленные в боях воины. Роберт бросается помочь, но Гильом уже встает сам, как ни в чем не бывало, улыбаясь и показывает всем полные горсти песка, захваченного им при падении: — Богом клянусь, эта земля, которую я схватил своими руками, больше не ускользнет от нас!

Мрачное молчание вновь сменяется воодушевленными радостными криками, а уже вскочивший на подведенного пажом коня Роберт, быстро оглядевшись, устремляется к стоящей на берегу полуразрушенной хижине, временке, построенной, видимо рыбаками во время лова. Перед ним расступаются, провожая его удивленными взглядами, отряды воинов из Контантена. Подскакав к хижине, Роберт на ходу ловко выдергивает из ее крытой полусгнившей соломой крыши пучок, и скачет обратно. Еще звучат крики, еще герцог не трогается с места, когда подскакавший де Гранмениль протягивает ему этот пучок соломы: — Сир, я ввожу вас во владение Английским королевством! — произносит он под громкий, гомерический хохот присутствующих. Сменяются все, включая Гильома, мгновенно оценившего удачную пародию на инвеституру¹⁴, придуманную оруженосцем.

Но время поджигает, английское войско может появиться в любой момент, поэтому герцог приказывает захватить ближайшей городок на побережье — Певенси. Ворвавшись в опустевший город норманны обнаружили огни, тлеющие в очагах, неопровержимое доказательство, что местные жители обратились в бегство совсем недавно, при виде чужеземного флота. Не удовлетворившись захватом города, они соорудили лагерь, окружив его рвом и частоколом, а на небольшой возвышенности неподалеку, господствующей над бухтой, по приказу герцога — деревянный замок. Пока шла работа, отряды норманнов шарили по окрестностям, добывая продукты у испуганных вторжением крестьян, а заодно разведывая местность. Нередко в такие поездки, сопровождаемый небольшой свитой рыцарей, а то и вообще сам-друг, выезжал и герцог, вызывая у своих друзей и вассалов тревогу. Бывшее одной из черт характера герцога бесстрашие, иногда переходившее в безрассудство, порой толкало его на опрометчивые поступки.

Окружающая местность казалась Роберту дикой по сравнению с более обжитой Нормандией, коварные болотистые долины и густо заросшие холмы не внушали доверия. Обширные болота могли без особых усилий поглотить всю армию норманнов, а густые чащобы, пройти которые, не имея топора, было практически невозможно, преграждали путь, казалось, на каждом шагу. В этих лесах, в отличие от более густонаселенной Нормандии, бродили непуганые дикие звери. Стаи волков, ничуть не боясь проезжающих всадников, смело пересекали им путь. У подножия многочисленных дубов рыли землю стада кабанов, возглавляемые могучими секачами, способными одним ударом своих мощных клыков распороть брюхо боевому коню. Часто встречалась поистине королевская дичь — большие олени, чьи вожаки, заметив приближающуюся угрозу, сгоняли стадо в кучу, а сами, наклонив мощные рога, готовы были сразиться с наглыми двуногими, вторгшимися на их территорию. Редкое население, жившее в небольших городишках и деревеньках, жалось поближе к побережью, оставляя огромные территории безлюдными. Дороги, больше похожие на тропы, часто так были изборождены колдобинами и буераками, и залиты грязью, что совершенно не позволяли передвигаться по ним верхом. Приходилось спешиваться и вести коней в поводу.

Казалось, что англосаксонские воины бесследно исчезли с окружающих земель, но

¹⁴ В средневековой Европе юридический акт передачи земельного владения или должности, закреплявший вассальную зависимость и сопровождавшийся передачей символического предмета (кома земли, посоха, кинжала, перчатки и т. д.) от сеньора к вассалу.

нормандские бароны, видя, как их сюзерен изо дня в день покидает лагерь верхом в сопровождении не более одного или двух десятков всадников, пребывали в постоянном страхе, как бы герцог не попал в засаду свирепых местных крестьян.

Как-то раз, когда уже наступили сумерки, а герцога все не было, группа во главе Югом де Монфором отправилась его искать и, в конце концов, нашла. Вильгельм шел пешком, в кольчуге, неся на плече еще и кольчугу сенешаля Фитц-Осборна. Он выглядел бодрым, словно только что вышел на прогулку и потешался над совершенно выбившимся из сил сенешалем, ведущим в поводу их коней. Сопровождающие их рыцари также шли пешком, давая отдых усталым лошадям. Среди них шел и мрачный де Гранмениль, обиженный недоверием своего господина, не отдавшего ему доспехи сенешаля. Подоспевший Юг де Монфор освободил Вильгельма от столь необычной ноши и, обратившись к герцогу суровым тоном, сказал: — Монсеньер, вам ни разу не приходило в голову, что местные жители могут напасть на вас? — бросив укоризненный взгляд на оруженосца.

— Нет, Юг, никогда, — весело отозвался Гильом и добавил: — Не ругай моего верного Роберта, он и так нагружен нашим оружием сверх меры.

В этих поездках герцог обнаружил, что более удобной, чем Певенси, базой для его войск и флота мог бы стать Гастингс, расположенный на несколько лье восточнее. Город этот господствовал над дорогой, ведущей в Лондон, и имел великолепную гавань, способную вместить и лучше защитить нормандский флот. Оставив в Певенси небольшой гарнизон, Гильом отвел свое войско на восток и приказал половине своих судов укрыть под прикрытием меловых утесов бухты Гастингса. На холме около бухты соорудили второй деревянный замок из одной-единственной башни, окруженный частоколом. Вокруг подножия холма прокопали ров, а довольно обширное поле позади рва образовало двор. На этом поле поставили жилые бараки и конюшни. Еще один — внешний, ров с насыпанным за ним валом и частоколом окружал все сооружение. Прорезанные в частоколе ворота с подъемным мостом защищала еще одна, меньшая, деревянная башня.

Работы по укреплению нового местопребывания были еще в полном разгаре, когда к герцогу прибыл гонец от некоего Робера — уроженца Нормандии, живущего недалеко от побережья, у Лондона. Он прислал приветствие и старательно написанное письмо с последними известиями. 'Тостиг, брат и враг Гарольда, и норвежский король Харальд Хардрада', — писал доброжелатель герцога: 'высадились на севере, в решительном сражении под Фулфордом, неподалеку от Йорка, разбили ополчение Нортумбрии под руководством эрлов Эдвина и Моркара, и даже захватили Йорк. Но Гарольд Годвинсон со своей дружиной стремительно двинулся на север, по пути собирая отряды уэссекского ополчения, и неожиданно для норвежцев, через четыре дня оказался от их войска на расстоянии полета стрелы. В битве у Стэмфорд-бриджа англичане наголову разбили противника, при этом погибли оба предводителя норвежцев — и Тостиг, и Харальд'. Далее осведомитель сообщал герцогу, что один из жителей Гастингса, будучи свидетелем высадки норманнов, решил уведомить об этом событии Гарольда. В тот же день он отправился в Лондон. По его прибытию из Лондона на север были посланы гонцы, которые со всевозможной скоростью отправились в Йорк, чтобы доставить королю весть о высадке норманнов на английском берегу. Одновременно шерифы Эссекса объявили сбор оставшегося на месте ополчения, отряды которого стекаются в Лондон. Автор письма советовал Вильгельму не покидать укрепленный лагерь, так как дошли слухи, что Гарольд поспешно двинулся на юг, поклявшись скорее погибнуть, чем пустить врага вглубь Англии хотя бы на милю.

— Передай своему господину, — сказал гонцу Гильом, — что я сражусь с Гарольдом при первой же возможности.

Дождавшись, пока гонец покинет залу, Гильом обернулся к своим приближенным. На его губах промелькнула недобрая усмешка, вызвавшая ликование в душе Роберта. О, ему не впервой было видеть это выражение лица сюзерена. Так он улыбался, получив известия о вторжении королевских войск, закончившемся полным их разгромом на реке Див.

— Двинулся на юг, — негромко повторил он и снова заглянул в письмо. — Ему

следовало ждать меня в Лондоне. Тебе дали прекрасный совет, Гарольд Годвинсон! Но ты ни в коем случае не примешь его.

Герцог пододвинул письмо поближе и, оглядев присутствующих, добавил:

— Друзья мои, я правильно оценил графа Гарольда, когда сказал вам, что он будет действовать сгоряча. Гарольд собирается дать нам сражение на этом берегу. А я только этого и жду! — брови Гильома сурово сдвинулись. — Как же он глуп.

— Однако это храбрейший человек, пусть узурпатор и клятвопреступник, — сказал Юг де Монфор, глядя прямо в глаза герцогу.

— Храбрый как лев, несомненно. Но он потеряет Англию по глупости своей. Он не пустит меня ни на лье вглубь страны, подумайте только! О, раны Господни! Ему надлежало бы заманивать меня подальше от берега и от моих кораблей, в непривычную страну, где мое войско могло бы попасть в окружение, да и разорить всю местность на моем пути к тому же, чтобы нам нечего было есть. А он пожалел невинный народ. Народ, подумать только!

— Да, монсеньер, ему следовало бы действовать, как вы действовали, в тот час, когда король Франции нарушил границы наши. Отступить, заманивать и дать сражение в самый благоприятный момент, — подтвердил коннетабль Рауль де Тессон.

— Ты прав, Рауль, я не произносил тогда громких фраз, чтобы пробудить в людях преданность, но как умел, тщательно обдумывал каждый шаг свой, чтобы спасти Нормандию. Гарольд не хочет уступать нам земли, поклявшись оборонять ее любой ценою. Это говорит его сердце, гордое, полное мужества и благородства, но глупое сердце, не внимающее доводам разума. Говорю вам, мессир, если бы он остался в Лондоне, он смог бы одолеть нас. Но теперь он обречен. Свершится Божий суд. Раны Господни! Ведь Эдуард обещал мне отдать корону свою, а Гарольд клялся на святых мощах в том содействовать. Не так ли, мессир? И теперь Гарольд, корону незаконно захватив, стремится нас атаковать. Явно Господь затмил его разум.

— Но вы совершенно не считаетесь с той возможностью, что его уговорят засесть в укреплениях Лондона, монсеньер? — спросил де Тессон.

Гильом рассмеялся: — Нет, в Лондоне он ни за что не останется. Еще раз повторю вам, мессир, сей военачальник из тех, что выигрывает битвы, но проигрывает войны. Я знаю это с того самого дня, как увидел его в Нормандии. Помните, как он в походе на Динан, забыв обо всем, спасал простого воина? Уверю вас, мессир — все будет так, как я говорю.

На этом и закончилось в это день обсуждение полученных новостей.

Едва был достроен замок, как отряды баронов снова отправились во все стороны на поиски продовольствия и фуража. Южное побережье подверглось опустошению на много лье вокруг, и только у небольшого городка Ромни норманны столкнулись с упорным сопротивлением жителей. Отряд из кэрлов, как сельских, так и городских, вооруженных самым разнообразным оружием, вплоть до каменных топоров, под управлением нескольких храбрых тэнов, нанес серьезное поражение отряду барона де Авранша, причинив ему существенные потери. Оба участвовавших в бою конруа потеряли почти по половине своей численности ранеными и убитыми, но так и не смогли конными атаками пробить 'стену щитов' отважных англосаксов. Таково было первое знакомство норманнов со стойкостью и храбростью своих противников.

Роберт, увидев привезенных раненых и расспросив знакомого рыцаря о битве, опять приуныл. По всему было видно, что даже распространенные норманнами рассказы о завещании Эдуардом Исповедником престола именно герцогу Нормандскому и о клятве Гарольда помочь ему занять трон английских королей нисколько не помогли. Англичане держались своего короля, отнюдь не собираясь переходить на сторону завоевателей — чужеземцев. И касалось это не только знатных людей, но и крестьян, которые поддерживали своих господ, явно и очевидно не желавших иметь на престоле чужеземца.

Вскоре герцогу пришло еще одно известие от его соотечественника — согладатая. В нем сообщалось, что в первый день октября Гарольд получил известие о высадке, а уже на седьмой день он был в Лондоне со своими тэнами и всадниками, оставив Эдвина и Моркара

с их потрепанными отрядами на севере, но приказав им собрать достаточные силы и присоединиться к нему позднее. Уильям Малэ, хотя и сам сакс по происхождению, вначале отказывался верить услышанному: — Я знаю расстояние от Йорка до Лондона, его невозможно одолеть за семь дней со всем войском, это выше сил человеческих. — Но вскоре полученная весть подтвердилась и в нем проснулась гордость за соплеменников. — Раны Господни! — восклицал он. — Вот это герои — эти английские таны! Без отдыха и пищи! Стойкий, неустрашимый, достойный противник! — Он сказал это, и многим баронам сразу привиделись легионы светловолосых бородатых людей, марширующих днем и ночью, спешащих защитить родные земли от иноземного противника, то есть от них. И многие содрогнулись, вспомнив о раненых и убитых, привезенных де Авраншем. Их явно ждала впереди отнюдь не легкая битва.

Четыре дня, пока Гарольд находился в Лондоне, собирая ополчение, прошли для свиты герцога в томительном ожидании. Роберт, каждый день начищая оружие и кольчуги, лишь бы чем-нибудь занять время, мрачно вспоминал, каким богатырем выглядел сам узурпатор. Вспоминал и живших при дворе герцога английских заложников — высоких, гордых людей, настоящих воинов, несмотря на видимую изнеженность лиц и длинные волосы. Иногда вспоминал де Гранмениль и обман, с помощью которого его господин заставил поклясться сакса на священных реликвиях, спрятав их под скатертью, как обычный стол. Закончив свои дела и бродя по лагерю, он замечал, что многие выглядят не лучше него. И лишь сам Гильом с уверенностью смотрел в будущее, поддерживая дух войска своими шутками. Только на одиннадцатый день октября вышел Гарольд из Лондона, о чем норманнам немедленно сообщили соглядатаи, как и о том, что по пути к нему присоединяются многочисленные добровольцы. Одни — в полном вооружении, кольчуге и со щитом, другие — с каменными топорами, а кое-кто вообще с деревянной дубиной или лопатой из своего же хозяйства.

Три дня спустя пришло известие, что англосаксонское войско добралось до окрестностей Андредсвелда и расположилось лагерем милях в трех от Гастингса, там, где дорога на Лондон проходит по холму, возвышающемуся над долиной Сенлак и носящему то же имя. Герцог сразу же направил в лагерь Гаральда своего посланца, монаха Юона Марго, хорошо владевшего англосаксонским языком.

В лагере все ждали, чем же закончатся переговоры. Роберт поспорил на два су с бакалавром Андрэ Фиц Максом, что Гарольд откажется даже разговаривать с посланцем и очень надеялся выиграть. Правда ждать быстрого возвращения долга от бедного, владеющего только оружием третьего сына не очень богатого вассала из Понтеи, настолько бедного, что он не имел даже боевого коня и был поставлен командовать отрядом понтейских лучников, можно было только после победы. Если им обоим повезет остаться в живых и если они захватят богатую добычу, то проигравший рассчитается. А пока... пока Роберт и Андрэ пили скверное пиво, привезенное фуражирами из последней поездки и обсуждали ассамблею в Лилльбоне. Андрэ, гордый знакомством с самим оруженосцем герцога, раздобыл аж четыре кувшина этого не слишком вкусного, но единственно доступного в лагере питья и сейчас угощал им Роберта, внимательно слушая рассказ слегка подвыпившего гостя:

— В конце залы на возвышении стояли кресла, для благородных членов Совета предназначенные, окружавшие трон герцога, словно цыплята наседку. Герцог восседал на троне, опираясь ногами на скамеечку, обитую вышитой лично герцогиней тканью...

— Правда ль, что все вассалы там присутствовали?

— Самые знатные точно, а остальных виконты их баронств представляли. Но и при сем народу было так много, что зала вся заполнена была. Собрание же началось с того, что лично господин мой объявил, что собирается силой вернуть по праву ему принадлежащие права на трон английский, узурпированные Гарольдом.

— Во, за се и выпьем!

— Выпьем, правильно... — и они подняли кружки, чокнулись и сделали по большому глотку. После чего Рауль продолжил. — Но не сразу его поддержали мессеры, на ассамблее

присутствующие. Не было ведь ранее такого в истории герцогства, да и у многих силы королевства Английского опасение вызывали.

— Аой, то-то мы уж сколько дней их войска ждем. Видать, не столь велики сии силы, раз их так долго собирают.

— Ты прав, Андрэ, но мы-то тот час об этом не знали и большинство считало, что сей поход обречен на провал. Ведь это не набег простой, а война и надо через море армию большую перекинуть, способную на поле боя превзойти не меньшее войско противное. Так что шум поднялся большой и я уже думал, что никто не поддержит господина моего. Но поднялся тут Гильом Фиц-Осберн и умными речами своими многих убедил. Потом опять монсеньер слово взял и всем про все подробнейшим образом рассказал. От каждого потребовал он, соразмерно силам его, определенное количество людей и кораблей. К тому ж сказал мой господин тогда, что всех желающих призовет со всех стран, кто с ним за веру и Папу супротив еретических англов выступить захочет. Тогда согласились все, а многие, желая свою преданность показать, клялись предоставить все вдвое против предписанного. Но были и такие, кои до сих не верили в успех сего дела. Аббат Мармутье просил у монсеньера подтверждения всех пожалований, сделанных им монастырю сему в годы правления, поелику считал, что поход наш неудачей кончиться. Но больше было тех, кто в успех уверовал и все для того пожертвовать готов был. Роберт де Мортен сто и еще двадцать судов, снаряженных полностью, с экипажами обученными дать обещался. Встала тогда и госпожа наша, герцогиня Матильда и сказала, что корабль великолепный для господина моего построит и назовет его 'Мора'. На судне сем мы и приплыли сюда.

— Видел я корабль этот, дивно украшенный и вида великолепного, достойный нести самого короля английского. Хорошо рассказал ты о прошлом, а теперь нас ждет неизвестное будущее. Посему выпьем еще по кубку и, мыслю я, придется нам разойтись, поелику паж тот явно тебя разыскивает.

Глава IV Стынут молитвы и брань на устах

*А вот они — условия, а вот она — среда,
А, в общем, для здоровья, полезны холода.*
Ю. Ким

— Кто? — с удивлением разглядывая англичан, произнес Вулфрик не менее удивленным тоном. — Какие, альвы меня побери, стрелки?

— Я сэр Горацио Бошамп, командир норфолкских королевских стрелков, — полковник, выслушав перевод, повторил свои слова, продолжая держать руку на эфесе. — Верно ли, что эта дорога ведет в Лондон?

— Истинно так, — кивнул представившийся тэном мужчина, выслушав Томсена, и с интересом глянул на винтовки Ли-Энфилд в руках солдат. — Но я не имею никаких вестей ни о каких стрелках, к тому же говорящих на языке, похожем французский. Кто вы и откуда? И что за странное оружие у вас в руках? Арбалеты? Коль правда сие, то вы вовремя здесь. Ныне приспел гонец от Гирта Годвинсона. Позавчера Вильгельм Бастард явился близ Певенси великими силами и почал зорить окрестности. Король, я полагаю, будет собирать войска у Лондона, и я со своими людьми спешу туда. Это все твои воины, тэн Хорэйс?

Бошамп, после этой короткой тирады, чувствовал себя так, словно небеса упали ему на

голову.

— Нет, остальные две сотни за холмами, — машинально ответил он.

— Сколько же гайд земли отдал король тебе в управление, что ты ведешь такой фирд? — изумился собеседник полковника. — Или же вы хускарлы? Ну да, так оно и есть, ведь ты же сказал, что вы — королевские стрелки, а я пропустил это мимо ушей.

— Скажите, тэн, правильно ли я понимаю, что сегодня второе октября года, от Рождества Христова, одна тысяча шестьдесят шестого? — сэра Горацио сейчас совершенно не волновал вопрос, является ли он хускарлом, просто карлом, или даже гномом.

— Воистину, так и есть, — кивнул Вулфрик, внимательно вслушиваясь в речь полковника и почти синхронный перевод Томсена, иногда слегка спотыкающегося на некоторых выражениях.

— Тогда я соберу своих людей и мы отправимся прямо по этой дороге в Лондон. Хорошо, если бы вы выделили нам провожатого, сэр, — полковник внимательно наблюдал за реакцией шерифа.

— Так я сам отправлюсь с тобой и твоим войском, доблестный тэн Хорейс, чтобы не блуждал ты в дороге. Собирай своих воинов и двигайся вслед моему обозу.

— Отлично, сэр, — попрощался полковник и, дождавшись, когда всадники тронутся в путь, приказал Гастингсу: — Пошлите человека за офицерами, лейтенант. И прикажите своему взводу оставаться в дозоре.

Доведя собравшимся офицерам последние новости, сэр Гораций предложил высказать свои соображения.

— Не вижу ничего столь уж поразительного, джентльмены, — произнес лейтенант Роулинг. — Сразу после допроса было ясно, что мы не в Турции и, скорее всего, не в нашем времени.

— Чушь какая-то. Прошлого уже случилось. Как мы могли попасть в то, что уже было? — недоверчиво заметил Янг.

— Мало ли причин. И то, что мы здесь, доказывает, что не все так просто, как вы полагаете, — иронично ответил Роулинг.

— Джентльмены, успокойтесь, — произнес полковник. — Никто из нас не является достаточно компетентным в этих вещах, так что давайте умозрительные споры о природе времени и том, как мы здесь оказались оставим на потом. Нам необходимо как-то довести сведения до солдат. Долго истинное положение вещей скрывать мы не сможем, да и взвод мистера Гастингса пора в дозоре менять. К тому же солнце зайдет максимум через пару часов.

— Действительно, выдвигаться поздновато, — произнес лейтенант Янг. — Да и куда нам двигаться?

— Что значит 'куда', мистер Янг? — нахмурился полковник: — Смею вам напомнить, что все мы являемся кадровыми офицерами и присягу на верность Британской Короне для нас никто не отменял. В настоящий момент законным королем Великобритании является Гарольд Второй Годвинсон, а герцог Вильгельм — захватчиком, которому мы обязаны противостоять. Или у кого-то на сей счет имеется иное мнение?

— Но ведь Вильгельм был нашим королем, — изумился лейтенант Янг.

— Будет, — поправил подчиненного сэр Гораций. — После того как убьет законного английского монарха в битве при лейтенанте. — Полковник похлопал Гастингса по плечу, чтобы шутку поняли даже самые несообразительные.

— Вот именно, сэр, — продолжил гнуть свою линию Янг, — Вильгельм разобьет англо-саксонское войско, и мы все это знаем. Вы предлагаете нам погибнуть ни за что?

— Родина, это вам 'ни за что', мистер Янг? — изумился капитан Бек: — К тому же, у короля Гарольда не было храбрых норфолкских пехотинцев, а теперь будут. Так неужели мы позволим лягушатникам одолеть нашего, английского, короля? Как верно заметил господин полковник, Присягу Короне никто не отменял.

Сэр Гораций обвел взглядом притихшее собрание офицеров и слегка усмехнулся.

— Как я вижу, больше возражений нет, — сказал он. — Объявляйте построение личного состава через пятнадцать минут. И, джентльмены, прошу не унывать. С нами Бог и десять пулеметов Льюис.

Четверть часа спустя весь личный состав норфолкцев был выстроен в пять шеренг. Солдаты, изображая усердие, тянулись и преданно ели глазами полковника — всем было ясно, что ничем хорошим внезапное построение не грозит, особенно учитывая все уже происшедшее.

— Солдаты! Орлы! — обратился к личному составу сэр Гораций. — Мы с вами с честью прошли нелегкий двухнедельный путь от высадки в бухте Сувла и до сего дня. Я счастлив, что мне довелось командовать батальоном один дробь пять, в котором служат такие молодцы как вы! Именно вы прорвали турецкую оборону и позволили развить наступление, которое, я уверен, приведет к победе. Теперь я вынужден довести до вас плохие известия.

Бошамп окинул взглядом солдат, проверяя, как те реагируют на резкую перемену темы. Солдаты пока реагировали с пониманием.

— Многие из вас уже поняли, что творится что-то не то. После проведенной рекогносцировки, я могу подтвердить — творится что-то чертовски не то. Если говорить проще — чертовы боши испытали на нас какое-то свое чертово секретное оружие, черти б их взяли. Тот туман, через который мы прошли, был никакой не туман. Я не ученый, и скажу прямо — это и было их оружие, которое закинуло нас подальше от поля боя!

Как ни были дисциплинированы британские солдаты, но от такой новости даже в их рядах пробежал легкий шелест восклицаний и недоуменных вопросов.

— Да, солдаты! — возвысил голос полковник Бошамп. — Вас, храбрых сэндрингэмцев, выбросили с поля битвы, как нашкодившего щенка! Вам дали пинок под зад так, что вы долетели до самой Англии!

Сэр Гораций сделал секундную паузу, давая мысли о коварстве врагов угнездиться в мозгу, но не давая ее осмыслить, и царственным жестом обвел окрестности рукой.

— Да, солдаты! Это — Англия! Это была хорошая новость. Теперь послушайте новость хреновую. Это не наша Англия. Чертовы боши перекинули нас не только в пространстве, но и во времени. Солдаты, мы — в заднице. Если быть точным — в одна тысяча шестьдесят шестом году от Рождества Христова.

Солдаты на такой неожиданный финт в командирской речи отреагировали вполне предсказуемо — застыли, как громом пораженные.

— Нет, орлы! Я не сошел с ума, и ваши друзья из взвода лейтенанта Гастингса подтвердят все мною сказанное. Но и это еще не все.

Полковник обвел шеренги многозначительным взглядом.

— Сегодня, когда разъяснилась ситуация с нашим местонахождением, я хотел всех вас демобилизовать, — 'Господи, Боже мой, какую же чушь я несу',- подумал Бошамп. — Но только что я встретился с командующим местным военным округом, и он сообщил мне, что утром грязные лягушатники предательски напали на Великобританию и высадили десант на нашем южном побережье. Солдаты! Война еще не закончена! Вся Англия смотрит на нас! Норфолк ждет от своих сыновей подвига! Мы должны скинуть вражеский десант в море, и мы это, черт возьми, сделаем! Завтра мы выступаем к Лондону, где уже формируется ударная бригада, и присоединимся к ней! Пускай эти неверные союзники — французы — на своей шкуре узнают, каково дразнить британского льва! Я верю, что каждый из вас выполнит свой долг. Гип-гип, хура!

— Хур-ра! — отозвались ошарашенные и ошалевшие от свалившихся на их головы известий солдаты.

— Смирно! Вольно! Разойдись! Быть готовым к маршу через десять минут! — полковник явно не хотел давать солдатам лишнего времени на раздумья.

Через десять минут колонна пехотинцев вытянулась по тому, что изображало в этой местности дорогу. Впереди колонны скрипели телеги, а рядом с сэром Горацием шагал,

держа коня на поводу, один из всадников тэна Вулфрика, с удивлением поглядывая на невиданную дисциплину и порядок. Через некоторое время к идущим перед колонной командирам норфолкцев присоединился и сам ширриф. Спешившись и передав поводья воину, он нагнал полковника Бошампа и некоторое время шел рядом, искоса поглядывая на сэра Горация. Бошамп, задумавшись и не обращая внимания на окружающих, шел, помахивая стеком и сбивая им на ходу стебли травы.

— Тэн Хорейс, — прервал размышления полковника Вулфрик. Встрепенувшийся Томсен подтянулся поближе и приготовился переводить. Бошамп, еле заметно вздрогнув, повернулся к идущему рядом Вулфрику. — Не можешь разъяснить мне, как вы оказались здесь без обоза, что за чудные арбалеты у твоих стрелков и что за одежду вы носите?

'Вот попали, так попали', — мелькнула в голове исправно переводящего сказанное саксом Томсена мысль.

— Это весьма длинная и удивительная история, — вздохнув, ответил сэр Гораций и начал длинный рассказ о невероятном приключении, свершившемся с тремя сотнями доблестных английских пехотинцев, неведомой силой перенесенных из адской мясорубки будущей войны всех государств Европы друг против друга во времена своих предков. Ширриф слушал эту удивительную повесть, раскрыв рот, и даже несколько раз споткнулся, увлекшись услышанным. Рассказ сэра Горация затянулся на все время перехода до ближайшей деревни, открывшейся удивленным взглядам англичан за очередным поворотом. И было чему удивляться. Такой нищеты видеть большинству из них не доводилось за всю предыдущую жизнь. Окруженные общей оградой и небольшими палисадами, на довольно обширной поляне беспорядочно стояли с десятков домов. Если конечно к этим постройкам можно было приложить столь гордое имя. Срубленные из дерева грязные лачуги с низкими дверями, над некоторыми из которых виднелись прибитые бычьи рога — обереги от злых чар, стойло для скота, в которое как раз загоняли деревенское стадо, и суeta, вызванная добравшимися раньше всадниками ширрифа, запах навоза и дыма из очагов, лай нескольких мелких шавок — все это сливалось в неопишемую обычными словами картину...

Неподалеку от деревни, на холме, свободном от леса, несколько женщин поспешно накрывали длинный стол, а согнанные со всей деревни подростки готовили места для ночлега, выкладывая на земле импровизированные ложи из срезаемых двумя крестьянами постарше веток. Рядом с холмом полыхало несколько костров, к которым из ближайшей дубовой рощи уже гнали нескольких визжащих, словно чувствующих предстоящее, свиней. Несколько всадников скакало куда-то, вооруженные лишь луками. Пока колонна пехоты подтягивалась к месту отдыха и уставшие сэндригемцы, освобождаясь от снаряжения, подходили к импровизированному столу, свиньи были уже разделаны и, аппетитно шипя, доходили до готовности на пламени костров. На столе, у которого сразу могли разместиться все триста человек стояли деревянные миски с исходящими паром кашами, пареным горохом и репой, лежали несколько караваев странного сероватого хлеба, пучки лука и дикого чеснока. От костров уже несли куски прожаренного мяса, свиней сменили насаженные на деревянные вертела несколько диких гусей, а вернувшиеся охотники располагались за столом.

Бошамп и Вулфрик, поев и проследив за размещением своих бойцов, снова встретились у самого большого костра. Понемногу темнело, солдаты, под контролем сержантов, готовились ко сну, часовые, еще видимые в сумерках, исправно вышагивали на отведенных им постах, на всякий случай держа винтовки на изготовку — слишком заметно было неприязненное отношение местных к пришельцам.

— Смотрю я на отряд твой, тэн Хорейс и удивляюсь. Как тебе удалось так бойцов своих обучить, что слушаются они любого приказа, словно голоса самого Господа? — Вулфрику явно хотелось поговорить, настолько, что Томсен едва успевал переводить быструю речь сакса.

— Это не сложно, сэр, — неохотно отозвался Бошамп. Даже в неверном свете костра было заметно, что он сильно устал, что спасают его лишь железная воля, выучка и

привычка. — Солдат держат в руках сержанты, а сержантов — офицеры. При любом невыполнении приказа солдата ждет наказание, вплоть до расстрела или повешения, за серьезные преступления, — ответил Бошамп, присаживаясь у огня и предлагая Вулфрику устроиться рядом.

— Невероятно. И все равно не совсем понятно мне, как сие достигается. Но Расскажи мне лучше о ваших временах и делах, тэн Хорэйс, — попросил Вулфрик. — Как живут внуки моих правнуков?

— Неплохо живут, — немного подумав, ответил Бошамп. — Про именно ваших, сэр, не скажу, не имел бы чести представлен роду Вулфрикофф...

— Роду! — расхохотался тэн. — Полностью звать меня Вулфрик Бидевен. Да токмо так мы зовемся лишь на торжественных церемониях.

— Боюсь, что Бидевенам также не был, — ответил полковник, и подбросил пару веток в чуть подугасший костер. — Что же касается нашего житья, то оно весьма изобильно. От голода в Англии уже не умирают. Работа найдется всякому, кто ищет, и за нее непременно платят монетой.

— Поди ж ты! — изумился Вулфрик. — Монетой? И холопам?

— Иным, кроме денег, дают и специальной едой. Зависит от того, где и на кого работает человек. Но деньгами платить обязаны все. Например, мой дворецкий имеет и жалование, и кормится от моего стола, и я позволил остатки еды передавать родственникам или беднякам, на его усмотрение.

— Достойный и благородный ты христианин, многое тебе за такое мягкое отношение к слугам зачтется. Но ведь, поди, воруют? Неужто не продает слуга твой остатки твоего стола?

— В благородную семью поступить без рекомендаций нельзя, — почти надменно ответил сэр Гораций, который очень гордился прогрессом (и, сказать по чести, происходил от рыцарей Вильгельма Завоевателя, причем имеющих родословную). — Мы, увы, не изжили воровство в низших слоях общества, но жулику поступить на службу к честному джентльмену невозможно. Впрочем, скорее всего вы хотите знать про Англию как про страну, а не эти мелочи?

— Про всё послушаю с удовольствием, благородный тэн, — ответил Вулфрик.

— К году от рождества Христова тысяча девятисотому не было у Британии ни одного противника, способного устоять в войне с ней в одиночку, — гордо произнес Бошамп. — Над страной нашей никогда не заходило солнце, ведь и Индия, и более восточные и западные земли стали нашими, а над ними солнце-то и заходит.

— Сколь сладостно слышать такое, — тэн едва не заплакал от счастья. Про Индию он как-то раз слышал, и, будучи человеком неглупым, а где-то даже и образованным, понимал, что это очень и очень далеко. А уж страны еще восточнее и западнее — это просто слов нет.

— Покой нашей страны бережет огромный флот кораблей, целиком изготовленных из лучшей стали...

— Как так? — прервал рассказчика тэн. — Ведь железо не дерево, плавать не может! Не издеваешься ли ты надо мной? Не шутишь ли?

— Всеу есть форма, время и мера, сэр, — флегматично ответил Бошамп. — Человек тоже не может переплыть море и при такой попытке утонет, но реку, например, переплыть в силах любого, кто потратит достаточно сил для обучения плаванию. Так и британские корабель, веками совершенствуя свое мастерство, стали лучшими в своем деле. Корабли наши действительно из стали, их... гм... устройства для стрельбы на мили отправляют... гм... огромные стальные... гм... ядра, и даже среднее из них насквозь пробьет лучший из замков нынешней Англии, а малое разрушит башню одним попаданием. Никто не может равняться с нашей страной в океане. С тех пор, как мы разбили Великую Армаду...

— А это что? — простодушно поинтересовался тэн.

— Христианский король Испании обвинил нашу королеву в ересь и прелюбодействе, собрал огромный флот, и отправил его на завоевание благословенной Британии. Этот-то флот и назвали Великой Армадой. Так вот...

— Погоди, тэн Хорэйс. Обскажи мне, а где это — Испания?

— На Пиренейском полуострове, — пожал плечами Бошамп. — После изгнания мавров и объединения Кастилии и Арагона...

— Так нашим братьям во Христе все же удалось окончательно изгнать магометан из своих земель и объединиться под единой короной? — восторженно воскликнул Вулфрик. — Славная весть!

Полковник скептически хмыкнул, но ничего не сказал. Рассказывать про короля Генриха VII, Елизавету Девственницу или Карла I (да и не только про них) в нынешней Англии явно не стоило.

— А кто такие эти дойчи и турки, с которыми вы воюете? — любопытству тэна Вулфрика, казалось, не было предела. Сэр Гораций вздохнул, чуть отодвинулся от стрельнувшего искрой костра, в который Томсен подкинул несколько веток и начал краткий пересказ истории будущего мира. Вулфрик только вздыхал, то разочарованно, то радостно. Особенно поразил его рассказ о боях в Южной Африке, где голландцы — буры, в которых после нескольких уточнений, тэн признал нынешних фризгов, воинов стойких и умелых, долго сопротивлялись войскам англичан. Краткий курс истории и, заодно, географии, плавно перетекавшей в зоологию — тэн Вулфрик был весьма разочарован отсутствием в мире драконов и левиафанов, как и русалок, а вот рассказ о кенгуру отчего-то привел его в полный восторг, грозил затянуться до самого утра. Но тут несколько раз зевнул в самый неподходящий момент Томсен, затем, не удержавшись, зевнул и Бошамп и клюнул носом даже самый стойкий из собеседников, сам Вулфрик.

— Пора нам соснуть, благородный тэн. Уже поздно... Все ж истинно диковинную и чудную весть, достойную лютни лучших из бардов, поведал ты мне, сэр Хорэйс, — задумчиво произнес он. — Слыхивал я о том, что люди, проводшие время в гостях у альвов или фей, вертались домой через сотню лет, считая, что прошел всего час, но чтобы альвы смогли время вспять разворотить, да не для одного человека, а для сотни, сотни и еще полсотни людей, такого я не слыхивал. Надобно будет поведать твою сказку Стиганду, архиепископу Кентерберийскому. Он зело мудрый и ученый муж, хоть и не получил на этот сан рукоположения от Папы. Наверняка преподобный сможет дать эдакому чуду должествующее толкование.

При упоминании о средневековых священнослужителях у сэра Хорэйса в памяти отчего-то уверенно всплывала фамилия 'Торквемада' и связанные с ней 'прелести' судопроизводства той эпохи, особенно почему-то слово 'аутодафе', так что идея тэна у него особого энтузиазма не вызвала.

— Но помни, тэн Вулфрик, все что я тебе поведал — государев секрет, лишь король и его ближайшие люди должны знать правду, — полковник как-то довольно легко смог перенять архаичный язык и способ выражения мыслей своего собеседника. Ну да, чертовски много малопонятных староанглийских и старонемецких словечек, постоянно какие-то непонятные валлийские или ирландские фразочки... Но полковник не зря носил свое звание. Если ты кадровый офицер, то должен понимать своих солдат в любой ситуации — даже если они от страха говорят на жаргоне портовой шпаны, например, напрочь позабыв нормальный английский. Так что следовало ожидать, что услуги Томсена скоро ему будут совершенно не нужны. — Да и священник... Ведь он может заявить, что это я перенес своих солдат из Фракии посредством колдовства.

— Стиганд? — Вулфрик тоже был профессиональным воякой, и, видимо, преодолевал те же неудобства с тем же успехом. — Командира арбалетчиков, прибывшего на помощь королю Гарольду в эти тяжелые для Англии дни? Да никогда! Не знаешь ты нашего преосвященного, тэн Хорэйс. Нету у короля более верного сторонника, и прибуди в годину беды на подмогу сам Дьявол — он и его сначала благословит, а потом канонизирует.

— Весьма здравомыслящий прелат, — верить Вулфрику у Бошампа не было никаких оснований, как, впрочем, и не верить тоже, так что вывод о качествах архиепископа Кентерберийского он решил отложить до личной встречи с этим деятелем церкви.

Безусловно, тэн мог рассчитывать на ночлег под крышей. Но упустить беседу с неносящим родовых знаков тэном (а его странный изогнутый меч был именно мечем, в этом Вулфрик не сомневался ни на миг), да еще и ведущего столь много стрелков... Нет, упустить такой шанс он не мог — умер бы от любопытства. Не зря что-то подсказывало тэну Вулфрику, что случайно встреченный воин в странной одежде, говорящий на необычном диалекте, не столь прост, и это 'что-то' оказалось право как никогда. Сыны сынов сынов его, Милостию Божией перенесенные за дневной переход от Лондона в сии тяжкие времена! Да кто помыслить-то мог о таком?

'Коль правда сие, то ждет норманнов неожиданность. Подумать только, арбалеты, бьющие на сотни и сотни ярдов силою праха и пробивающие насквозь кольчуги, дубовые доски и человеческие тела. Вельми интересно глянуть на действие оружия наших потомков' — подумал тэн, ложась, устраиваясь поудобнее и, уже засыпая, тэн вспомнил о посланном им гонце: 'Как там посланец мой, успел ли до темноты добраться до какого-нибудь жилья? Иль скачет далее, несмотря на тьму ночную... Боже, храни Англию, молимся мы. И Ты — хранишь...' — мелькнула в голове засыпающего Вулфрика мысль.

Конечно, тэн был не так прост, чтобы привести войско в три сотни неизвестно кому подчиняющихся воинов, как бы они себя не называли, прямо в неподготовленный для их встречи Лондон. Гонец, получивший сменного коня, должен был доставить весть о неожиданной встрече самому брату короля, Гирту Годвинсону.

Утомленные переходом, спали, казалось, все, кроме часовых. Но на самом деле многие из солдат не могли уснуть, среди них и Генри Финч. Соблазненный мыслью наведаться к местным и пошарить по хижинам в поисках чего-нибудь ценного, он лежал, притворяясь спящим, и ждал, когда утихомирятся самые неугомонные, а часовые потеряют бдительность.

'Черт меня побери, куда ж нас запулили проклятые боши? Чтоб не твердил полкач, это точно не наша Англия. А раз так — нечего мне в армии делать. Сейчас собрать манатки, если удастся — что поценнее у лохов из взвода и местных, и рвать когти. Пусть дураки продолжают отрабатывать свой пени, я ж найду себе дело поинтереснее' — думал, невольно ворочаясь на колючих еловых ветках, Финч. Наконец, вроде бы все затихло и Генри решился. Но не успел он приподняться, как тут же поднялся казалось бы крепко спавший до этого сержант Уилмор.

— Куда собрался, Генри? — громким шепотом спросил сержант, словно ненароком подтягивая к себе лежащую рядом винтовку.

— Никуда, сарж. Хочу отлить, прям мочи нет, — также шепотом ответил рядовой.

— Что-то мне тоже захотелось, — заметил, надевая на пояс ножны со штык-ножом, сержант. — Пошли, Финч, 'подумаем'.

Мысленно проклиная самого сержанта и всех его родственников до седьмого колена, Финч уныло поплелся вслед за Уилмором вниз с холма, где, неподалеку от зарослей была выкопана длинная выгребная яма. Этими кустами и хотел воспользоваться Генри для своего замысла, тем более, что встрепенувшийся при их виде часовой явно снова задремал и вряд ли обратил бы внимание на него, тихо передвигавшегося по земле, в отличие от бухавшего ботинками сержанта. 'Сорвалось' — мелькнула в голове пытавшегося выдавить из себя хотя бы каплю Финча.

— Да, Финч, попали мы вроде бы в какие-то непонятки, — сержант, быстро управившись со своим делом, отнюдь не торопился идти ложиться и явно дожидался Генри. — Вспомнился мне похожий вроде бы случай, когда мы против буров воевали. Тоже завели нас непонятно куда, а некоторые умники тогда решили, что вроде бы лучше всех знают что делать. И дезертировали. Только не знали мы, что по землям диких негров идем, которые ни буров, ни англичан не любят. Короче нашли мы этих вроде бы умников потом... точнее то, что от них осталось. Вот такие вот дела бывают... — и Уилмор замолчал, а Финч, неожиданно припомнив не очень дружественные взгляды местных, решил, что все происходящее — к лучшему.

— Сержант, а почему эти местные так на нас обозлились... сэр, — осторожно спросил

Финч у пристраивающегося на свое место Уилмора. Тот хмыкнул, потом повернулся на бок и ответил.

— Ну, Генри, ты даешь. Вроде бы видел, как они бедно живут, а тут мы пришли с их начальством и слопали у них, если подумать, запасы на ползимы, а может и больше. Не понял, что ли? Все, спи и не мешай.

И они уснули, не обращая внимания ни на жесткие ветки подстилки, ни на раздающиеся время от времени крики ночных птиц, ни на шаги и лязг оружия часовых, ни на изредка доносящееся ржание лошадей.

Глава V

В жилах кровь суровых бриттов бьется, словно ток

*Чьи свершенья и утраты в годы мирного покоя и войны
В край, откуда нет возврата, неподкупною рукою сметены.*
Х. Манрике

С рассветом над землей пополз прилегающий к земле холодный туман, заставляя англичан, одетых только в летние мундиры, ежится от холода и прогоняя сон лучше любого командного окрика. Ворча не хуже старой гвардии Наполеона, норфолкцы поднимались и, под удивленные взгляды саксов, умывались, брились, чистили зубы. Быстро перекусив, причем завтрак оказался на удивление скуден — пара ломтей хлеба, даже без мяса и остывшая за ночь кипяченая вода, солдаты разбирали снаряжение и подгоняемые окриками сержантов, под пристальным наблюдением офицеров, строились в колонну. Прошло немного времени и колонна, сопровождаемая неприязненно-любопытными взглядами взрослых, тоже проснувшихся с восходом солнца и уже всю работу своих, и многочисленной вездесущей ребятней, как и все дети во всех странах мира, бегающей рядом и кричащей что-то непонятное, вытянулась вдоль дороги и постепенно двинулась вперед. Порядок передвижения был тот же, что и вчера, впереди колонны неторопливо рысили всадники ширрифа, к утру увеличившиеся в числе еще на полдесятка воинов. Двое из приехавших были явно ветеранами не одной войны, причем один из них выглядел точь-в-точь, как викинг с гравюр Риу.

'Судя по тому, что оба подчиняются приказам Вулфрика — это его вассалы' — подумал сэр Гораций. Честно признаться, ему было все равно, после ночи на подстилке он чувствовал себя разбитым и невыспавшимся, даже утренние процедуры не помогли. Только профессиональная привычка, да опыт заставляли действовать, фиксировать и анализировать любые изменения. Хорошо было уже то, что Реджинальд, видимо заметив состояние командира, взял на себя заботы по управлению маршем, а ширрифу Вулфрику было определено не до дальнейших разговоров, судя по тому, с каким видом он сидел в седле. Кажется, вчерашние сведения до сих пор не могли уложиться в его голове, ворочаясь в ней настолько явно, что он даже время от времени дергал ей, как лошадь, ужаленная слепнями.

Между тем поднявшееся полностью солнышко пригревало не по-осеннему, разогнав тучи на небе и плохое настроение на земле. Постепенно дорога становилась все утоптанней, колеи на ней — свежее, а вдали и вблизи от нее появлялись все больше клочков обработанной земли, огороженной от зверья заборами, на части которых всюду трудились, убирая урожай, крестьяне. На дороге стали появляться небольшие группы людей, большинство из которых шло в том же направлении, что и колонна воинов, на которую многие поглядывали с интересом. Норфолкцы с не меньшим интересом разглядывали встречающихся местных жителей, одетых в короткие туники с поддетыми под них штанами,

длинные плащи из серой, плотной на вид, ткани с капюшонами и носящих длинные ножи — скрамасаксы на поясе. Особенно впечатляли гостей из будущего монахи, часто бредущие в одиночку или группами с пением гимнов на странном языке, в котором Томсен и большинство офицеров с трудом признали вульгарную варварскую латынь. Как ни странно, лошадей у встреченных почти не было. Громоздкие телеги, визжащие несмазанными осями, тянули быки, некоторые путешественники, в основном монахи, ехали на мулах, а большинство просто шло пешком.

Неожиданно гряда холмов справа, закрывавшая до того горизонт, кончилась и на стыке неба и земли заблестела лента реки, а на горизонте, прямо в направлении, куда вела все более увеличивающаяся в размерах дорога, появилось неподвижное пятно, в котором впередсмотрящие почти единогласно узнали город.

Колонна шла неторопливо, почти прогулочным шагом, со всеми малыми и большим привалами, поэтому отошедшему после ночных невзгод сэру Горацию ничего не мешало обдумывать дальнейшие действия и возможные их последствия. Так что, едва на горизонте появился город, а дорога, вильнув, вывела на типичную римскую *via*, он вызвал капитана Бека и отдал ему какие-то распоряжения. Сам же, прихватив Томсена, волею случая ставшего чем-то вроде его оруженосца, быстрым шагом догнал разговаривающих тэнов. Вулфрик, заметив полковника, что-то сказал своему собеседнику, и, спешившись, подошел к стоящим на обочине норфолкцам.

— Приветствую тебя, доблестный тэн Хорейс, — поздоровался он.

— Здравствуй и ты, благородный шериф, — ответил ему Бошамп. — Я тут обдумал наше положение и решил, что прибытие наше в город совсем нежелательно. Увидят нас многие жители и начнутся разговоры, пойдут слухи. А они вполне могут дойти до соглядатаев Вильгельма. Помнится мне, что у вас в Англии много нормандцев живет, большинство из которых на стороне своего герцога окажется. Полагаю, лучше всего будет разместить моих солдат где-нибудь неподалеку от Лондона, чтобы мы могли быстро к королевскому войску присоединиться, но в тоже время мало кто видеть нас мог. Если есть здесь поблизости какое-нибудь заброшенное селение, или монастырь, что смог бы приютить нас на несколько дней, то мы вполне могли разместиться там.

— Пожалуй ты прав, — по военному быстро отреагировал Вулфрик, и повернувшись окрикнул ускакавшего вперед спутника. — Тэн Кнут! Подойди к нам, прошу!

Подскакавший и спешившийся Кнут приветливо поздоровался с собеседниками. — Благородный Кнут, сей тэн с его войском должны быть скрыты от любопытных глаз до появления короля Гарольда. Посему, думаю я, им лучше всем в Лондоне не появляться. Не скажешь, горд Свена еще годен для проживания?

— Вполне пригоден, благородный тэн. Могу провести в Свенгард отряд уважаемого тэна Хорейса, — Кнут вопросительно посмотрел сначала на Вулфрика, потом на нахмурившегося сэра Горация.

— Полагаю, так будет лучше всего. Но я считаю, что мне с несколькими тэнами Гирту Годвинсону показаться надо обязательно, — ответил Бошамп, одновременно мысленно прокляв Вулфрика за болтливый язык и потом столь ж мысленно извинившись, поскольку как-то объяснить увиденное Кнутом ширриф был просто обязан. — Только вот как Кнут и мои... тэны поймут друг друга, ведь моего... оруженосца я с собой возьму?

— Я размыслил о сем, сэр Хорейс. Вчера узнал я, что твой тэн Роулинг по-своейски говорит, хотя и с чудным акцентом, но вполне понятно. Кнут же из свейской семьи, так что понять им друг друга будет совсем несложно.

— Благодарю тебя, доблестный ширриф, что продумал все заранее, — слегка смущенно ответил Бошамп, мысленно делая заметку, что надо бы составить полный список полезных профессий и знаний всех соотечественников.

Минут тридцать спустя, отдохнув и разделившись на два отряда, англичане тронулись дальше. Батальон норфолкцев, под командованием капитана Бека, в сопровождении воинов Кнута, свернул на север, а отряд Вулфрика и Бошамп в сопровождении семерых офицеров и

сержантов, вооруженных револьверами и саблями — дальше по римской дороге, в сторону уже видимого на горизонте Лондона.

Несколько часов пути и перед путниками предстала древняя, еще римского происхождения, стена со следами недавнего ремонта, окружающая обширный, даже на взгляд людей двадцатого века, город.

У открытых ворот, стояла стража — с десятков таких же воинов, что сопровождали тэна Вулфрика, бородатых, светловолосых, в кольчугах или простых рубахах, с миндалевидными и круглыми щитами, вооруженных в основном огромными, внушающими почтение топорами на длинных рукоятях, страшным оружием саксонской пехоты. Удар такого топора мог снести голову лошади, а человека развалить пополам с головы до ног, несмотря на доспехи. Об этом успел рассказать идущим впереди колонны полковнику и нескольким офицерам сам тэн. Норфолкцы с любопытством разглядывали потемневшие от времени стены, ворота и стоящих около них в вольных позах часовых. Сопровождавшие полковника офицеры невольно хмурились, глядя на столь вопиюще безобразное нарушение самих основ воинской службы. Разумеется, сейчас средневековые, понятно, это не кадровые солдаты, а ополченцы, но столь беззаботно вести себя на посту и даже не попытаться подготовиться к возможному бою, не говоря уже о простой стойке 'смирно' — против такого восставала сама душа добропорядочного английского офицера. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и офицеры лишь обменялись впечатлениями, причем вполголоса, и продолжали идти вперед, выровняв ряды, почти как на параде. Охрана ворот с удивлением разглядывала невиданное зрелище, кое-кто начал сдвигаться вместе, пытаясь сбить 'стену щитов', видимо приняв непонятное поведение подходящих за подготовку атаки, но растущее напряжение мигом исчезло, когда один из более богато одетых воинов вышел вперед и крикнул, подняв руку:

— Э-хей! Не почтенного ли тэна Вулфрика я созерцаю ныне? Отколь ты набрал таких воинов в свой фирд, шериф Миддлсекса?

— О-хой, это же тэн Арт! Отколь же ты появился здесь, почтенный тэн? А фирд со мной лишь пришел, сии тэны — хускарлы, королевские арбалетчики из Норфолка.

— Из Норфолка? Отчего ж их в войске, что с данами билось, не было?

— Потом растолкую тебе доблестный тэн Арт, как таковое случилось. Если разрешит король сии вести обнародовать. Но, поди ж ты, не пойму — как ты здесь оказался? Чудеса! Ведь в войске Гарольда твой фирд был, а теперь ты здесь стоишь пред моими очами.

— Ничтоже чудесного, тэн Вулфрик. Нас Гарольд морем послал в Лондон. И вот мы здесь, а флот в Серое Море вышел, чтоб норманнам путь к нашим очагам перехватить. Но на слове тебя ловлю, почтенный тэн — как можно станет, ты мне сказ о сем отряде поведаешь подробно.

— Коль будет судьбе угодно, тэн Арт. Ну, а сей час поведай мне, кто ныне в городе главный? С тобою прибыл кто, иль нет? Куда нам с сим войском идти?

— По-прежнему — Гирт Годвинсон, он ныне собирает войска и главный в эрлдоме. Вам надо прямо к королевскому двору направить путь.

— Благодарю, тэн Арт. И да, вы нас простите, сэр Хорэйс, я вас не познакомил. Позвольте вас представить тэну Арту — это командир арбалетчиков, благородный сэр Хорэйс, — Вулфрик, с неожиданной на его лице извиняющейся улыбкой, представил подошедшего к ним и внимательно слушающего переводимый Томсеном диалог полковника Бошампа.

— Рад знакомству, доблестный сэр Хорейс, — поклонился Горацию тэн, — вельми рад.

— Я тоже весьма польщен знакомством со столь отважным воином, — Бошамп уже собирался сказать 'рыцарем', но вдруг вспомнил, что английский рыцарь в эту эпоху — отнюдь не то, что позднее, а всего лишь безземельный конный дружинник, проживающий при дворе богатого тэна или эрла.

— Жаль токмо, что твой отряд к Стэмфорд-бриджу не успел. Славная была битва, достойная быть воспетой в сагах лучших скальдов. Но ответствуй мне, доблестный сэр, твои

люди никогда в Лондоне не были? Уж больно любопытствуют они, на стены глядя.

— Нет, сэр. Не видели мы таких городов, — ничуть не кривя душой ответил сэр Гораций.

— Да, нет больше такого города ни в Англии, ни в странах ее окружающих. Велик и славен град сей, занимающий больше сотни и трех десятков гайд земли, и населенный многочисленно, — Арт явно был готов расхваливать родной город и дальше, но заметив нетерпение на лице Вулфрика, продолжил, — но не буду утомлять вас с дороги. Вы и сами узрите славный наш город. До встречи, тэны.

Распрощавшись с охраной и перестроившись в колонну по два, чтобы пройти в узкие ворота, норфолкцы проникли за стену и невольно приостановились, сбиваясь в кучу и удивленно разглядывая открывшуюся их глазам панораму.

— Мой Бог, неужто ЭТО — Лондон, джентльмены, — вырвалось у лейтенанта Янга.

— Мистер Янг, держите себя в руках, — заметил ему лейтенант Гастингс, быстрее оправившийся от потрясения увиденным. — Хочу напомнить вам, что местные жители так называли этот город. Самое главное, полковник Бошамп сказал, что это — Лондон. Так что ничем иным, как Лондоном этот город быть не может. Или вы ожидали другого, мистер Янг?

Осмотревшись и слегка привыкнув к увиденному, норфолкцы поспешили вслед за конниками тэна Вулфрика. Но их изумление было вполне понятно, не зря полковник и не пытался комментировать увиденное. Потому что представшая их глазам огромная... деревня?... или какой-нибудь поселок в странах Азии?... абсолютно не напоминал знакомого для многих из гостей из будущего города. Разве можно было назвать это скопище деревянных, покрытых соломой, хижин или двухэтажных, но таких же деревянных, грубо срубленных, домов, теснившихся внутри городских стен, вдоль узких, загаженных отходами улочек, гордым именем столицы Империи, над которой не заходит Солнце? Если бы не возвышающиеся над крышами уже виденные пристенные башни, никто, даже сэр Гораций не поверил бы, что они находятся в Лондоне.

Отряд норфолкцев и саксов, оттесняя одним своим видом встречающихся прохожих, двигался вглубь города, когда невольное восклицание одного из сержантов заставило полковника оглянуться и выяснить, что же привлекло внимание его подчиненного. Оказалось, обычная для местных, не обративших на эту сценку ни малейшего внимания, ситуация. Одна из идущих по улице девушек спокойно присела у забора, приподняв юбку, и, сделав свое грязное дело, так же спокойно, не обращая внимания на открывших при виде такой непосредственности рты норфолкцев, пошла дальше. На это раз англичане приходили в себя намного дольше, многие столь сильно хотели поделиться новостью и мнениями о ней, что на время забыли про дисциплину. 'Все же до дисциплинированности кадровых войск волонтерам, даже офицерам и сержантам далеко', - мрачно подумал сэр Гораций, но от этих мыслей его отвлек доносящийся откуда из-за стоящих впереди домов шум. Спустя пару минут он увидел большую площадь, занятую базаром, напомнившим ему недолгие времена пребывания в Афганистане. Гвалт на площади, на которую вышли воины Вулфрика и Бошампа, просто подавлял. Несмотря на войну, а может быть именно поэтому, множество людей бродило от телег и тряпич, расстеленных прямо на земле, с разложенными на них сырами, яйцами, зеленью, которыми торговали окрестные крестьяне, к лавкам купцов, азартно торговалось у мясных рядов, среди развешанных туш и жалобно мычащих, блеющих и хрюкающих пока еще живых скотинок, обреченных на то, чтобы рано или поздно попасть в котлы лондонцев. Гордые тэны и их жены торжественно переходили от одного торговца к другому, их обгоняли быстроногие молодцы — купеческие приказчики и слуги богатых владетелей. Среди толпы шныряли дети, то ли играя, то ли пытаясь что-то купить или стащить. На прилавках щедро лежали груды свечей и кувшинчики благовоний, в лавках висели куски тканей и меха русских соболей, белок и куниц, от некоторых столов явственно тянуло ароматом пряностей: гвоздики, корицы, и даже имбиря и перца. Продавали и свежую, недавно пойманную рыбу, и буханки хлеба, каждые с личным клеймом пекаря, зерно и репу в корзинах, горшки и прочую кухонную утварь, какие-то снадобья. Тут же, на краю, дюжий

цирюльник с помощником рвали больной зуб у мычавшего от боли горожанина, а неподалеку от этой группы два тэна наблюдали, как кузнец точит меч одного из них. Шум и гам стояли такие, что никто, кроме самых ближайших соседей и не обратил внимания на проходящих мимо и с удивлением глазающих на все это столпотворение доблестных сэндригемцев.

Пройдя после базарной площади еще несколько сот ярдов по узким изгибающимся улицам, полковник Бошамп и его сопровождающие вышли к двухэтажному деревянному зданию, на фоне остальных, увиденных ими, казавшимся, и, кажется, действительно являвшимся, королевским дворцом. Как оказалось, интуиция гостей из будущего их не подвела — это действительно был королевский дворец. Один из стоявших у входа воинов, узнав у Вулфрика, кто прибыл ко дворцу, зашел внутрь и через некоторое время появился, сопровождаемый братом короля Гиртом и его майордомом. По приказу Гирта отворили ворота в заборе рядом с дворцом и майордом повел сэндригемцев внутрь двора. Оставшихся полковника Бошампа и тэна Вулфрика, уже отправившего своих воинов на усадьбу, Гирт пригласил пройти во дворец.

Внутренность первого этажа представляла собой гигантскую залу, разделенную на части деревянными столбами, освещаемую врывающимися в узкие окна лучами солнечного света и горящими факелами, чадящими и тусклыми в свете солнца, закрепленными на стенах. Полы были застланы соломой, в которой возились собаки, играя или грызясь из-за старой кости. Вдоль стен, на которых висело старое оружие, щиты и кольчуги, а кое-где и гобелены, тянулись лавки. Сидя на лавках и стоя рядом с ними, сбившись группами, громко разговаривали, шутили и смеялись дюжины две — три воинов, церковных деятелей или монахов в рясах, и даже совсем юных мальчишек. Воздух, спертый и напоенный специфическими запахами, заставил поморщиться даже привыкшего ко всему полковника. Но никто не заметил его гримасу, Гирт и Вулфрик шли впереди, разговаривая вполголоса, а внимание большинства остальных отвлекли слуги, начавшие устанавливать козлы вдоль лавок и укладывать на них мощные, сбитые из дубовых досок столешницы. Поэтому присутствующие не сразу обратили внимание и на Гирта с его спутниками, и на появившихся в зале остальных англичан. Полковник Бошамп, эрл Гирт и тэн Вулфрик поднялись на возвышенность, где уже стояли несколько стульев без спинок и три кресла за столом, ничем не отличающимся от устанавливаемых в зале. Сэр Гораций с интересом посмотрел на прочную конструкцию, увенчанную столешницей, которую можно было запросто использовать в качестве щита при штурме крепости. Его удивило, что столешница казалось не просто чистой, но даже гладкой на вид и слегка поблескивающей в солнечных лучах. — Садитесь слева от меня, сэр Хорейс, а вы, ширриф — рядом, — отвлек его от наблюдений голос Гирта. Усевшись на неудобный табурет, который стоял слева от одного из кресел, Бошамп наконец-то понял, почему стол такой чистый. Столешницу скоблили, и очень тщательно, следы можно было заметить только вблизи.

— Благородный сэр Хорейс, доблестный тэн Вулфрик поведал мне о тебе и твоих обстоятельствах. Поелику назвались вы королевскими стрелками, и пришли согласно обычаю, с оружием своим, то я, данной мне моим королем и братом властью, признаю твоих воинов хускарлами, — сказал негромко Гирт, пользуясь тем, что сидящие за столом отвлеклись на принесенные слугами блюда. Махнув рукой, он подозвал слугу и что-то прошептал ему. Тотчас принесли кувшин вина, раскрыли и разлили по кубкам всех сидевших за королевским столом. Дождавшись, пока слуги нальют всем присутствующим (сидящим за другим столами естественно досталось вино похуже), Гирт встал, поднял кубок и провозгласил могучим голосом, перекрывшим шумы зала:

— Поднимаю кубок за благородного тэна Хорейса и его отряд арбалетчиков, волею Божьей пришедший на помощь королю Гарольду и нашей Англии!

Раздались приветственные крики, воины и монахи наравне осушали кубки, кричали: 'Ахой!' и приподнимались, стараясь разглядеть сидящего рядом с Гиртом человека, после чего подавали кубки слугам, торопливо наливавшим в них вина и опять выпивали, брали

руками из блюд на столе куски мяса, рыбы или птицы. Происходящее опять напомнило сэру Горацию Афганистан, прием у Шир-хана и пуштунов, вытирающих руки о полы хитонов, то есть халатов. Мысленно вздохнув, он выпил из кубка кисловатого, прямо скажем, отнюдь не впечатляющего своим букетом, вина и, по примеру соседей, взяв руками с блюда здоровый кусок еще теплого, хорошо прожаренного кабаньего мяса, откусил, положив оставшееся на служившую заодно и тарелкой лепешку. Слегка насытившись, Бошамп деликатно осмотрелся и вслушался в разговоры за столом. Так ему удалось установить, что сидящий напротив пожилой примас в богатой, но уже засаленной рясе — архиепископ Кентерберийский Стиганд, а рядом с ним сидит советник Гарольда — Арчибалд из Кента. Чуть далее сидел, недоверчиво и зло поглядывая на Бошампа еще один деятель церкви, оказавшийся епископом Этельредом. Сидящий рядом с ним богато одетый эрл, имя которого узнать полковнику пока не удалось, тоже поглядывал на полковника не слишком дружелюбно.

После приема пищи, который можно было назвать ранним обедом или поздним завтраком, Гирт пожелал пообщаться с Горацием наедине. Это означало, что за столом остались сидеть всего-навсего личный советник, а также епископ Стиганд, да по залу продолжало бродить где-то с десятков рыцарей. Остальные сидевшие за 'королевским столом' с явной неохотой поднялись и, бросая недоуменные, а иногда и откровенно злые взгляды на оставшихся, покинули дворец. Едва все посторонние разошлись, Гирт потребовал подробного рассказа о том, как две с половиной сотни людей внезапно перенеслись из будущего и что им известно о предстоящей войне с норманнами. Ни эрл Гирт, ни епископ Стиганд не проронили ни слова, внимательно слушая рассказываемую сэром Горацием историю. Конечно, Бошамп ни намеком не рассказал о поведении епископа после разгрома англосаксов, также, естественно, умолчав и про гибель Гирта. Но эрл, по-видимому, уловил какие-то нюансы в его рассказе и нахмурился, однако сдержал себя и промолчал. Остальные слушали молча, причем если епископ с почти невозмутимым видом, то советник, дядя, да и сам Гирт напомнили сэру Горацию спортивных болельщиков во время соревнования любимых команд. Едва Бошамп закончил свою повесть, Стиганд заговорил:

— На все Воля Божья, сын мой. Не переживай о потерянном тобой, ибо Господу виднее как испытывать рабов своих. Прими сие как неизбежное и не ропщи, ибо Господу угодно было привести тебя к нам для свершений неведомых пока ни тебе, ни нам. Раз ты сам молвил ныне, что твои стрелки могут помочь избавить Англию от нашествия, то явно чту волю Божью в твоём появлении.

Бошамп, сохраняя невозмутимое, 'покерное', выражение лица, мысленно усмехнулся, вспомнив разговор с Вулфриком. 'Что же, если церковь вполне лояльна к путешественникам во времени, это очень радует. Власти вообще преисполнены энтузиазма, просто неудобно наблюдать за детским поведением этих государственных мужей. Пожалуй, единственное, что их извиняет — возраст. В наше время им выше лейтенанта не присвоили бы, а здесь они государством правят', — задумавшись, Гораций едва не пропустил обращенный к нему вопрос Гирта, расслышав только последние слова из переведенного Томсеном:

— ...показать действие своего оружия?

— Простите, сэр, я, кажется, немного утомлен свалившимися на меня необычными приключениями. Поэтому не совсем понял ваш вопрос. Вы хотите видеть наше оружие в действии?

— Несомненно, сэр, — почти хором ответили все, кроме епископа, сделавшего постно-расстроенное лицо при столь явном интересе к человекоубийственным орудиям.

— Приношу свои самые искренние извинения, господа, но я полагаю, что показ лучше отложить до прибытия Его Величества в Лондон. К тому же у нас не так много боевых припасов, а изготовить их, как я понимаю, сейчас не удастся. — Бошамп постарался придать своему голосу как можно больше убедительности и это сработало — Гирт Годвинсон кивнул, соглашаясь, и заметил, взглянув на мающегося неподалеку майордома и двоих воинов, явно ожидающих возможности поговорить с ним. — Я вижу утомление на лице

вашем, сэр Хорейс. Да и нас ожидают дела. Посему расстанемся мы до часа вечерней молитвы.

Все прочие участники разговора, кивнув на прощание, а Стиганд — еще и благословив всех, начали расходиться. Задержался только Бошамп, со своим переводчиком, которому Гирт сделал знак рукой.

— Сэр Хорейс, вы промолчали об участии моей в грядущей битве. Боитесь напугать меня? Я воин и не мне пророчества бояться, к тому ж, сказали вы, что ничего еще не решено, — Гирт вопрошающе смотрел на Горация.

— Мне не хотелось быть печальным вестником, Ваше Высочество. Но раз вы спрашиваете, отвечу прямо — в той истории, откуда мы родом, вы и ваш брат Леофвайн тоже погибли в битве у Гастингса, — сэр Гораций решил быть откровенным, насколько возможно и поведать не только о гибели короля, — но, как вы справедливо заметили, еще ничего не решено. В той битве не было на вашей стороне доблестных норфолкских стрелков и не знали ни король, ни вы, Ваше Высочество, ничего о силах и воинском умении норманнов. И, раз уж мы об этом заговорили, Ваше Высочество, хотел бы я напомнить, что у герцога Вильгельма много соглядатаев в Английском королевстве. Чтобы не могли они узнать подробностей о моем батальоне и его вооружении, я предложил бы поселить нас где-нибудь в стороне от города, где не появляются посторонние. Например, в том же горде, где сейчас мои солдаты находятся.

— Благодарю, сэр Хорейс, что честно мне о будущем поведал. Не тревожься и не думай о поведанном тобой, ибо во всем воля Божья. И если Он послал тебя и твой отряд помочь нам, то в Его воле изменить и судьбу мою. Пусть будет, как будет, но делать буду я, что должен. Касаемо же мысли твоей, я нахожу ее очень умной и думаю, что вполне можно оставить ваш отряд в том месте, пока мой брат и король будет войска собирать.

Вечером того же дня, за ужином на котором снова присутствовали и все офицеры, эрл еще раз поднял кубок за здоровье сэра Хорейса, его благородных спутников и храбрых воинов. В разговоре, которым Гирт удостоил Горация, он сказал, что завтра отпустит его к воинам, а сегодня предложил воспользоваться его гостеприимством.

Проснувшись на следующее утро, еще не открывая глаз, сэр Гораций подумал, что все происшедшее ему почудилось во сне, но жжение от блошинных укусов и запах старых шкур, которыми он укрывался, быстро вернули его к действительности. Завтрак был подан в том же зале, после чего Бошамп распрощался с королевским братом и его окружением и отправился на хозяйственный двор, где его и сопровождающих его англичан ждали подаренные лошади. Невзрачные и малорослые по сравнению со своим сородичами из двадцатого века, на первый взгляд немногим крупнее шотландских пони, местные лошадки оказались неплохо выезженными и выносливыми.

Небольшой отряд полковника быстро добрался до места. В царствование норвежско-английского короля Кнута в этом районе поставил свой горд в древне-норманнском стиле один из приближенных к нему ярлов. Окруженное частоколом поселение состояло из длинного прямоугольного дома, вытянутого с восхода на закат, с дверями на обоих концах, и нескольких хижин. После изгнания норвежцев горд, перешедший, вместе с прилегающими землями, королю, был заброшен. Теперь же это место вновь ожило, только вместо ярла и его викингов тут поселилось две с половиной сотни гостей из будущего. Постройки горда, стоявшего без надзора, понемногу трухлявели и разваливались, так что забот по благоустройству доставшегося жилья хватало всем норфолкцам.

Оставив солдат заниматься работами под наблюдением сержантов и категорически запретив любые выходы за пределы хозяйственного двора, полковник собрал офицеров, за исключением дежурного по батальону, первого лейтенанта Роулинга.

Рассевшись на приготовленных заранее чурбаках и прихлебывая из глиняных чашек принесенный денщиком полковника жидкий чай, заваренный из собранных остатков, офицеры с любопытством глядели на расхаживающего перед ними полковника. Наконец он остановился и, оглядев присутствующих, сказал спокойным голосом:

— Господа офицеры, мы в полной... заднице. Если кто-то думает, что попал в сказку, пусть оглянется по сторонам. Мы попали, джентльмены, в очень неприятную ситуацию и теперь надо решать, что делать дальше. Одно не подлежит сомнению — мы должны будем жить здесь и после войны. Но как и в каких условиях? Не знаю, как вы, но я полагаю, что так жить нельзя. Я хотел бы слышать ваши соображения по этому вопросу, поэтому созвал сегодня военный совет. Прошу высказываться. Второй лейтенант Кэрролл, прошу.

— Разрешите заметить, господин полковник, сэр, что подобное положение было описано американским писателем Марком Твеном. Я читал его книгу, 'Янки из Коннектикута при дворе короля Артура', про американца, попавшего в средневековую Англию. Он создал промышленность, но из-за противодействия церкви его нововведения были уничтожены. Могу отметить, что мы в лучшем положении, чем герой этого произведения, господа. Нас почти три сотни, в нашей роте имеются представители множества профессий, местные власти относятся к нам доброжелательно. Думаю, что мы можем сделать то, о чем написал мистер Твен и внести немного цивилизации в жизнь этих людей, тем самым облегчив и нашу жизнь.

— Разрешите, господин полковник, сэр?

— Прошу подождать, первый лейтенант Янг. Напоминаю вам, что на военном совете выступают, начиная с младших. Итак, кто следующий, джентльмены?

Все выступающие практически единодушно поддержали предложение лейтенанта Кэрролла, только несколько человек, среди них был, конечно, и лейтенант Янг, смотрели на возможность изменить что-то скептически. Янг вообще потребовал вернуться назад, к терновнику и попытаться попасть в свое время, несмотря на исчезновение прохода. Грозившие разгореться в лучших традициях английской демократии прения прервал капитан Бек, напомнивший, что они не в парламенте. Не вмешивавшийся до этого в обсуждение, но внимательно выслушавший все сказанное, полковник неожиданно встал. Офицеры дисциплинированно замолчали.

— Господа офицеры! Джентльмены, внимательно выслушав ваши предложения, я решил. Первое — составить списки личного состава роты с учетом гражданской профессии и знаний, которые могут пригодиться нам для выживания в этом времени. Второе — всем продумать, собрать и предоставить в трехдневный срок лейтенанту Гастингсу предложения по необходимым нововведениям. Третье — составить списки необходимых для предложенных изменений материалов и методы их добычи. Максимальное внимание уделить возможному производству пороха и взрывчатки. Сообщаю также, джентльмены, что местные власти оставляют нам это место для поселения. После окончания совета необходимо будет его обустроить и укрепить, не забывая о занятиях по боевой подготовке. Принять строжайшие меры против дезертирства. И еще — патроны учесть строжайшим образом и по организации лагеря сдать на хранение, оставив лишь необходимый минимум для караулов. И еще одно. Лейтенанты Кроуфорд и Гастингс, как занимавшиеся историческим фехтованием, проведут в эти дни дополнительные занятия со всеми по владению местным оружием и защите от него. Прошу вас, джентльмены не отлынивать и принять участие в этих занятиях.

Три последующих дня прошли для сэра Горация и его батальона в хлопотах по благоустройству и укреплению лагеря. Разбившись на рабочие команды, солдаты валили деревья в ближайшем лесу, с помощью крестьян, выделенных им в помощь из соседних королевских маноров, пригнавших телеги и тягловых волов, перетаскивали их к лагерю, где другие команды ремонтировали дом и постройки. Одновременно не задействованные на ремонте построек нижние чины, саперными и деревянными лопатами отсыпали редуты и люнеты, которые должны были прикрыть будущий лагерь со всех сторон. По здравому размышлению полковник решил, что такие укрепления будут вполне достаточны против не имеющего артиллерии противника, а их постройка отвлечет солдат, а если подумать, то и офицеров, от посторонних мыслей. Понятно, что удержаться в лагере надолго, даже учитывая наличие родника, невозможно, но в случае всяких неприятных неожиданностей

можно будет подороже продать свои жизни. Да и от шаяк бродячих разбойников вполне приличная защита. Все-таки средневековье, какие-нибудь 'Робины Гуды' всегда найдутся, а то, что норфолкцы неизмеримо богаты, по меркам этого времени, полковник Бошамп осознал быстро, чему в немалой степени способствовал афганский опыт.

Время летело незаметно, забитое хлопотами до предела, но каждое утро полковник, большинство офицеров и часть сержантов собирались в дальнем углу двора, где было устроено что-то вроде классов и слушали очередной урок произведенного полковником в лейтенанты Томсена. К концу третьего дня сэр Гораций уже смог самостоятельно составить несколько предложений на саксонском. Помогало то, что немецкий он, как и большинство офицеров проходил еще в школе. Вот именно, что не учил, а скорее проходил, но даже и эти отрывочные полузабытые знания оказались очень полезны.

Плохо было с продовольствием. Несмотря на уверенные обещания Гирта, подвозили его мало, мяса вообще почти не привозили, а за рыбу приходилось отправлять людей, чтобы купить ее в Лондоне. Благо казначей Гирта привез как-то несколько десятков серебряных марок, как плату новоиспеченным хускарлам. Еще хуже было с приправами. Королевские снабженцы привезли только немного серой, горьковатой соли. Перец, корица, кориандр — все это надо было закупать самим, но стоило настолько дорого, что от покупки пришлось отказаться. Хорошо, что большинство лейтенантов сквозь пальцы смотрели на нарушение приказа полковника, требовавшего идти в бой без ранцев. Поэтому у роты был теперь небольшой запас соли, чая, приправ и даже несколько банок консервов, которые решено было приберечь на черный день.

Сильно беспокоила сэра Горация и почти полная изоляция от новостей. Казалось, о гостях из будущего все забыли. Всего лишь однажды приезжали Гирт и его брат Леофвайн, дивились невиданным учениям и осматривали укрепления. Братьям-воинам очень понравились строевые упражнения и четкое выполнение команд бойцами пришельцев, настолько понравились, что они уговорили сэра Горация отпустить лейтенанта Роулинга и двух сержантов для тренировок их личных дружин. Но после этого визита больше ни одной весточки от них не приходило. Возницы, как и сопровождающие их майордом и несколько хускарлов, были молчаливы и на все вопросы отговаривались незнанием.

На третий день навестил гостей епископ Стиганд. Оказывается до него дошли слухи, что в будущем английская церковь не подчинялась Римскому папе. Он долго выпрашивал об этом и полковника, и Томсена, но сам никаких новостей не рассказал, ограничившись сообщением, что короля с войском ждут в Лондоне в ближайшие дни. После беседы он уехал в Лондон в великолепном настроении, а Томсен напомнил недоумевающему Бошампу, же забывшему реплику тэна Вулфрика, что римский папа не утверждает епископство Стиганда, который уже несколько лет занимает свою должность нелегитимно.

— Дело в том, что Стиганд занял пост бежавшего от королевской немилости архиепископа Роберта Жюмьежского, нормандца. Но папа его не утвердил в должности, считая, что Роберт по-прежнему остается архиепископом Кентерберийским. Следовательно, по каноническому церковному праву Стиганд считается незаконным архиепископом. Поэтому, например, рукоположение прочих английских епископов и, даже, коронацию Гарольда он проводил совместно с архиепископом Йоркским.

'Черт побери, а ведь это делает его нашим искренним союзником' — подумал полковник: 'Будем надеяться, что он повлияет на Его Величество в нашу пользу. Говорить он умеет неплохо, да и хитер изрядно. Разузнал у нас все, что хотел, ничего не поведая взамен. Точно как член парламента...'

Отсутствие новостей настораживало, поэтому полковник не только регулярно проверял систему охраны и обороны лагеря, но и постоянно усиливал ее, готовясь к самому худшему. Усиленные пулеметами дозоры сидели в отрытых и замаскированных окопах по всему периметру лагеря, в самом лагере дежурил в полной готовности к бою один взвод.

Но в округе все было тихо, лишь дикие кабаны временами передвигались привычными тропинками и недовольно хрюкая, обнаружив запахи поселения, уходили подальше от

несущих угрозу двуногих. Несколько раз удавалось подстрелить свинью, а то и подсвинка из самодельного арбалета, изготовленного рядовыми Бартоломью и Смитом по чертежам, составленным лейтенантом Кроуфордом.

Полковник удивился, когда узнал, сколько нештатного оружия оказалось у нижних чинов. Оказывается, многие солдаты, готовясь к боям, по совету ветеранов первых окопных боев обзаводились окопными ножами, напоминавшими скорее кинжалы, и палицами, вполне сопоставимыми с холодным оружием англо-саксов. Неожиданным оказался и уровень владения мечом у лейтенанта Гастингса. Как рассказал позднее сам Генри, он учился у самого Эгертона Кастла, друга знаменитого основоположника восстановления и реконструкции средневекового фехтования в Англии Алфреда Хаттона. Конечно они в основном исследовали более поздние эпохи, но многое могло быть применено и в это время.

Удивил всех рядовой Финч. Оказалось, этот неудачливый нарушитель дисциплины весьма неплохо управляется с небольшим самодельным 'моргенштерном'. Когда он, выйдя из строя, с одного удара разбил мишень, а затем ловко прокрутил свистящий утыканный внушительными остриями шарик на короткой цепи вокруг себя, поразился даже невозмутимый сержант Уилмор.

— Смотри-ка. Точно в илистом пруду лягушки водятся, — с иронией заметил он капралу Брауну: — Но молодец. Вроде бы такой неумеха, а вон как отличился. Молодец. Но ты за ним все равно присматривай. Надо его заставить с нами своим умением поделиться, вроде бы не лишним будет оно в этих местах.

— Есть, сержант. Теперь особенно приглядывать буду.

Вот так восхищение сержанта обернулось для Финча усилением придинок со стороны капрала и сожалением о том, что он не удержался от хвастовства. Конечно, лейтенант Гастингс стал относиться к своему тезке, но только лейтенант занят своими делами, а капрал Браун всегда рядом и всегда готов назначить на самые тяжелые работы именно Генри Финча.

— Лучшее бы мне не высовываться. Говорил же папашка — будь проще, сын задницы, и все к тебе потянуться, а я не послушался, — ворчал Генри про себя, иногда даже воспроизводя подслушанные у старика слова, которые удалось запомнить.

Но зато когда через два вечера капрал Браун предложил ему поучить его и еще нескольких сержантов и капралов владением 'этой штуковиной', он радостно согласился.

'Англия, Королевство Английское (англ. England, The Kingdom of England, лат. Anglia, Regnum Angliae) — [...]

История.

[...] Враждовавшие между собой кельтские вожди приглашали на службу дружины англов, саксов и ютов (германские племена) с континента. Такие дружины, оставшиеся на зимовку в Британии, и были первыми завоевателями. Достоверных сведений о том, как именно началось вторжение, нет. Те известия, которые до нас дошли, очень скудны и носят полуполюгендарный характер. Наши источники — это сочинение Гильдаса 'О разорении Британии' (около 550 г.), 'История бриттов' Ненния (конец VII в.), 'Церковная история англов' Беда Почтенного (731 г.) и 'Англо-Саксонская хроника' (около 890 г.). Сведения первых двух источников спорны, а последние два составлены гораздо позднее происшедших событий. [...]

На территории Британии, завоеванной англосаксами (эта территория и стала впоследствии собственно Англией), в период со второй половины V до начала VII в. образовалось несколько варварских англосаксонских королевств. К началу VIII в. на этой территории сохранилось семь сравнительно больших королевств, так называемая

Гептархия ("Семицарствие"), в которую входили Нортумбрия, Мерсия, Восточная Англия, Уэссекс, Эссекс, Сассекс и Кент. Однако термин "Гептархия" не совсем корректен, поскольку в то время еще существовали более мелкие королевства. [...]

Историки занимают два вопроса: о судьбе римских поселений в англосаксонскую эпоху и о взаимоотношениях кельтов и саксов. Одно направление в историографии считает, что преемственности между римской и англосаксонской эпохами нет, так как римские города были разрушены и стали необитаемыми. Другое направление в исторической науке признает, что нет оснований говорить о гибели всех римских городов, хотя, действительно, многие из них были разрушены и обезлюдели во время первых набегов саксов и англов. Равным образом необоснованно говорить о полной гибели римской цивилизации и об исчезновении латинского языка: Гильдас опровергает это, называя латынь 'нашим языком' (*nostra lingua*), а бриттов — *cīves* (граждане). Григорий Великий указывал в 601 г. на Лондон и Йорк как на густонаселенные города и наиболее подходящие пункты для резиденции епископов, что прямо противоречит утверждению об их полном разрушении. Об этом же свидетельствуют и данные археологии. Таким образом, можно считать в настоящее время доказанным, что какие-то элементы римской цивилизации в Британии остались. Если говорить о втором вопросе — о взаимоотношениях саксов и кельтского населения, то до середины XIX в. господствовала теория полного истребления кельтов; в настоящее же время историки, археологи и лингвисты пришли к выводу, что значительная часть кельтского населения выжила и слилась с завоевателями. Обилие кельтских названий населенных пунктов, имен собственных, кельтские остатки в лексике, связанной с сельскохозяйственными работами (пахотой и скотоводством), с женским домашним обиходом, все это в большей мере в диалектах западных и северных, нежели южных или восточных, доказывает, что вряд ли можно говорить о полном уничтожении кельтского элемента. [...]

Источниками для суждения о том, что представляли собой социальные и экономические отношения англосаксонских королевств, служат прежде всего англосаксонские 'Правды' (законы Кента, Уэссекса и др.). Большой интерес для характеристики общественных отношений англосаксонских королевств представляет 'Сага о Беовульфе' — эпос, ядро которого возникло, очевидно, не позднее конца VIII в. Сага проникнута языческим духом и отражает весьма архаичные отношения, свойственные германским племенам эпохи переселения их на Британские острова.

Первоначально основу англосаксонского общества составляли свободные крестьяне-общинники — кэрлы, владевшие в пределах общины значительными участками пахотной земли, так называемой гайдой (участок земли, который можно было возделывать в течение года одним плугом с упряжкой в 4 пары волов). До середины VII в. малая, индивидуальная семья у англосаксов еще не стала господствующей, переход от земледельческой общины к соседской не был завершен. Земля, которой владели общинники, долгое время не превращалась в свободно отчуждаемую собственность (типа аллода). Распоряжение ею ограничивалось общинными порядками и правами всех членов родственной группы (скорее всего — большой семьи). В более поздних документах такое земельное владение, основанное на обычном, общинном праве, называется 'фолклендом'. Ограничения в распоряжении фолклендом задерживали возникновение частной собственности на землю и рост крупного феодального землевладения в Англии. Сохранение относительно прочной общины укрепляло силы свободных крестьян в борьбе против феодального закрепощения, что также замедляло здесь процесс феодализации. [...]

Если у кэрлов надел состоял не более чем из одной гайды, то представители родовой знати — эрлы имели поместья в сорок гайд и больше, а королевские дружинники — гезиты (позднее вошедшие в сословие тэнов) — не менее пяти гайд.

По англосаксонским 'Правдам' за убийство человека убийца уплачивал вергельд, размеры которого соответствовали положению убитого. Система вергельдов дает представление о социальном строе англосаксонской эпохи. За убийство кэрла полагался

вергельд в 200 шиллингов, за убийство эрла (крупного землевладельца) — 600 шиллингов; за королевского дружинника-гезита, владеющего землей, — 1200 шиллингов, а за дружинника, не владеющего землей — 600 шиллингов. Помимо свободных крестьян-общинников англосаксонского происхождения — кэрлов, были крестьяне кельтского происхождения — леты, или уили. Они находились в зависимом состоянии и за них платили от 40 до 80 шиллингов. Поскольку родовые связи во время завоевания оказались нарушенными, свободные образовывали союзы (гильдии) для совместной защиты. Члены гильдии в случае убийства собрата выступали как обвинители. [...]

По мере развития феодальных отношений в зависимость попадала и часть ранее свободных кэрлов, образуя вместе с летами класс зависимых крестьян — гебиров. Эрлы из простых крупных землевладельцев превратились в феодальных владетелей, примерно соответствующих графам и герцогам Европы. [...]

В VIII в. из земли, принадлежащей племени (фолкленд), король начинает делать пожалования своим дружинникам. Эти пожалования оформляются грамотами, и пожалованная земля именуется боклендом. Первоначально по грамоте жаловались судебные и финансовые права над населением определенной территории, а затем к владельцу грамоты переходила и сама земля. И с населения фолкленда, и с владельцев бокленда король требовал несения трех повинностей: военной, повинности чинить мосты и дороги и службы по поддержанию укрепленных пунктов. [...] В обстановке непрерывных войн с внешними врагами, в Англии складывалось сословие воинов — тэнов, имевших землю, обрабатываемую зависимыми людьми, в условном держании. Тэны стали основной военной силой Англии, представителями военного сословия, близкого к королю. [...]. Правившая в 1016–1042 годах датская династия не могла естественно опираться на местную знать и тэнов, поэтому важнейшей частью ее вооруженной силы стала собственная наемная дружина, воины которой именовались 'хускарлами'. [...] Правившие после датской династии англосаксонские короли сохранили эту традицию. [...]

Слияние германских племен между собой и с покоренным населением привело к началу IX века к складыванию единой англо-саксонской народности. Точнее ее следовало бы называть англичанами по самоназванию *Angelcyn* (cyn — племя, род). [...]

В это же время правитель Уэссекса Эгберт смог объединить все королевства в единое государство. [...] Тогда же начались набеги скандинавских пиратов — викингов, к 870 г. захвативших большую часть Англии, за исключением Уэссекса. Однако к власти в Уэссексе в эти годы пришел выдающийся правитель Альфред, позднее прозванный Великим. [...] В 877 г. Альфред Великий нанес серьезное поражение датчанам, после чего был заключен мир, разделивший Британию на две примерно равные части. [...] В 1016 г. к власти в Англии пришла датская династия — конунг Кнут II Великий. В это же время начались тесные сношения Англии с Нормандией: сестра Ричарда, герцога Нормандского, Эмма была замужем за Этельредом, королём Англии, и Этельред, изгнанный датчанами, укрылся в Нормандии. [...]

В 1042 г., после смерти Хартакнута, по воле англосаксонской знати, королем стал старший сын Этельреда Эдуард Исповедник. Проведший при дворе герцога Нормандии четверть века, Эдуард завёл многочисленные связи в этой стране. [...]

В 1066 г., после смерти бездетного короля, совет знати выбрал на престол Гарольда II Годвинсона, знатнейшего эрла, брата овдовевшей королевы и, по некоторым, не вполне достоверным сведениям — потомка Альфреда Великого. [...]

Talbooth 'Encyclopedia Maxima mundi', vol. V, London, 1898 г.

Глава VI

За честь короны мы умрем

*Устав дан миру с давних пор:
Всегда прошедшее с грядущим
Вело тяжелый, трудный спор.*
В. Бенедиктов

С реки дул ветер, проникая в раскрытые ставни и заставляя поеживаться от прохлады стоящего у окна монаха. Но епископ не замечал этого, слишком занятый своими мыслями, которые он тут же излагал, как на проповеди, не обращая внимания на малочисленность аудитории: — ... любовь к религии пришла в упадок. Малообразованные клирики с трудом и запинанием произносят слова священных молитв. Даже клирик, знающий грамматику, стал предметом всеобщего удивления. Монахи пренебрегают уставом, одеваясь в роскошные одежды и услаждаясь разнообразными и изысканными яствами. Знать, предаваясь роскоши и разврату, не ходит регулярно утром в церковь, как следует христианам, но только от случая к случаю приглашает на дом какого-нибудь священника, который торопливо совершает утреню и литургию для этой знати в перерывах между ласками их жен. Простые люди, не имеющие никакой защиты, становятся жертвами людей знатных, которые увеличивают свои богатства, захватывая их имущества и земли и продавая их французам. Пьяные оргии ночи напролет стали делом обычным. Грехи, сопутствовавшие пьянству, расслабляют их душу и ум. И не покаются они, и Бог не помилует их. А то, что принимают они за Божью помощь, на самом деле есть дьявольское прельщение, которое губит их еще вернее. Не могут они понять этой истины, ибо и пастыри их ложные. Не может епископ, не получивший палий от Папы править церковью, — в этот момент он внезапно вспомнил, что в комнате он не один и резко оборвал речь. Приподнявшись с кресла, епископ осторожно обогнул стоящий рядом пюпитр с раскрытой Библией и подошел почти вплотную к внимательно глядящему на него монаху.

— Так говоришь, рыцари Кнута лично видели, как пришельцы изрыгают дым из своих ртов?

— Да, ваше преосвященство, они клялись мне, что многие из колдунов регулярно занимаются сим действием. Сам Кнут со мной не разговаривал, но слуги его поведали, что он рассказывал о сем ширрифу Вулфрику. Но тот, говорят, лишь посмеялся, заявив, что это просто обычай тех земель откуда прибыли сии хускарлы.

— Так откуда же они прибыли, из каких земель незнанных, что глотают дым и дышат огнем, — снова начал епископ, отворачиваясь и не замечая, как поморщился монах. — Наверняка из Туле, о которой писал Беда Достопочтенный и коя названа так из-за того, что на закат от Ирландии, в окрестностях Ада расположена. Дьявольские козни, я чувствую их как никогда уверенно. Не даром хвостатая звезда, кометой именуемая, висела над землей нашей, всяческие беды предрекая...

Тут епископ замолчал, развернулся лицом к собеседнику и приказал:

— Пошли служку в дома эрла Вальтеофа и Эдгара Этелинга. Пусть просит прибыть в обед ко мне доблестного эрла и благородного советника Освульфа. Приготовь также двух преданных служек, пусть наготове будут к поездке к горду тому. Выбери тех, кто французский и датский знает, дабы могли они слова пришельцев различать и разговоры их слушать. Понял меня?

— Сделаю, ваше преосвященство, — монах собрался уходить, когда архиепископ внезапно припомнил еще кое-что и выкрикнул ему вслед. — Позови заодно ко мне брата келаря и брата трапезничего.

— Хорошо, понятно, — кротко ответил монах, выходя из комнаты.

Посыльные успели вовремя и на обеде в личной трапезной епископа присутствовали один из могущественных эрлов королевства Английского, Вальтеоф, мускулистый и подвижный, несмотря на почтенный возраст, воин с грубым лицом, покрытым шрамами, и советник малолетнего сына бывшего короля Освульф, невысокий полноватый человек с лицом, напоминающим лисью мордочку. Разговаривали сидящие за столом на нейтральные темы, изредка поглядывая на приносящих блюда служек. Наконец, принесли чаши с горячей водой и полотенца, гости и хозяин, омыв руки, встали из-за стола. Тут архиепископ Йоркский предложил пройти в скрипторий, посмотреть на переписываемый экземпляр хроники Беды Достопочтенного.

— Теперь мы можем говорить свободно, — едва закрылась дверь скриптория, сказал Освульф, — полагаю, ваше преосвященство хотел увидеть нас из-за того, о чем подумал я?

— Тэн Бошем, — с ненавистью промолвил эрл Вальтеоф, — проклятый иноземец, ставший одним из любимцев брата короля.

— Вы правы, милорды. Именно о нем и его воинах хотел поговорить я. Ибо они — колдуны и слуги дьявола, прельстившие Гирта Годвинсона, — ответил архиепископ Йоркский Элдред, поднимая очи горе и сделав столь постное лицо, что его собеседники, не выдержав, переглянулись с усмешкой. — Нам надо продумать деяния наши так, чтоб король осознал сие и отрекся от наваждения дьявольского. Негоже христианскому королю прибегать к колдовству.

— Какой он король! — возмущенно прогудел Вальтеоф. — Сам из худородных и ничего в управлении государством не понимает. Разве можно править, унижая именитых мужей.

— Настоящий homo novus, вы правы, благородный эрл, — с едва прикрытой иронией в голосе поддержал его Освульф. — Не признать ваших прав на Нортгемптон — это так плебейски. Уверяю вас, что мой господин, несмотря на молодость, вполне понимает правоту притязаний ваших и согласен с ними.

— Милорды, мы отвлеклись от самой важной проблемы — как быть с колдунами? — нетерпеливо, с неподобающей сану поспешностью перебил их Элдред.

— Полагаю, собрать надлежит отряд верных нам тэнов и перебить их внезапным ночным налетом, — простодушно предложил эрл, заставив своих собеседников переглянуться в отчаянии.

— Primo, чтобы собрать достаточный отряд, нам нужны будут несколько недель, — советник претендента на корону как будто хвастался своей ученостью, — Secundo, нападение на хускарлов приведет лишь к тому, что нас объявят мятежниками и ни один эрл в Совете Мудрых не выскажется в пользу наших притязаний. Посему не вижу в сих циркумстанциях, как нам осуществить ваши мысли, хотя и мудрые, но несвоевременные.

— Тогда предложите свое, многомудрый вы наш... советник, — обидевшийся эрл говорил оскорбительным тоном и, если бы не общее дело и присутствие епископа, разговор мог бы закончиться и вызовом на 'божий суд'. Но сейчас Освульф сделал вид, что принял слова эрла за шутку и спокойно продолжил:

— Полагаю я, что надо народу о колдунах рассказать. Истинно христианские добродетели наших тэнов не позволят им терпеть сие непотребство на земле английской. Да и эрлы будут вынуждены прислушаться к голосам своих воинов.

— Мысли твои хороши, но время на их выполнение... — перебил советника эрл, но тут же замолчал, остановленный жестом епископа.

— Сия мысль явно навеяна тебе Господом, сын мой, — елеинным тоном начал Элдред, мгновенно уловивший смысл предложения. — Действительно, собравшись вместе, тэны могут воздействовать на Совет Мудрых и самого короля, заставив его прогнать или истребить колдунов.

— Но если Гарольд не пойдет на это? Триста воинов перед решающей битвой с норманнами нужнее ему, чем твоя поддержка, ваше преосвященство. Ибо победы он — и все склонятся пред его силой, а проиграй — все припомнят, что он сам отказался от помощи, —

несмотря на свою недалекую внешность и некоторую зашоренность ума, несостоявшийся эрл Нортумберленда был неплохим политиком.

— Значит, надо сделать так, чтобы он не победил. Знаю я от верных людей, что Эдвин и Моркар, будучи даже родственниками короля, не рвутся помогать Годвинсону. Их фирд, распущенный по домам после битвы с норвежцами, не торопится собраться. Так и мы не будем помогать ни французам, ни Годвинсону. А когда они взаимно обессилят друг друга, придет наше время, — улыбка епископа была отнюдь не образцом христианской доброты и всепрощения. — Пока же мы будем копить силы свои и действовать против колдунов словом...

— И делом! — неожиданно прервал его Освульф. — Слышал я, что привередливы они в пище. Майордом же Гирта, ведающий питанием этих колдунов, мой доброжелатель. Посему не получают они ни мяса, ни рыбы, да и хлеба к ним будут поступать не вовремя и в меньшем числе, чем они просят. Голодный колдун, как и голодный воин — не боец.

— Хорошо придумал, советник, — расхохотался Вальтеоф.

— Так и сделаем, господа, — поддержал советника епископ. — Я ж в свою очередь монахам моим повелю рассказывать народу правду о происках дьявольских.

Заговорщики, договорившись, расстались в самых лучших чувствах. На следующий день по Лондону поползли самые невероятные слухи. Говорили, что альвы, при попустительстве Господнем и помощи дьявольской, притащили на английскую землю колдунов, чтобы окончательно погубить королевство. Говорили, что Гарольду покровительствует сам Вотан, приславший на помощь против французов триста воинов из Валгаллы. Однако, многие христиане при таких известиях лишь радостно улыбались, явно доказывая, что в душе остаются тайными язычниками. Ходили еще более невероятные слухи о связях Гарольда с нечистой силой, которая и помогла ему преступить клятву на святых реликвиях и захватить престол, обещанный им норманнскому герцогу. Говорили, что появился целый отряд альвов, вооруженный волшебными луками, скоро захватят они власть в Англии и плохо тогда придется христианам, отрекшимся от веры отцов. Говорили многое, самое невероятное и необычное. Слухи множились и искажались так, что в конце концов, дня через три народ был готов поверить даже во Второе Пришествие.

Наконец, в ночь с шестого на седьмое октября, в Лондон прибыл с войском король Гарольд. Сэр Гораций ожидал, что его пригласят во дворец, но день прошел спокойно, никто из Лондона так и не появился, кроме одного из майордомов, сопровождавшего обоз с очередной партией продуктов для отряда. Продуктов в это раз было необычно много, хотя, как всегда, оказалось, что часть круп поедена мышами, а зерно частично перепрело. Но даже солдатам было не до того, все ждали, когда же появится хоть кто-нибудь из королевской семьи. Но Лондон загадочно молчал. Зато на следующий день с утра часовые заметили приближающийся по дороге конный отряд. Оказалось, что это вернулись в сопровождении нескольких рыцарей Гирта лейтенант Роулинг с сержантами.

— В Лондоне волнения. Часть эрлов и тэнов обвиняет короля в связях с колдунами и требует созыва Витанагемота. Это что-то вроде парламента до Революции, как я понял — рассказывал взволнованный Роулинг. — Чернь кое-где взбунтовалась, на нас пытались напасть. Ходят слухи, что мы — колдуны и что англосаксы проиграют битву, если прибегнут к колдовству. — Он перешел на норвежский и о чем-то спросил одного из сопровождающих тэнов. Тот ответил, долго объясняя и даже жестикулируя при этом.

— Кроме всего прочего, большинство саксонской армии в недоумении — высадившаяся норманнская армия засела в своем лагере и, кроме разорения окрестностей во время фуражировок, никаких действий не предпринимает. Королю советуют ждать, когда голод заставит их двинуться вперед и лишь потом дать бой. Но Его Величество, говорят, заявил, что не позволит врагу разорять невинных людей.

— Благодарю вас, Роулинг, за отличный доклад. Мистер Бек, распорядитесь усилить посты и выставить дежурных пулеметчиков. Огонь открывать только в случае явно враждебных действий. Поверх голов не стрелять, бить на поражение, стараясь выбивать

зачинщиков, — сэр Гораций был, как видимо, ничуть не удивлен новостями. Оглядев усталого, воняющего конским и своим потом, взволнованного Роулинга, он улыбнулся краешком губ и снисходительно объяснил:

— Нынешнее положение напоминает мне афганские дела моей молодости. Так вот, там наше присутствие раздражало всех ортодоксальных мулл и противников королевской власти. Не думаю, чтобы здесь было иначе. Интриги, джентльмены. Томсен, не напомните, кто сейчас недоволен властью Гарольда Годвинсона?

— Насколько я помню, господин полковник, сэр, его родственники с Севера не очень спешили ему на помощь и потом охотно признали как его преемника, Эдгара, кажется, так и власть герцога норманнского. Так же поступило и большинство членов Совета Мудрых.

— Но Его Величество был уже мертв, когда остальные признавали власть его соперников. А вот эти два эрла... Черт побери, как мне хотелось бы иметь хотя бы одного работника СИС в батальоне. Эти господа, надо признать честно, всегда умели найти побудительные мотивы любого события. Хорошо, джентльмены, будем ждать развития событий дальше. Не думаю, чтобы Его Величество отказался от помощи трех сотен опытных воинов перед лицом нормандской опасности. Не волнуйтесь, джентльмены, с нами Бог и, напоминаю, десять пулеметов 'Льюис'. Так что отдыхайте спокойно.

— На любой ваш вопрос у нас есть свой ответ. У нас есть 'Максим', а у вас его нет, — процитировал вернувшийся к беседующим капитан Бек. — Только одно но, сэр. У нас не так много патронов.

— Ничего страшного, мистер Бек. Я думаю, что будет достаточно всего лишь несколько десятков убитых, чтобы разогнать этих суеверных людей, — сэр Гораций был настроен оптимистично. Может быть, его оптимизм несколько бы увял, если бы он получил из Лондона более точные сведения. Но иногда незнание или полужнание вместе с оптимизмом спасает людей от ошибочных действий. Не часто, но бывает так, как и в этот раз.

На срочно собравшемся в это время Совете Мудрых Годвинсон молча выслушивал взаимную перепалку сторонников и противников колдовского вмешательства в дела королевства. Слушал долго, так долго, что самые упорные спорщики начали выдыхаться. Наконец он поднял руку и говоривший жаркую защитную речь его брат, Гирт Годвинсон, прервался на полуслове.

— Выслушав внимательно всё, что говорили, я принял решение. Негоже судить о том, чего сам не видел. Посему я с епископом Кентерберийским, эрлами Гиртом и Вальтеофом, королевскими тэнами Вулфриком и Артом, и отрядом хускарлов во главе с Эдгебертом лично на сих людей отправлюсь посмотреть. Брат мой Леофвайн и архиепископ Йоркский остаются в городе и наводят в нем порядок. Придаю им всех оставшихся хускарлов и монахов дяди моего для вразумления народа словом и делом. По завершении успокоения Леофвайн остается старшим для сбора войск на норманнов. Смотрю я, забыли многие об опасности нашему королевству грозящей. Сей час должно думать о борьбе с врагом...

Собравшиеся в зале королевского дворца, пусть даже и недовольные решением короля, замолчали. Лишь архиепископ Стиганд, одобрительно взглянув на короля, сказал:

— Справедливо решил, сын мой.

Архиепископ Йоркский и Вальтеоф лишь молча переглянулись. Такое решение было вполне предсказуемым, так что разделение двух самых активных 'борцов с колдунами' не стало для них полной неожиданностью. Но выбор епископа Элдрета для умирения народа мог служить доказательством, что Гарольд что-то знает или подозревает, ведь в основном кричали о колдунах именно монахи из его епархии. Беспокойство грызло обоих заговорщиков, но внешне они старались выглядеть как обычно. 'Делай, что задумал — случится, что суждено' — подумал Вальтеоф: 'Ладно, раз решил так Госдвинсон, увижу сих колдунов, — а там, коль удастся, убью их главу'. Архиепископ тем временем читал про себя молитвы, стараясь убедить себя, что это всего лишь случайное совпадение.

— Посему закрываю Совет сей и готовимся к поездке, — закончил Гарольд,

внимательно оглядывая присутствующих.

Рота же сэндригемцев готовилась одновременно к двум вещам — отражению возможного нападения и встрече Его Величества Короля Англии, если вдруг он все же решит лично посмотреть на гостей из будущего. Владеющие нужными ремеслами волонтеры под наблюдением лейтенанта Роулинга поспешно готовили во дворе форта всё необходимое для встречи, а остальные солдаты чистили и ремонтировали одежду, подгоняемые окриками сержантов. Больше повезло попавшим в усиленный караул, они спокойно отдыхали, расположившись в укрепленных стрелковых точках и с иронией обсуждая происходящее в лагере.

Сержант Уилмор, командующий передовым секретом на дороге ведущей в Лондон долго делал вид, что не слышит праздных разговоров своих солдат, но наконец не выдержал и приказал:

— Ну-ка, молчать! Вроде бы солдаты, а болтаете как базарные бабы. Гоняют в лагере оставшихся или нет — не ваше дело. Вам сейчас надо к другому готовиться. Если вдруг разъяренные местные полезут, вроде бы колдунами нас числящие, думаете одной обоймы, что нам дали, на них хватит? Штыки примкнуть! Всем занять свои стрелковые ячейки и чтоб ни шума. Вроде бы у местных воинов, способных к нам кустарником незаметно подкрасться не меньше, чем у турков. Если еще услышу хоть слово — виновный будет под ружьем стоять до конца месяца.

Едва он закончил, как передовой пост в лице рядового Финча подал сигнал о приближении неизвестного отряда. Осторожно перебравшись в передовой окоп, Уилмор не менее осторожно достал выданный ему лейтенантом бинокль. Приближенные линзами бинокля, между прочим отличного немецкого 'Карл Цейсс из Йены', купленного лично Гастингсом еще до войны, воины приближающегося отряда выглядели грозно, но не побоевому. Кольчуги были всего лишь на нескольких, явно телохранителях, остальные были одеты в более-менее роскошные местные наряды, имевшееся при них оружие — мечи, спрятано в ножны. В середине строя бросались в глаза богаче всех остальных одетый всадник с блестящим, явно золотым обручем на непокрытой голове и скачущий рядом с ним знаменосец. Порыв ветра развернул полотнище и сержант увидел вышитую на нем фигуру воина, замахнувшегося мечом на неведомого противника.

— Финч, бросай изображать из себя вроде бы уставшего бегуна! Быстро к лейтенанту, доложишь, что прибыл Его Величество. Отряд человек вроде бы с полсотни, знамя Его Величества, такое, как нам описывали — сражающийся воин. Понял?

— Так точно, сарж! Бегу!

Принесенные посыльными известия были приняты полковником с облегчением. Оказалось, что он не ошибся в оценке характера короля Гарольда Второго. Что же, теперь осталось не ударить в грязь лицом при встрече Его Величества. Поспешно построенная во дворе лагеря рота встретила подъехавшего короля и его эскорт в парадном строю. Едва Гарольд остановил коня и соскочил с седла, бросив поводья подбежавшему солдату, как полковник подал команду, и лошади чуть не взбесились от громкого приветственного клича: 'Гип, гип, хура! Хур-ра-а!'. Король застыл от неожиданности, а сэр Гораций строевым шагом под удивленными взглядами большинства лиц из королевской свиты, явно не посвященных в предстоящее, подошел к нему на три шага и, изящно отдав честь, доложил:

— Ваше Величество! Честь имею доложить вам, что батальон один дробь пять Норфолкского королевского стрелкового полка в составе Сэндригемской волонтерской роты и приданных подразделений в количестве двухсот сорока человек для Королевского Смотра построен! Доложил полковник Бошамп! — успев заметить веселые лица Гирта и усиленно подмигивающего ему Стиганда.

— Благодарю тебя и твоих воинов за сию торжественную встречу, сэр Хорейс Бошем, — ответил король и сделал шаг в сторону полковника. Тот отодвинулся, пропуская Его Величество вперед, и пристроился на полшага сзади, мысленно благодаря Гирта, судя по всему, не забывшего рассказать королю о принятых в будущем воинских ритуалах. Гарольд,

пройдя вдоль строя и внимательно разглядывая стоящих по стойке 'смирно' стрелков, не говоря ни слова повернул к заранее подготовленной насыпи-трибуне, огороженной невысокой красивой резной оградой, вырезанной из дерева одним из волонтеров, профессиональным столяром.

Дождавшись, когда король, его свита и полковник заняли место на трибуне, капитан Бек отдал необходимые команды и рота, повернув направо, прошла церемониальным маршем перед высокими гостями, удивленными и восхищенными этой необычной, но впечатляюще красивой церемонией. Даже привычный к красочным церковным литургиям епископ Стиганд был впечатлен и не смог скрыть этого.

— Сэр Хорейс, дошло до меня, что твои воины весьма умелы в воинских искусствах. Вижу я, что умению их создать сильный строй позавидовали бы даже легендарные воины Александра Македонского и римские легионеры. Но донесли мне, что и оружием своим они владеют не хуже, и что оружие это превосходит все, что есть сейчас, — обернувшись к полковнику Бошампу, король Гарольд смотрел на него с явно читающимся во взоре интересом. С не меньшим интересом поглядывали и остальные свитские вельможи, особенно один, могучий воин с хмурым лицом, покрытым шрамами.

— Так точно, Ваше Величество. Прошу Вас пройти вон на то поле. Сейчас мы Вам покажем все, на что способны славные норфолкские стрелки, вооруженные винтовками Ли-Энфильда.

Показанные возможности стрелкового оружия и лучших стрелков роты впечатлили короля Гарольда и его свиту. Убитый на расстоянии в пятьсот ярдов одним выстрелом бык, выпущенный из мешка заяц, сраженный на бегу, и пробитые пулями несколько деревянных щитов и старых кольчуг были внимательно рассмотрены, ошупаны и даже обнюханы. Особенно внимательно смотрел, старательно запоминая и выпрашивая мельчайшие детали все тот же воинственно выглядевший вельможа. Гирт успел шепнуть капитану Беку, что это один из недоброжелателей, обвинявших пришельцев в колдовстве, эрл Вальтеоф. Бек сейчас же принял меры, приказав лейтенанту Кроуфорду лично смотреть, чтобы этот гость увидел как можно меньше внутри форта, и самое главное, не смог узнать ничего о системе охраны и укреплениях места проживания пришельцев.

После изучения мишеней король лично осмотрел одну из винтовок. Единственное, что его явно разочаровало — доклад полковника, что стрелять это чудесное оружие может только специальными припасами, изготовить которые пока нет никакой возможности.

На последовавшем за показом обеде король был неразговорчив и задумчив, почти не уделяя внимания блюдам, приготовленным норфолкским поваром по рецептам из будущего и с использованием остатков приправ, которые нашлись у солдат. Пару банок все же открыли, использовав для приготовления блюд парадного обеда. Но даже необычный вкус этого мяса (консервированной кенгуры австралийского приготовления) не отвлек короля от его дум. Видя такое состояние своего предводителя, сопровождающие его сановники вели себя не менее сдержанно. Поэтому пиршество, которое сэр Гораций планировал провести не быстрее, чем за два часа, закончилось намного раньше. Гарольд, явно спешивший закончить с едой, едва попробовав последнее из предложенных блюд, предложил Бошампу поговорить наедине.

— Сэр Хорэйс, мне сказали, что ты знаешь все о грядущей битве с норманнами. Но, передавая твои слова, братья и советники столь явно уклонялись от некоторых моих вопросов, что я понял о печальной участи, меня ждущей. Посему прошу тебя рассказать мне все, что тебе о битве у Гастингса известно, не скрывая ничего, печального или скверного, случившегося на сем поле. Все в Божьей воле, но нет судьбы predetermined, как я ведаю.

— Ваше Величество, прошу меня простить, если я вынужден буду рассказывать не слишком приятные вашему слуху вещи, — начал Бошамп. — Войска ваши должны будут столкнуться с французами на поле у Гастингса, на холме, называемом Сенлак. Вставшие стеной щитов войска норманны планируют обстрелять из луков, а потом атаковать... — Сегодняшний рассказ сэра Горация практически не отличался от рассказанного ранее Гирту,

добавились только обстоятельства гибели братьев короля и самого Гарольда. Услышав про попавшую в глаз стрелу, король помрачнел и перекрестился, но не сказал ни слова.

Тем временем, пытаясь остановить стремящегося пройти по лагерю Вальтеофа, лейтенант Кроуфорд прибег к последнему средству, достав несколько заветных фляжек с виски, конфискованных в свое время у их владельцев по распоряжению полковника, и предложил выпить 'вареного вина' за здоровье короля и английского войска. Естественно новое вино, предложенное взамен пившегося за столом обычного виноградного вина из Франции и простонародного пива, заинтересовало саксов больше, чем осмотр укреплений и домов. Лейтенант отдал фляжки бойцу, разливавшему до той поры вино, и тот аккуратно наполнил глиняные кружки.

— Это почему твой виночерпий наливает столь мало сего вина? — разозленный невозможностью выбраться из-за стола, эрл Вальтеоф решил, что его пытаются оскорбить, налив столь маленькую порцию.

— Но виски очень крепкое и пить его надо маленькими порциями, — попытался объяснить лейтенант.

— Ерунда. Это вам, пришельцам, может и нужно наливать маленькие порции, а мне требую налить нормальную.

— Простите, сэр, но... — начал лейтенант, хитро подмигнув сидящему напротив епископу.

— Сын мой, не перечьте благородному эрлу, — тут же поддержал игру хитроумный служитель церкви.

— Хорошо, — с видимой неохотой сдался лейтенант, — но я предупреждал. Опьянеете, сэр...

— Я? Да мне надо несколько бочек выпить, чтоб слегка в голове закружилось, — хвастливо ответил Вальтеоф. Ему тотчас долили в кружку еще и под дружные крики: 'За короля и английское войско! Боже, храни Англию!', все выпили. Крепость напитка поразила саксов, многие из которых срочно стали запивать его водой или пивом. Но хуже всего пришлось Вальтеофу. Проглотив одним глотком почти полкружки виски, он внезапно закашлялся, покраснел, шипя, — Отрава, — и начал лихорадочно перебирать руками по столу. Наконец, он схватил подsunутую кружку с вином, торопясь и шумно глотая, не обращая внимания на текущие по подбородку струйки, выпил ее всю. Слегка отдышавшись, он начал было подниматься из-за стола, гневно говоря при этом: — Ты, колдун, пытался меня отравить! Счас... ик... ить! Счас... ик...

— Прекрати, сын мой, ты же сам просил налить тебе более других, — попытался увещевать его архиепископ, но эрл лишь отмахнулся от него, продолжая попытки встать на почему-то плохо слушавшихся ногах. Багровое лицо с выделяющимися на нем еще более побагровевшими шрамами делало его похожим на какое-то сказочное чудовище, страшное и смешное одновременно. Неуклюжие движения, неспособность перебраться через скамью, заплетающаяся речь вызывали невольные улыбки на лицах сидящих за столом, к тому же быстро запьяневших от непривычного напитка саксов, перешедшие в насмешки, еще более разозлившие опьяневшего эрла. Однако действие смеси виски и вина сказалось на непривычном организме и вместо того, чтобы встать, Вальтеоф рухнул назад, прямо на руки подбежавших солдат и что-то пьяно пробормотав, затих, засыпая.

— Ох и крепко же ваше 'вареное вино', — заметил отвлекшийся от разговора, невозмутимый, словно ничего не произошло, король. — Первый раз вижу благородного Вальтеофа упившимся.

— Весьма крепко, Ваше Величество, — подтвердил, улыбаясь, сэр Гораций, получивший доклад от Реджинальда Бека еще до начала обеда. — Поэтому мы и рискнули его налить нашим гостям, чтобы недоброжелатели не испортили наш обед.

— Мудро, — согласился Гарольд, — но продолжайте далее, сэр Хорейс. Что произойдет после битвы? Иль не хотите вы рассказывать о сем?

— Увы, Ваше Величество, дальше идет печальная повесть о горе побежденных,

предательстве неверных и отчаянии верных. Не хотелось бы мне рассказывать вам о том, чего сейчас можно будет избежать благодаря нашему вмешательству.

— Во многих знаниях много печали, так сие. Но продолжай, ибо мне надо знать, как повели себя мои люди после... — Гарольд смешался, похоже, не зная, как сформулировать свое предложение до конца.

— После победы Вильгельма? — пришел ему на помощь сэр Гораций. — По разному, государь. Пытались выбрать королем Эдварда Этелинга, коль все ваши родственники погибли... — и он продолжил рассказ об истории английского королевства, стараясь не особо акцентировать внимание короля на поступках архиепископа Стиганда. Потом так же кратко он рассказал о дальнейшей истории мира вплоть до начала Первой Мировой войны. Но как ни краток был его рассказ, затянулся он почти на час, в течение которого остальные гости и хозяева терпеливо ждали, пока король удовлетворит свое любопытство.

Наконец, беседа закончилась, и задумчивый король приказал готовиться к обратной дороге.

— Жду твой отряд завтра на поле возле Саутуорка. Оттуда пойдем мы в поход на врагов наших и верю я, что с помощью Божией, победим, — громко объявил напоследок король и небольшой отряд отправился в путь, несмотря на надвигающуюся вечернюю тьму. Так и не очнувшегося до конца эрла Вальтеофа увезли в импровизированных носилках, закрепленных на двух лошадях. Из раскачивавшихся носилок временами доносилась отборная ругань, сменявшаяся икотой и отрывками песен, заставляя улыбаться всех присутствующих.

После отъезда короля, полковник приказал собрать всех офицеров, за исключением стоящих в карауле и наблюдающих за разборкой всего ненужного после встречи, в специально выгороженной части большого дома форта.

— Поздравляю, джентльмены. Его Величество определено на нашей стороне, хотя, как вы понимаете, будут и недовольные таким решением. Будем настороже, господа. Но самое главное для нас сейчас — победить в грядущей битве. Его Величеством даны некоторые обещания, которые могут быть реализованы только после победы. Поэтому готовимся к бою, джентльмены. Со мной отправятся сто семьдесят солдат и десять офицеров, а именно... — перечислил сэр Гораций, — а остальные остаются в форту под командованием капитана Бека в качестве резерва и охраны нашей основной базы. Мне удалось договориться, что оружейник Его Величества выделит нам несколько десятков кольчуг для защиты от стрел. В них оденем офицеров и взвод всадников, которые получают лошадей завтра. Командовать взводом назначаю лейтенанта Гастингса. Конникам отдаем все сабли. А также полученные от оружейника копья, если подойдут... Лейтенант Кроуфорд и вольноопределяющийся Томсен остаются в лагере. Их задача — создать сеть друзей-осведомителей из местного населения, которые могли бы ввести нас в курс местных интриг и новостей...

— Разрешите, господин полковник, сэр?

— Спрашивайте, лейтенант Янг.

— Сэр, а как же будем общаться с местными мы?

— Ну, во-первых, не такой уж это и сложный язык. Будем учиться, тем более что Томсен составил словарь основных слов и вражений... какие смог вспомнить. Во-вторых, с нами в поход идет лейтенант Роулинг, который нашел общий язык с датчанами и норвежцами, служащими в английском войске. Поэтому беспокоиться вам не о чем, лейтенант. Еще вопросы есть? Нет? Отлично. Прошу подготовить подчиненных. Учтите, что завтра поднимаемся рано, чтобы успеть на 'марсово поле' у Саутуорка. Так что по местам, джентльмены. С нами Бог!

Оглядывая отстраивающийся Йорк и стараясь не попадать ногами в строительный мусор и встречающиеся на пути лужи, два вельможи, если судить по их нарядам, шли по улице, переговариваясь между собой.

— ... гонца с ответом посылать не будем. Нечего нам и воинам нашим вмешиваться в сию войну. — говорил тот, что постарше, второй внимательно его слушал. — Никогда норманны не пойдут сюда, на север. Что им у нас делать? Разорены земли наши набегом норвежским, да и лежат за лесами и реками. Труден путь к нам, и не станет эрл французский рисковать войском своим. За глаза хватит ему добычи в саксонской части. К тому же здесь, в Данло много его соплеменников живет.

— А Гарольд?

— Ничего он делать не будет. Если бы не его женитьба на нашей сестре и не наша поддержка в Совете Мудрых, не видать бы ему престола королевства Английского.

— Знаю я сие, брат, но сомнение меня гложет. Не сочтет ли Годвинсон наше поведение изменой ему?

— Ничего он не сделает. Нет у него сторонников более могущественных, чем мы. Не поддержит его Совет Мудрых, коль решится он на борьбу с нами. Да и оправдание есть у нас — не успели мы войско собрать после набега.

Младший поморщился. Не нравилось ему вспоминать, как разбиты были они с братом на поле у Фулфорд, стыдно было за бегство. Но эрл Нортумбрии, его старший брат, воспринимал все происшедшее более философски — сегодня их, а завтра они. Жаль, конечно, что успели северяне пограбить его город, но зато после битвы у Стэмфорд-бриджа удалось поживиться добычей из лагеря самих норвежцев. А горожане отстроятся и снова разбогатеют, не впервой.

— Значит мыслишь ты, будем мы как прежде, сидеть и выжидать, чем кончиться дело это?

— Полагаю, сие будет самым умным для нас. Не станем вмешиваться в чужие дела. Лучше будем крепить свои войска, ведь угроза набега норвежцев не пропала совсем, да и датчане внушают мне опасения.

За разговором братья дошли до дворца, часть которого все еще была затянута лесами, а в другой, отремонтированной, ждал их и сопровождающую их свиту обед...

'Крайняя малочисленность сохранившихся после периода Смуты романских произведений со светской тематикой, в особенности же отражавших современные им исторические события, определяет историко-художественное значение так называемого ковра из Байе (XI в.), замечательного также по художественной технике. 'Ковер' или точнее — гобелен, по преданию заказанный вдовой герцога Вильгельма, Матильдой Фландрской англосаксонским вышивальщицам и переданный по обету в дар церкви в приморском городе Байе (епископом в котором был брат ее мужа Одо) и служивший ее украшением, представляет собой семидесятиметровую полосу ткани (при пятидесяти сантиметрах высоты) с вышитыми на ней цветными шерстяными нитями сценами войны Англии с Нормандским герцогством.

Повествование развертывается подробно и медлительно, сплошной лентой разнообразных сцен, где есть и приготовления к походу, и плавание к берегам Англии, и сражение при Гастингсе. Типичный линейно-плоскостной рисунок изображений изобилует условными, но выразительно и остро схваченными движениями и множеством исторически верных деталей (одежда, оружие, форма кораблей и т. д.). Раскраска фигур воинов и коней (среди которых есть розовые, зеленые, синие) придает всему ковра из Байе причудливый, наивно-сказочный характер. Но в целом цветовая гамма достаточно бедна и включает всего два оттенка голубого цвета, два — желтого, красный, розовый и зеленый

цвета. [...]

Примечательно что, несмотря на примитивность изображения, фигурки людей выполнены довольно реалистично. Можно достаточно уверенно отличить англичан от норманнов. При этом заметно наличие среди англичан по иному одетых воинов во вполне современно выглядящих головных уборах (внешне похожих на мавританские тюрбаны поверх шлемов, которые некоторые недостаточно разбирающиеся в реалиях того времени исследователи считают аналогом современных фуражек) с несколько условно изображенными арбалетами двух разновидностей. Историческое предание связывает этих солдат с легендарным Норфолкским батальоном сэра Хорейса Бошема.[...]'

П. Зюмтор. 'История герцога Вильгельма и его времени'.

Глава VII

В небе на битву сходились орлы

*Рассвет будил грядущих вдов тревожной нотой.
Змея ползла среди холмов, змея пехоты...*

Р. Киплинг

На следующее утро колонна сэндригемцев, в хвосте которой протестующее скрипели две телеги, запряженные, в отличие от 'современных англосаксонских обычаев', лошадьми, а не быками, перешла Темзу по мосту у деревушки Уолтон-Уэйбридж. Выбравшись на дорогу,

ведущую к Саутуорку, небольшому поселку по правому берегу Темзы, к двадцатому веку давно вошедшему в черту Лондона, норфолкцы прибавили шагу, стремясь побыстрее прибыть к месту сбора.

Огромное вытопанное поле неподалеку от поселка, когда к нему приблизилась батальонная колонна, напоминало скорее закончившую работу ярмарку или готовящийся к перекочевке цыганский табор, чем воинский лагерь. Десятки и сотни тэнов, кэрлов и невооруженных слуг хаотично на первый взгляд перемещались по огромному вытопанному тысячами ног полю, сворачивая палатки и тенты, перегоняя и седлая лошадей, разыскивая кого-то или как будто от кого-то прячась. Стоял невероятный шум и гам, в крики воинов вплетались грохот падающих жердей, жуткий скрип телег, ржанье лошадей и рев быков. Мелкая, как пудра, пыль, взмывающая в воздух из-под ног людей и животных и тут же ложающаяся обратно, покрывая грязными разводами потные лица. Мухи, летающие стаями, назойливо садящиеся на людей, жалящие их и животных, убиваемые сотнями и сменяемые следующими тысячами, дополняли эту картину.

— Вот так выглядит сбор современных ныне нам войск на войну, джентльмены, — поучающе отметил сэр Гораций идущим рядом офицерам. — Я знаю нескольких преподавателей в Сандхерсте, которые отдали бы все свои богатства, а то и правую руку, чтобы лично увидеть такое зрелище.

— А я бы отдал ее, чтобы никогда этого не видеть, — негромко прошептал себе под нос лейтенант Янг, сморщив нос от донесенного ветром из окружающих поле кустов запаха. До офицеров донесся дружный смех и подначки впереди идущих солдат, накрытых тем же порывом ветра, ароматом напоминающего о неубранном скотном дворе.

— Что Джонни сморщился? Не видишь чтоле, что здесь военный люд собран.

— Да уж. Когда столько военных в одном месте, без вони не обойтись.

— Ну, военный люд так уж устроен, что поесть любит. А поевши — срёть где попало и воняет...

Разговоры солдат прервала команда сержанта, заметившего, что их слушают офицеры:

— Молчать! Подтянись! Держи ногу! Идете, как толпа шпаков!

Не успела колонна приблизиться к месту сбора английского войска, как навстречу ей вышел уже знакомый майордом и предложил свернуть на соседнюю поляну. Там стояло несколько телег, на которые возвышались сваленные грудой кольчуги и шлемы, связки недлинных копий и несколько десятков щитов и насаженных на длинные древки боевых топоров. У дальней границы поляны отряд дожидались несколько конюхов, явно сопровождавших привязанных к деревьям коней. Полдесятка, довольно рослых, отнюдь не похожих на обычных саксонских лошадок, жеребцов. Один, особо выделявшийся своими статьями, был привязан чуть в стороне. Он нервно косил взглядом на остальных и недовольно ржал.

— Король Гарольд дарит вам сие оружие и коней. Жеребец из Андалузии по кличке Аглаека есмь личный подарок Сэру Хорейсу от короля, — торжественно объявил майордом.

— Передайте мою благодарность Его Величеству за оказанную им высокую честь, — со столь же торжественным видом ответил полковник Бошамп.

— Передам всенепременно, благородный тэн, — поклонился майордом и добавил. — Государь приказал вам подготовиться смотру и, коль будете готовы, присоединиться к войску на поле. Место, где встанет отряд ваш, укажет мой слуга. Дозвольте же мне сей час покинуть вас и поспешить с вестью о вашем прибытии к господину моему.

— Конечно, ступайте. Мы будем готовы, — сэр Гораций, отпустив майордома, занялся приведением своего отряда в готовность к 'Высочайшему смотру перед походом'.

Пока норфолкцы разбирали и примеряли кольчуги и прочее военное снаряжение, переседлывали доставшихся коней и делали на них пробные проезды по поляне, на поле король английский Гарольд проводил смотр собранных войск.

Собравшиеся войска собирались по шайрам и 'сотням', выстраиваясь на поле по раз и навсегда заведенному порядку. Первой, на почетном правом фланге стояла личная дружина

короля. Ровная стена однообразных щитов, современного каплевидного типа, впереди и более-менее разнообразные щиты сзади, украшенные изображениями драконов и фантастических птиц, блестящие шлемы и кольчуги, знаменитые англо-саксонские топоры и, изредка, копья и дротики — строй хускарлов выглядел внушительно. Хускарлы, молодые и ветераны в одном строю, выделялись среди прочего войска дорогими, с украшениями, блестящими на солнце, ножами и рукоятками мечей. Обычай, введенный еще первым датским королем Англии, требовал, чтобы претендент на вступление в королевскую дружину имел дорогой меч. Это противоречило ранним традициям, по которым вступающему в дружину воину именно вождь дарил меч, но зато позволяло снизить расходы на вооружение королевского войска. Ведь иметь такой меч мог либо очень богатый человек, либо отличный воин, захвативший его в качестве трофея. К тому же, имея такой меч, претендент уж точно имел кольчугу, щит и шлем. Король лишь бегло осмотрел строй своих воинов, не задерживаясь и не задавая никаких вопросов. Состояние своей дружины он знал, пожалуй, не хуже командиров, вплоть до самого последнего воина.

Следующий отряд, личная дружина брата, поразил Гарольда своим однообразным вооружением и неожиданно строгим строем, напомнившим королю о пришельцах из будущего. Стоящий впереди строя эрл, с необычным украшением на шлеме, виде далеко различимого черного султана, взмахнул мечом в воинском приветствии и тотчас весь отряд, как один человек, дружно ударил в щиты оголовками боевых топоров. Король, правой рукой удерживая рванувшего от неожиданности коня, махнул левой, подзывая к себе Гирта.

— Ты хорошо поработал, брат мой, — сказал Гарольд, еще раз оглядывая ровные шеренги воинов, по сравнению с которым даже строй его хускарлов выглядел более похожим на неорганизованную толпу.

— Да, Ваше Величество, мои воины старались превзойти науку войны, принесенную нам сэром Бошем. Как зришь ты, кое-что нам удалось постичь, — с гордостью ответил Гирт.

— Надобно не забыть наградить тех, кто обучал твою дружину, — заметил король, помрачнев от непривычного обращения, но сейчас же сменив выражение лица на благосклонное, — такой отряд и конных воинов на скаку остановит.

— Надеюсь, мы оправдаем твое доверие, Ваше Величество, — Гирт, казалось, не заметил реакции короля и продолжал по-прежнему называть его заимствованным у пришельцев выражением. Гарольд, не ответив, послал коня вперед. Столь же бегло осмотрев внешне похожую на предыдущую дружину второго брата, он опять придержал коня около стоявшими следом за ней отрядами уэссекского ополчения во главе с Вулфриком Бидевеном и Артом Рутеном. Конечно, они стояли не столь ровно и красиво, как отряды Гирта и Леофвайна, но стояли шеренгами и дисциплинированно копировали стойку 'смирно', упирая в землю рукояти топоров и древки копий, и забросив щиты за спину.

Король покачал головой. Похоже, новая манера воевать быстро распространяется в английском войске. Не проверяя подготовку этих отрядов, оказав этим высшую степень доверия к командовавшим им тэнами, король проследовал дальше. У следующего отряда свита задержалась дольше. Гарольд спешился и лично осмотрел экипировку одного из воинов, проверил лошадь другого, потом заводную лошадь третьего, а осмотрев — похвалил командовавшего отрядом ширрифа Колчестершира.

Смотр длился достаточно долго, чтобы батальон норфолкцев смог подготовиться и появиться перед англосаксами во всей красе...

Неожиданно по рядам войска пробежало множественное движение, король, заметивший его, оторвался от разговора с ширрифом, командовавшим очередным проверяемым отрядом и оглянулся. На поле, посверкивая кольчугами и старательно держа равнение, выезжал небольшой отряд конников в странных одеждах, без плащей и щитов. За ним, так же держа строй, появился отряд пехотинцев с торчащими над плечами блестящими стволами палок, которые, как знал Гарольд, называются ружьями. Заинтересованные воины саксов даже толкались, пытаясь рассмотреть внезапно появившееся новое войско, столь

отличающееся своим видом от остальных. Гарольд, отпустив ширрифа, вскочил на коня и двинулся к вновь прибывшему отряду, занимавшему отведенное ему место сразу за хускарлами. Подскакав к успевшим перестроиться норфолкцам, он поздоровался и воины других отрядов слышали необычный клич — приветствие, которым ответил отряд королю: 'Гип, Гип! Хурра!'. Гарольд недолго осматривал новый отряд, затем выехал вместе со свитой в центр поля, его майордом подал ему какую-то странную расширяющуюся трубу. Вот тут многие содрогнулись и закрестились, услышав колдовским образом усиленный голос короля, рассказывающего о вторжении нормандского герцога, собирающегося разорить королевство английское. Призвав всех доблестно сражаться, кроль объявил также, что Бог, не оставив своими милостями и храня Англию, прислал к ним в помощь отряд арбалетчиков, с чудесным оружием, побивающим любые доспехи.

— Посему, — закончил он, — наше дело правое. Бог с нами и никто не устоит против нас!

После речи войска в том же порядке, в каком стояли на поле, садились на коней. Вытягиваясь длинной, занимающей почти милю колонной, войска англичан неторопливо двинулись в поход на врага.

Три последующих дня войска двигались по тому, что здесь называлось дорогами к побережью в район города Гастингс. Двигалась армия, к удивлению английских офицеров, довольно быстро. Дисциплину марша, как отметил лейтенант Гастингс, заменял обычай, предписывающий расположение отрядов в общей колонне и время остановок на отдых. Отсутствие обоза, так же удивившее пришельцев из будущего, компенсировалось подвозом продовольствия местными жителями, заранее предупрежденными своими ширрифами.

Несколько раз по пути к ним примыкали отряды местного ополчения. Наиболее воинственно настроенным из них был отряд города Ромни, уже повоевавший с одним из отрядов норманн, высланным на фуражировку и победивший его. Бросив несколько десятков убитых, враги позорно бежали. Гарольд беседовал с предводителем ромнийцев, тэном Альфредом, высоким, могучего телосложения саксом, с лицом изборожденным шрамами. Тот подтвердил рассказанное до того главой пришельцев, что главную опасность представляют конные воины нормандцев. Они атакуют в конном строю, стараясь разрушить строй противника, забрасывая его копьями, а потом продолжают атаку с мечами в руках.

— Трудно пешему сражаться против соединенной вместе силы коня и человека, лишь высокое мужество и верная рука, оснащенная длинным топором или копьем, может помочь в тот час воину, — закончил свой рассказ тэн. Награжденный мечом из рук короля, он с гордостью покинул шатер. Пройдясь по маленькому помещению, как птица в клетке, Гарольд несколько мгновений обдумывал услышанное. Сидевший у полога Гирт и несколько находившихся в королевском шатре эрлов и тэнов молча наблюдали за ним.

— Брат мой Гирт, ты прав был, советуя поступить, как предлагает нам сэр Бошем, — наконец прервал затянувшееся молчание Гарольд. — Нам осталось идти лишь день пути до долины Певенси. Посему велю собрать сегодня совет для обсуждения действий наших.

Военный совет собрался быстро. Среди присутствующих, одетых в повседневные туники, выделялись своими нарядами двое — сэр Гораций, в полевом мундире с пришитыми к нему золотистыми погонами, и не успевший снять кольчугу Вулфрик, только что вернувшийся из разведки. Он, с разрешения короля, и заговорил первым.

— Государь, выполняя твою волю, своими глазами увидеть вражеское войско, я с моими воинами, домчался на конях до самого Андредсвелда. Сия деревня норманнами не занята, но отряд французов неподалеку от нее мы встретили и в бой с ними вступили. Брань крепкая была, но мы верх одержали. Одного из раненных французов мои воины захватили и допросили. Поведал он, что французы стоят по-прежнему укрепленным лагерем недалеко от Гастингса, нашего прихода дожидаясь. Окрестности же они по зорили и скоро у них голод начаться может, но герцог их продолжает на месте стоять.

— Позволь государь, молвить? — не выдержал эрл Аглаека. — Должно нам напасть на него, заставить выйти в поле и разбить. Разбили ж мы данов у Стэмфорд-бриджа.

Король только покачал головой и повернулся к Бошампу.

— Что скажет сэр Хорейс?

— Ваше Величество и вы, благородные эрлы и тэны. Герцог Нормандский отлично продумал войну с нами. Зная, что воины наши сильнее его в пешем бою, он специально не двигается с места, чтобы мы сами пришли к нему. Пришли уставшие после дороги и не способные долго сопротивляться. Будучи сильнее нас в коннице, он рассчитывает разбить нас *ее atakami* на равнине. По этой причине советую я не бить первыми, а занять оборону на холме, Сенлак называемом. Мы сразу оказываемся в более лучшем положении, чем враги. Им придется *atakovat'* нас снизу вверх, стреляя из неудобного положения. Обойти нас они не смогут, коль оба *flanga* нашего войска будут прикрыты лесами. Уйти, оставив нас на холме, норманны тоже не смогут, боясь что ударим мы им в *tyl*.

Как только сэр Гораций закончил, его дружно поддержали большинство из присутствующих.

— Так мыслил о грядущей битве и я, сэр Хорейс, — одобрительно подтвердил король. Затем, оглядев присутствующих, добавил:

— Быть посему. Но мыслю я, что Вильгельм, попробует всеж сначала уговорить нас отдать ему королевство наше миром. Посему гонца от него ждать надобно, не позднее, чем станем мы лагерем у Сенлака. — Гарольд не стал упоминать ни словом, ни жестом, что Бошамп рассказал ему об этом и уверенность его основана на знании будущего.

— Государь, брат мой, — тут же начал говорить Гирт, — а почему бы не встретить его за столом пиршественным? Чтоб видел посланец, что не боимся мы ни герцога его, ни войска французского. К тому ж, мыслю я, рассказ об изобилии припасов наших заставит Вильгельма в бой вступить из опасения, что запрем мы его в лагере, и с суши, и с моря, и голодом заморим.

— Мудро придумано, брат мой. Как считаете... джентльмены? — король использовал новое, только недавно появившееся слово, с которым в войске уже стали обращаться по примеру пришельцев, к эрлам и тэнам. — Все поддерживают мысль сию? Тогда повелеваю та к и сделать утром. Лагерем сразу у холма Сенлак станем, а охрану будут нести отряды тэнов Эдгеберта и Вулфрика, да хускарлы. Отряд же сэра Хорейса станет отдельно, чтобы посланец вражеский его видеть не мог. И еще, джентльмены, посланца Вильгельм выберет такого, кто язык наш знает. Посему повелеваю лишних слов никому не произносить и в разговоры с ним не вступать.

'Это точно' — подумал Бошамп, улыбаясь своим мыслям: 'сержант Уилмор и его люди присмотрят, чтобы он лишнего не узнал и ничего ненужного не увидел'.

Войска англичан поднялись с рассветом и, выслав вперед и в стороны сильные сторожевые отряды, двинулись неторопливо вперед, держа оружие наготове. Двигались неторопливо, часто отдыхая. Поэтому настала вторая половина дня, когда они дошли до холма Сенлак, у подножия которого и принялись разбивать лагерь. Ночь прошла спокойно, а на следующий день охранявшие лагерь хускарлы прислали гонца с вестью, что задержан посланец от герцога Нормандского, монах, говорящий по-латыни и назвавший себя Юоном Марго. Тотчас же слуги подготовили все для пира и встречи вражеского посланника.

Переговоры затянулись на половину дня, но, как и в истории, знакомой пришельцам из будущего, закончились ничем. Да и что мог предложить завоеватель англичанам? Сдаться без боя и стать рабами пришельцев? Эта доля несколько не привлекала гордых англосаксов. Поэтому, как только посланник удалился, военачальники англичан дружно отправились на место будущего сражения, чтобы до темноты разобраться, где и как размещать отряды войска.

На холме уже всю хозяйничали лейтенанты пришельцев. Под их руководством кэрлы и гебыры рыли узкий ров и ставили позади него легкий палисад — плетенку из ветвей для защиты от стрел и прикрытия боевого порядка саксов от наблюдения. Несколько десятков кэрлов и часть норфолкцев бродили по склону холма и перед ним, вытаптывая траву и срезая тростник, вырубая мешающий обзору кустарник на триста ярдов перед рвом.

Ночь прошла спокойно, часть саксов пировала, по обычаю, перед боем, но большинство, выполняя волю короля, подготовили оружие и легли спать, отдыхая перед завтрашним боем. Ближе к утру возвратились отправленные разведать, что творится у норманнов, воины Гирта.

Утром войско англичан поднялось и начало строиться на вершине холма. Холм Сенлак был действительно очень удобен для обороны. Не слишком высокий, он отличался плоской вершиной, на которой могло поместиться все английское войско. С обоих боков прикрытый густым лесом, защищавшим от обходных маневров противника, сзади он резко обрывался вниз, становясь непроходимым для конницы. Однако пехота могла вполне отойти, при необходимости, и по этим склонам. К тому же в центре позиции задний склон холма пересекала лощина, дававшая возможность отступить основной части войска сравнительно организованно. Передние склоны, сравнительно ровные и не очень крутые, манили противника соблазнительной возможностью атаковать, но атаковать вверх по склону, благодаря чему англичане имели преимущество. Более удачной позиции действительно нельзя было придумать. 'Недаром в известной мне истории англосаксы так долго сопротивлялись атакам нормандской конницы' — подумал сэр Гораций, еще раз осмотрев подготовленные к бою войска англичан.

Посланные вперед дозоры донесли, что норманны разрушают свой лагерь и готовятся идти навстречу английскому войску. Поэтому воины готовились к бою не спеша, стараясь сохранять силы к решающему моменту. Почти шесть тысяч воинов заняли вершину Сенлака, распределившись по отрядам. В центре, под королевским штандартом и драконом Уэссекса стояла большая часть королевских хускарлов и небольшой резерв норфолкцев. Еще несколько отрядов хускарлов были, по совету Бошампа, размещены между отрядами ополчения, для придания устойчивости и управляемости фронту англосаксов. Для управления боем всем командирам было доведено несколько простых сигналов, которые должны были флагами передавать стоящие вместе с королем сигнальщики.

Основная же часть норфолкских стрелков и пулеметчиков разместилась в вырытой перед строем войска узкой стрелковой траншее. Траншея, слегка изгибаясь, пересекала всю вершину холма, на флагах же были дополнительно отрыты несколько пулеметных гнезд, прикрытых такой же плетенкой, что и стоящий перед войском хлипкий палисад.

Еще одним отличием от известной Бошампу истории стал отряд конницы, оставленный в резерве. Набранные из свиты короля и отряда Вулфрика, а также из состава норфолкского батальона лучшие всадники должны были, при удаче, нанести последний удар по разбитым норманнам, не дав им организованно отступить и закрепиться на берегу моря.

Всё было подготовлено и теперь оставалось только молиться и ждать прихода врагов.

Под вечер Юон вернулся в Гастингс и, явившись к герцогу в его шатер, подробно отчитался обо всем, что произошло во время его встречи с Гарольдом Годвинсоном.

Вложив руки в широкие рукава своей сутаны, Юон рассказывал:

— Едва я пришел в лагерь саксов, монсеньор, как меня немедленно привели к Гарольду Годвинсону, который сидел за столом под открытым небом вместе со своими братьями Гиртом и Леофвайном, и обедал. Вокруг собрались его приближенные и самые знатные рыцари. Граф принял меня любезно и спросил, с какими новостями прибыл я к нему. Тогда я высказал, в чем состоит моя миссия, монсеньер. Я говорил по латыни и от вашего имени предложил отказаться от скипетра Англии в вашу пользу, как и клялся ранее узурпатор. Я также передал ему ваши предложения, о землях к северу от Хамбера, промолвив, что вы под его руку их передаете, и графство Эссекс, которым владел его отец Годвин — тоже. Пока я говорил, граф слушал меня с легкой улыбкой, но собравшиеся вокруг часто перебивали меня своими насмешками и оскорбительными для вашей чести словами, монсеньер, утверждая каждый раз, что Господь хранит Англию. Когда же я закончил ваши предложения излагать, то сидящие вокруг стола рыцари и сеньоры подняли свои кубки и закричали: 'За здоровье Гарольда!' — и пили из кубков, крича: 'Смерть норманнским собакам! Боже, храни Англию!'

И это повторялось не раз, монсеньор. Потом переговоры наши пошли дальше, и все остальные тесно столпились вокруг, ловя наше каждое слово, и рев стоял такой, словно исходил он из сотен, и сотен, и сотен глоток. Со всех сторон кричали: 'Смерть норманнам!', - но я, справедливость своей миссии сознавая, сохранял спокойствие и ждал, когда ж ответит граф.

Марго умолк.

— Ну, хорошо, а дальше что? — нетерпеливо спросил его Рауль де Тессон.

Монах откашлялся, прочищая горло:

— Пока все шумели, граф тихо и спокойно сидел во главе стола, чуть запрокинув голову и глядя не на своих приближенных, а на меня. Неподалеку же от него сидел спокойно рыцарь, совсем на сакса не похожий. Одет он в странную, обтягивающую тело, камизу болотного цвета, украшенную пришитыми к ней короткими, сверкающими золотом, наплечниками, а также странными золотистыми подвесками. Он смотрел на меня с усмешкой. Потом руку Гарольд поднял — и крики прекратились тотчас. Тогда сказал мне граф: 'Вот и ответ тебе и твоему господину, монах'.

Марго снова замолчал и отпил из поднесенного слугой кубка славного вина, что с берегов Гаронны. Коннетабль встал и медленно подошел ко входу в шатер, осматривая сквозь сгущающуюся темноту воинов и слуг, занятых своими делами во дворе лагеря.

Юон перевел дух и продолжил:

— Я к графу снова обратился, призывая его благоразумным быть и вспомнить, что клялся он на Святых мощах вас поддержать, монсеньор. В ответ на это опять поднялся шум. Кричали все, кто услышал и мои слова понял, кроме того странного рыцаря и графа. Во взглядах их была угроза, да грозились они и вслух. Я не внимал сему, вручив судьбу свою Господу, и продолжал увещевать Гарольда. А тот сидел молча, в лицо мне глядя, но будто не видя меня. Потом он молвил — так, чтобы все могли слышать его. Сказал тогда граф, что скорее погибнет, чем отдаст свою страну чужеземцам. Его, напомнил он, к клятве принудили силой и теперь она ничем его не обязывает. И еще велел он предать мне вам, что никогда не сдастся и, пока в груди его бьется сердце, сделает все возможное, чтоб путь вам преградить, в чем надеется и верит на помощь Божью. Ответом на слова сии раздались одобрительные возгласы. Саксы подняли вверх свои мечи и топоры, и все, как один, вскричали: 'Долой, долой' — это их воинственный клич, монсеньор. Я ж выждал снова, пока уляжется шум, а сам тем временем следил за рыцарями саксов — танами. Мне показались они воинственными, эти горячие упрямые бородачи с косматыми головами и длинными усами. И снова внимание мое привлек тот рыцарь, о котором я помянул ранее. Он выделялся спокойствием и короткой стрижкой головы. Он тоже рассматривал меня и показалось мне, что смотрит он, как на редкую диковину или гада чудесного, пред его глазами появившегося. Такой взгляд был у него, монсеньор. И одежды его отличались от коротких туник варварского вида, надетых на остальных рыцарях, и руки его были закрыты сшитыми тщательно рукавами камизы, отличая его соседей, у которых из туник торчали их волосатые руки. И вид его — такой спокойный, отличный от воинственного вида его соседей, почему-то напугал меня, монсеньор. А остальные рыцари кричали, неумеренно прикладывались к кубкам и тут же заедали все это обильной пищей, многие раскраснелись от обильных возлияний, но крепко сжимали мечей рукояти. Народ сей показался мне диким, необузданным и варварским, но воинственным. Вооружены они мечами и огромными боевыми топорами. А шлемы у них из дерева и бронзы, и доспехи были не на всех рыцарях. Но осмотр мой прервал Гарольд, дав знак окружающим замолчать, и я снова продолжить смог свою речь. Будучи уверен, что собравшиеся ловят каждое мое слово, я поднял руку в направлении графа и произнес над ним анафему Святой церкви за клятвopепреступление его, сказав, что Святой Отец объявил сей его поступок святотатственным. Никто свой голос поднять против меня не осмелился после этих слов. Лишь рыцарь, о котором поведал я ранее, улыбался, как сам Сатана. Граф же вцепился пальцами в подлокотник кресла и побледнел. Я своими очами видел, как побелели костяшки его пальцев. Он сидел, не

двигаясь и не глядя мне в глаза. Однако окружающие его люди встревожились, многие осеняли себя крестным знамением и со страхом поглядывали на своего предводителя и того рыцаря. Но тут со своего места встал брат короля, Гирт Годвинсон, и полагая, что не знаю я их языка, громогласно обратился к рыцарям на саксонском, говоря: 'Братья и соотечественники! Если бы эрл Нормандский не боялся наших мечей и топоров, он не пытался бы притупить их папским проклятием. Если бы он верил в свое войско, то не стал бы нам надоедать, подсылая гонцов своих. Святой Отец такой же человек, как и мы, хотя и осененный Божьей благодатью, но так же ошибающийся. Бог на нашей стороне, что доказал нам чудом своим, прислав на помощь отряд отборных стрелков. Вдумайтесь же, тэны, стал бы Вильгельм предлагать нам земли к северу от Хамбера, если б последствий своей затеи безрассудной не боялся? Стал бы он в разговоры с нами вступать, если б в правоте дела уверенность имел? Нас его хитрость не прельстит, знаем мы, что он обещал своему войску. А обещал он тем, кто последует за ним, ваши земли, ваши дома. Истинно молвлю — ни одной пяди земли не оставит он вам и детям вашим! Так что выберем мы: выпрашивать хлеба кусок в изгнании, как трусы, или за свою свободу и землю биться с оружием в руках? Ответьте мне!' И тогда, словами его одушевленные, равно и видом бесстрашным, рыцари снова издали свой воинственный клич и дружно подхватили: 'Победим или умрем!' Гирт же обернулся к графу Гарольду и молвил ему: 'Брат мой, ты не можешь отрицать, что клятва твоя Вильгельму на Святых мощах — по доброй воле иль по принуждению, хоть ничего не значит, но дана пред Богом. И хотя видно благожелательное отношение Божье к земле нашей, зачем тебе брать на свою душу грех лишний — войны из-за клятвопреступления? Ни я, ни брат твой Леофвайн ни в чем не клялись. Для нас это просто война, потому как за землю родную страдаем мы. Так пусти нас сразиться с этими норманнами. Если ж нам повезет, ты нам поможешь, если погибнем — отмстишь за нас'.

— И что ответил Гарольд? — спросил Гильом монаха, который вновь умолк, чтоб дух перевести.

— Монсеньер, он встал с кресла, за плечи Гирта обнял и молвил дружески и задушевно: 'Нет, брат мой. Мне ль страшиться самому сразиться с врагом? Да ежели даже я погибну в битве нераскаянным грешником, лишь я поведу своих людей, и штандарт мой будет развеваться над их головами — и более ничей. Не унывайте! Бог и Правда на нашей стороне, мы победим и прогоним захватчиков с земель наших. Кто пойдет за Гарольдом? Пусть каждый выскажет волю свою!' И тут Эдгар, сакс, которого вы в заложниках держали, монсеньер, вскочил на скамью и вскричал: 'Последуем за Гарольдом! Мечи наголо, саксы!'

Рауль де Тессон, бывший в свое время другом Эдгара-заложника, вздрогнул и уставился в лицо Юона Марго. Монах между тем продолжил свой рассказ:

— Они выхватили свои мечи из ножен и размахивали ими, крича громогласно: 'Пойдем за Гарольдом, нашим истинным королем!' Потом Гарольд, как помстилось мне, тронутый этим проявлением чувств его людей, выпустил своего брата из объятий и меня поближе подозвал. Обратившись на хорошей латыни, он велел мне идти и сказать вам, монсеньер, что в битве с вами встретится обязательно, и да будет на все Божья воля. После этого я отправился обратно в путь, задержавшись только, чтобы с несколькими монахами, что из аббатства Уолтхэм, перемолвится. Монсеньер, отряды Эдвина и Моркера еще не подошли к войску Гарольда, но слухи ходят, что Бог, храня Англию, прислал Гарольду в помощь отряд арбалетчиков с оружием сказочным, на несколько сот ярдов громовыми стрелами бьющим.

— Отряд? И велик ли он? Громовые стрелы? Не пустые ли слухи, принес ты нам, монах? — грозно спросил герцог, нахмурясь.

— Не знаю, монсеньер, пусты сии слухи или полны, но так говорят в народе и монахи мне это передали. А отряд велик, не меньше трех сотен воинов, все в великолепных одинаковых одеждах, с оружием из стали.

Юон умолк и поклонился. Настала тишина. Первым нарушил ее де Тессон:

— Хе, монсеньер, три сотни арбалетчиков, пусть даже с мощными арбалетами, каковые, я слышал, у руссов и византийцев встречаются, не слишком английское войско

усилят. У нас стрелков все равно больше, к тому ж кроме арбалетчиков и лучники многочисленные есть, и пращники, и метатели дротиков, как нормандские, так и бретонские. Не сомневаюсь, монсеньор, что подавим мы их стрельбу, — заметил коннетабль, обернувшись и глядя на помрачневшего герцога.

— Знаю, знаю мой верный Рауль, что превосходим мы в этом англичан. Но слухи эти мне не нравятся. Не вздумал ли Гарольд весь народ против нас настроить?

— Народ? Быдло есть быдло, монсеньор, и нашим доблестным рыцарям оно противустать не может, какую бы толпу не поднял против нас наш противник, — граф Фергон Бретонский пренебрежительным жестом отмахнулся слова Гильома.

И вновь настала тишина, прерванная словами герцога:

— Быть посему: мы выступаем на рассвете.

Норманны провели большую часть ночи, исповедуясь в грехах, получая причастие и готовясь к битве. Священники исповедовали грешников до самого утра. Весь лагерь охватила предбоевая сумятица, которая улеглась лишь, когда луна высоко поднялась в небе. Люди уснули где попало, часто прямо на земле, закутавшись в плащи и свернувшись калачиком. Взад-вперед расхаживали часовые, на шлемах которых отражался блеск звезд, прислушиваясь к вою стай волков, бродивших вокруг лагеря в поисках объедков, выбрасываемых в мусорные кучи.

В начале ночи возникла сумятица, когда часовой, стоявший ближе всех к берегу, заметил двух лазутчиков, пытавшихся подобраться к лагерю. Отряд под командованием Фиц-Осберна, неожиданно для саксов выбравшийся из лагеря, настиг пытавшихся убежать шпионов и схватил их. Приведенные к герцогу, они злобно смотрели на окружающих, явно готовясь к смерти. Но Гильом лишь рассмеялся и приказал их развязать, а затем угостить вином. А потом он лично провел их по лагерю, после чего отправил восвояси, чтобы рассказали они своему господину, какой порядок и дисциплина царят у нормандцев и сколь грозно их войско.

Одо, епископ из Байе, брат герцога, преспокойно улегся спать в своем шелковом шатре, повесив позади себя на кол свою кольчугу и положив рядом булаву, чтобы она была у него на всякий случай под рукой.

Герцог же оставался на ногах до полуночи, совещаясь с баронами, а потом лег на свое ложе и вскоре задремал, в полусне думая о том, чем сейчас занят его противник. Готовится к битве, исповедует или по древнему саксонскому обычаю пирует перед битвой? Вскоре Гильом забылся беспокойным сном, терзаемый кошмарными снами, в которых его настигала непонятная сила, и чей-то голос вопрошал, зачем он с бою пытается взять то, что по праву принадлежит другому.

На рассвете, после мессы, герцог велел снести частокол и башни лагеря, и повел свое войско тремя отрядами по дороге, которая тянулась к холму, именуемому Тэлхэм, а через этот холм — к окраине Андредсвелда.

Первый отряд, состоявший в основном из французов Иль-де-Франса, фламандцев и воинов из Пикардии, возглавляли граф Эстас Булонский и сенешаль Фиц-Осборн. Этот отряд должен был стать на правом фланге войска и шел по дороге первым. В этом отряде были и тысяча нормандцев, возглавляемых юным Робером де Бомоном. Это было первое его ратное дело и он гордо гарцевал на лошади, стремясь показать всем, что готов достойно выдержать это испытание.

Второй отряд, из одних нормандских всадников, возглавлял сам герцог. Восседавший на мощном арабском боевом коне, присланном ему из Арагона, Гильом ехал в одной кожаной накидке с нашитыми на нее стальными кольцами. Просторные рукава с разрезами спускались чуть ниже локтей, а сама накидка, тоже с разрезами на подоле со спины и с боков, доходила почти до колен, нисколько не стесняя движений герцога. Кольчугу, меч и шлем герцога вез Роберт, а сам Гильом был вооружен только булавой, свисавшей с луки седла, и держал в руках полководческий жезл. Рядом с герцогом ехал епископ из Кутанса. Он был в своем пастырском облачении, с епископским посохом в руке. Тут же верхом на коне,

рядом со своим братом — герцогом был и епископ Одо, в белой сутане поверх кольчуги, вооруженный булавой, ибо его духовное звание не позволяло ему проливать кровь. Рядом с ним ехал, высоко держа полученный от Папы штандарт, ранее неизвестный рыцарь — Тустен Фиц-Рой Ле Блан, чрезвычайно гордый порученной ему задачей. Герцог предлагал доверить несение штандарта одному из знаменитых и блистательных сеньоров, Раулю Коншскому или Готье Жиффару, но они с благодарностью отклонили столь высокую честь, предпочтя ей опасности битвы. Рядом со знаменем ехал и коннетабль, Рауль де Тессон. Граф Мортен вместе с Неелом Сен-Совером по прозвищу Шеф-де-Фокон, одним из знаменитейших рыцарей Нормандии, также находились в этом отряде, возглавляя ратников из Контантена. Оруженосец вез впереди него прикрепленное к кончику копья знамя Сен-Мишеля. Сразу за ними ехал Ральф де Монтгомери во главе многочисленного отряда из Белема и рядом с ним держались ветераны-нормандцы Жиффар и Гурней. А впереди нормандского отряда ехал знаменитый скальд Тайлимфер, на скаку жонглируя своим мечом, и, для поднятия духа воинов, во весь голос скандируя-распевая 'Песнь о Роланде':

— Во весь опор несется Карл Великий,
Поверх брони висит брада седая,
Вокруг него французские дружины
Несутся вскачь...

Третий отряд, который должен был занять левый фланг, вели за собой графы Ален Фергон и Айме Тур. В этом отряде собраны были бретонцы и люди из Мэна, Анжу и Пуату, а также немецкие добровольцы и наемники с берегов Рейна.

Герцог Нормандский, решив атаковать Гарольда на его позициях, собрал для боя все свои силы. Он поставил на карту все, понимая, что это его единственный шанс. Всего в войске было почти семь тысяч человек, в том числе не менее тысячи двухсот всадников, на шесть сотен больше лучников, метателей дротиков и арбалетчиков, и почти три тысячи одоспешенной пехоты — спешенных рыцарей, сержантов и вавассоров. Никто из ратников еще не облачился в полный доспех, чтобы тяжесть снаряжения не затрудняла движение войска в недалгом, но трудном пути. Дорога шла над подножием холма, ниже которого раскинулось болото Певенси, чьи испарения стесняли дыхание людей. Бряцало оружие, ржали кони, разнообразные вымпелы и знамена развевались над движущимися вперед отрядами. Когда солнце поднялось и стало припекать, все изрядно вспотели, а длинная линия копий блестела в его лучах, словно стальная змея, извивающаяся вдоль дороги. Запахи человеческого и конского пота, болотных испарений и раздавливаемого ногами и копытами навоза сливались в одну непередаваемую никакими словами атмосферу. Сильно досаждали налетевшие со всей окрестности на запахи злые осенние мухи.

Из-за деревьев не было видно английского войска, и Гильом послал вперед разведчиков, чтобы убедиться, что противник на месте. Разведчики не вернулись, и герцог приказал выдвинуть вперед отряд легконогих и подвижных лучников из Пуату, а остальному войску — следовать за ними в готовности к бою.

Оружие и снаряжение англичан. Оружие и снаряжение англо-саксонского воина, в силу некоторой отсталости английского королевства накануне битвы при Гастингсе от Нормандии, было в общей массе намного хуже нормандского. Прежде всего это касалось защитного снаряжения.

Наиболее распространенным и обязательным предметом защитного снаряжения был щит. Традиционный германский щит круглой формы из досок (обычно липовых), обтянутых бычьей кожей, имел диаметр пятьдесят — восемьдесят сантиметров. [...] В XI веке получил некоторое распространение позаимствованный у нормандцев вытянутый каплевидный щит. Созданный первоначально для защиты всадника, он быстро стал популярным и у пеших воинов. [...] Несколько ограничивая подвижность, он, за счет своей формы, обеспечивал лучшую защиту. [...]

Следующим по значимости видом защитного снаряжения была кольчуга. Кольчуга традиционного скандинавского плетения обычно имела короткие рукава и подол до середины бедра. Она надевалась на поддоспешник, кожаный или из нескольких слоев плотной ткани, предохранявший от острых заклепок и смягчавший удар. [...] Хускарлы обычно имели более современный доспех в виде кольчуги с полными рукавами, иногда и с кольчатыми рукавицами, воротником и капюшоном. [...].

Защиту головы обеспечивал шлем. [...].

В целом кольчуги и шлемы имели не более четверти англо-саксонских воинов, преимущественно хускарлы и знатные тэны.

Традиционное вооружение англо-саксонских воинов включало копье, дротики, боевой топор и скрамасакс. [...] Широкому распространению дротиков способствовало то, что они были намного проще в изготовлении и дешевле луков, кроме того, умение метать дротики не требовало длительного обучения с постоянными тренировками.

Гораздо меньшее распространение получили луки. [...].

Распространены были два вида боевых топоров. Во-первых, это общепринятый в Северной Европе топор с узким клинком, удобный для работы одной рукой. Он подходил для рукопашной схватки, но кроме того, при необходимости, его можно было метнуть на короткую дистанцию. Во-вторых, широко использовался мощный двуручный топор на длинном топорнице. Удар, удачно нанесенный таким топором, разваливал щит противника, поэтому такие топоры были незаменимы в атаке. Недостаток этого оружия заключался в необходимости держать его двумя руками, не имея возможности парировать удары врага щитом. Поэтому чаще всего воины с такими топорами (обычно тэны и хускарлы), сражались парами, при этом соратник со щитом прикрывал напарника от ударов. [...].

Непременным оружием хускарала и тэна был меч каролинского типа. Это было в основном рубящее оружие, происходящее от римской спаты, с клинком из качественной стали длиной восемьдесят — девяносто сантиметров. Рукоять меча обтягивалась кожей или обматывалась тонкой металлической проволокой. Поскольку меч был не только боевым, но и статусным оружием, его рукоять и ножны несли богатые украшения. Зачастую мечу давали собственное имя, которое гравировалось на клинке. [...] Для изготовления такого оружия требовались месяцы и годы работы, стоил он очень дорого и потом умелчи имело не более половины воинов фирда.

Гораздо более доступным оружием был скрамасакс — традиционный германский тяжелый тесак. Это был в первую очередь хозяйственный инструмент, широко распространенный в народе. Его же в качестве запасного оружия часто носили и тэны и хускарлы. [...] Длинной от сорока до девяноста сантиметров, клинок имел одностороннюю заточку и массивный обух. Носили его в подвешенных горизонтально к поясу кожаных ножнах таким образом, чтобы можно было быстро выхватить в случае необходимости. [...].

П. Зюмтор. 'История герцога Вильгельма и его времени'.

'Арбалет' (англ. arbalest, лат. arcaballista из 'arcus' — дуга, лук, и 'ballisto' — бросать) — вид метательного холодного оружия, механический лук. Арбалет, как правило, превосходит обычный лук по точности стрельбы и убойной силе, но, часто сильно проигрывал по скорострельности. Для стрельбы из арбалета используются болты — особые арбалетные стрелы, которые обычно были толще и короче лучных, и, иногда, пули (такой арбалет называется райфл или инепер). На войне использовались как ручные арбалеты, так и их увеличенные варианты, используемые как боевые машины. Такие гигантские арбалеты назывались баллистами и были довольно разнообразны по своему устройству.

Устройство.

Базовой частью арбалета является ложе, внутри которого крепится спусковой механизм. На верхней поверхности ложа находится направляющий паз для болтов, а на конце ложа устанавливались стремя и крестовина с закреплёнными на ней упругими элементами (плечами), которые обычно изготавливаются из стали, дерева или рога. Типичный спусковой механизм состоял из спускового рычага, ореха (шайбы с прорезью для хвостовика стрелы и с зацепом для тетивы) и фиксирующей пружины. Более короткое плечо спускового рычага упиралось в выступ ореха, пружина давила на длинное плечо и удерживала механизм во взведённом положении. Когда арбалетчик нажимал на спусковой рычаг, короткое плечо выходило из зацепления с орехом, который в свою очередь прокручивался вокруг оси под действием тетивы и высвобождал её из зацепа.

В зависимости от способа взведения тетивы средневековые арбалеты делились на три основных типа. У наиболее простого тетиву натягивали с помощью приставного железного рычага, называвшегося 'козья нога'. У более мощного арбалета тетиву натягивали зубчато-реечным механизмом. А самым мощным и дальнобойным стал арбалет, снабжённый блочным натяжным устройством и воротом с двумя рукоятками.

История применения.

Впервые арбалеты появились, по-видимому, в Сиракузах в V веке до нашей эры. [...] Таким образом, арбалеты имеют очень древнюю историю. Однако судьба этого изобретения оказалась очень непростой. Эти арбалеты, видимо, имели некоторое хождение в эллинистический период, но римлянам чем-то не понравились и вновь появились на сцене под именем 'манубалиста' только в период упадка Римской Империи. [...] Настоящий расцвет арбалета начался в конце XI — начале XII века. Это оружие первыми широко применили англо-саксы в битве при Гастингсе. Доказанное результатами этой битвы превосходство арбалета над простым луком в дальнобойности, точности стрельбы и удобству применения обусловило широкое распространение его с периода Смуты, в армиях нового строя.[...] На Руси арбалеты назывались самострелами. Причём распространённость их в средние века была довольно значительна — количество найденных наконечников к стрелам лука и арбалетным болтам относится как 1/20. То есть вооружение русского стрелка арбалетом было довольно обычным, хотя и не частым явлением. [...] Широкое распространение арбалеты получили при преемниках Владимира Мономаха. Вплоть до закрытия этого учреждения в XVII в [...] наряду с пушечным существовал и казённый арбалетный двор. [...]

Talbooth 'Encyclopedia Maxima mundi', vol. III, London, 1898 г.

Смерть сегодня будет сытой

*Мы не дрогнем в бою за Отчизну свою,
Нам родная страна дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
Победим, уничтожим врага.*

В. Лебедев-Кумач

Бог не на стороне больших батальонов, а на стороне лучших стрелков.

Вольтер.

Ветерок обдувал вершину холма, отгоняя надоедливых мух и неприятные запахи. Полковник передернул плечами. Хваленная датская кольчуга нисколько не облегала тело, как считали в его время историки, а довольно-таки ощутимо давила на плечи. Тело прело от поддоспешника и чесалось от пота. Сэр Гораций с удовольствием скинул бы все эту тяжесть, оставшись в привычном мундире и снаряжении, но рисковать ранением от случайной стрелы не хотелось. Он посмотрел на стоящего рядом лейтенанта Роулинга, спокойно выставившего прицел своей винтовки, не обращая внимания на одетый доспех. Как многие офицеры, получившие фронтовой опыт, лейтенант предпочитал идти в атаку не саблей и револьвером, а с более мощным оружием. Сэр Гораций вздохнул. Вот что значит — молодость. Насколько легче все переносится в юности. Бошамп опять посмотрел на противоположный холм.

— О, вот первые норманны. Скорее всего — разведчики. Передайте команду лучшим стрелкам — уничтожить, — приказал он Роулингу.

Появившиеся на склоне Тэлхэмского холма два норманнских разведчика еще не успели пройти и десятка шагов, как над долиной прогремел никогда прежде не звучавший на поле боя грохот, напомнивший усиленный звук рвущегося полотна, в который слились шесть прозвучавших одним залпом выстрелов. Оба разведчика упали — один сразу, а второй — успев развернуться и сделать шаг назад. По рядам саксов пробежала волна удивления и испуга, многие крестились, некоторые вспоминали молот Тора и копье Одина. Одно дело слушать рассказы о помощи божьей и невиданном громовом оружии, присланном им для спасения Англии, чем занимались всю дорогу специально проинструктированные монахи из Питерборо во главе с самим аббатом. Совсем другое — услышать необычный шум воочию, и увидеть, как падают, словно пораженные невидимыми молниями воины, сраженные колдовским образом на недоступном любому человеческому оружию расстоянии. Но постепенно все внимание саксов привлек появившийся из-за деревьев отряд лучников. Норманны обступили трупы, загородив их от взоров англичан, а затем осторожно двинулись по долине вперед, к построившемуся в боевой порядок английскому войску, причем пара из них, как успел заметить Бошамп, отправилась с донесением к основным силам норманнов.

Пока норманнские лучники осторожно и неторопливо продвигались по долине, внимательно разглядывая стоящий на вершине холма строй англосаксов, прикрытый рвом и частоколом, из-за деревьев, блестя на солнце остриями копий и кольчугами, словно рыба — чешуей, появились остальные отряды норманнского войска.

— Все так, как я вам говорил, Ваше Величество, — обратился к Гарольду полковник, — легкая пехота и лучники впереди, за ними вперемешку конница и одоспешенная тяжелая пехота.

— Я вижу, что ты молвил правду, благородный тэн Хорейс. Они действительно хотят расстрелять нашу 'стену щитов' и разбить ослабленное потерями войско атаками конных и пеших воинов. Отлично придумано, клянусь Вотаном, — и король покосился на стоящего

невдалеке аббата Леофвика, который вместе с дюжиной монахов из аббатства в Питерборо, отложив на время дубины и щиты, как раз в это время молил Господа о победе.

— Ничего, Ваше Величество, мы им сейчас покажем, насколько они ошибаются, — сэр Гораций сделал вид, что не обратил внимания на оговорку Гарольда. Впрочем, его уже охватывал боевой азарт и, рассматривая наступающую толпу, он прикидывал, как перераспределить огонь ружей и пулеметов, куда лучше всего ударить резерву при необходимости и где самое слабое место наступающих. Увиденное им грозное войско было, пожалуй, не страшнее племенного ополчения афридиев, несмотря на относительно лучшую дисциплину, и, если подумать, управление. Полковник припомнил, сколько битв выиграл Вильгельм, являвшийся одним из лучших полководцев этой эпохи, и кровожадно усмехнулся. Несмотря на происхождение от норманнских завоевателей, сэр Гораций был англичанином до мозга костей и мысль о победе над зарвавшимися предками 'лягушатников', которых он, несмотря на Антанту, недолюбливал, грела его душу.

Пока он размышлял, норманны неторопливо растекались по долине, не пересекая пока черту в триста ярдов, назначенную полковником, как рубеж открытия огня. Из-за этого, как отметил Бошамп, конница и пехота основных сил противника вынуждена была растянуться по склонам Тэлхэмского холма, что еще больше должно было затруднить ввод их в бой.

Командовавший отрядом пуатевенских лучников бакалавр Андрэ Фиц Макс с удивлением смотрел на лежащие перед ним трупы. Мертвые разведчики, два личных вавассора герцога, в акетонах и одетых поверх кольчугах, лежали перед сгрудившимися вокруг стрелками, с удивлением разглядывавшими неповрежденные доспехи, отсутствие каких-либо видимых глазом ран на одном, лежащем вверх лицом и громадную рану, словно вырванную лапой неведомого зверя, у второго. Особенно пугало выражение лица убитого, искаженное предсмертной мукой. Андрэ мысленно выругался, поняв, что еще немного, и он не только не сможет заставить своих бойцов тронуть убитых, но даже и не сдвинет отряд с места. Поэтому он подозвал десятника Хьюго и велел ему, прихватив с собой для верности еще одного воина, отправиться с донесением к герцогу. Остальным лучникам он приказал развернуться и, приготовившись к стрельбе, идти вперед. Но лишь когда отряд тронулся, он наконец понял, что же казалось ему неправильным в развернувшейся перед ним картине.

Андрэ еще раз осмотрел расположение войска англосаксов. Вдоль всей линии неприятельского войска тянулся вырытый ров. Выкопанную землю утрамбовали в виде дополнительной насыпи впереди и за рвом. В насыпи через определенные промежутки виднелись странные ямки, зачем-то оставленные англичанами. На задней насыпи, кроме того, стоял наспех сделанная плетеная стенка, похоже поставленная как защита от стрел. В центре строя противника развевался королевский штандарт с вышитым на нем воином, а рядом — значок в виде дракона, вокруг них располагались англосаксонские рыцари и воины. Склон холма и часть долины были очищены от кустарника и росшего в более болотистых местах камыша, вплоть до определенной, резко выделяющейся границы. Эта странность и бросилась ему в глаза, как теперь понял Андрэ.

— Гляньте, мессир, как прочно англы воткнули в землю свои значки, — сказал в этот момент, обращаясь к нему, сотник Одо, воевавший еще вместе с его отцом. — Когда отец мой сражался с королем Эдвардом под началом мессира Лонгвилля и короля Альфреда, у саксов все было так же. Ратники ихние со своими сеньорами встанут вокруг значков и ни туды, ни сюды. Хо, хо! Научим мы их новенькому, мессир. Не поможет им и их колдовство.

— Колдовство колдовством, Одо, а ты еще ничего не заметил впереди? Посмотри-ка, — и рыцарь показал сотнику замеченную им границу.

— Мессир, саксы на кой-то притоптали или скосили весь кустарник и камыш перед своим строем. Ради облегчения колдовства?

— А может им так легче напасть на нас, Одо? Нас видно хорошо будет, коль выйдем мы туда.

— Не-ет, мессир. Гляньте, как они укрепились. Не нападут они первыми, мессир,

клянусь святым Дунстаном. Не таковы их привычки, мессир.

— Мыслью все же, задумали они коварство какое-то. Поэтому не велю двигаться дальше, на утоптанную землю. Стой! Приготовиться к отражению нападения! Луки наизготовку!

Пока рыцарь Фиц Макс и его отряд выдвигались для разведки вперед, переживали и пытались понять случившееся, остальные воины норманнского войска, готовясь к бою, надевали доспехи и шлемы. Де Гранмениль, оруженосец герцога, подавая ему кольчугу, поторопился и она упала. Все видевшие это встревожено переглянулись. Опять плохая примета! Первый раз это случилось еще при высадке, когда Гильом, прыгнув с борта 'Моры' поскользнулся и упал. Тогда ему удалось рассеять тревогу окружающих. И вот теперь — второй случай. А тут еще Роберт, окончательно расстроившись, подал герцогу шлем обратной стороной, Гильом же заметил это, только пытаясь надеть его. Но и теперь герцог не потерял присутствия духа. Быстро развернув шлем, он, засмеявшись, прокричал:

— Это добрый знак! Мое герцогство обернется королевством, как оборачивается сей час шлемом на моей голове!

Наконец войско двинулось вперед, растекаясь по склонам холма и спускаясь в долину. Первыми шли стрелки, сразу за ними — спешенные рыцари, чьим коням не хватило места на кораблях, сержанты и вавассоры, выстраиваясь в боевом порядке. Рядом с ними неторопливо скакали конники, держа в руках копья и миндалевидные щиты. Бряцали оружие и доспехи, отсвечивали солнечными бликами оковки щитов, шлемы и кольчуги, трепетали на ветру покрытые разнообразными эмблемами и девизами вымпелы и знамена.

Наконец войска развернулись на равнине, причем передовые части инстинктивно остановились на границе очищенной от растительности земли. Казалось, всеми овладела нерешительность. Гильом окинул взглядом воинов, снова снял шлем и, выехав чуть вперед, обратился к войскам, ободряя их перед боем:

— Настал срок показать всю свою храбрость, мои воины. Сражаться — достойное дело для настоящих мужчин. Одержав победу, вы себя славой покроете и богатство добудете, а дрогнете в битве — погибнете иль будете владеть рабов существование у беспощадного врага, — голос герцога становился все громче и громче. — Нет нам пути назад! С одной стороны — неприятеля войско и враждебная страна, с другой — море и английские корабли отрежут нам путь к спасению! Негоже мужам бояться! Бейтесь так, чтобы ничто не заставило вас отступить — и близок тогда будет час, когда радость победы преисполнит ваши сердца! — Последние слова герцога дышали уверенностью. Рауль де Тессон, беспокойно прищипывая своего коня, подъехал к Гильому, надевавшему, с помощью Роберта, шлем:

— Монсеньор, мы слишком задержались здесь и войска теряют уверенность, — отрывисто и недовольно сказал коннетабль. — Идемте, вперед!

Через несколько мгновений прозвучал приказ и, понукаемые командирами, шеренги стрелков двинулись вперед, а за ними — и все войско.

Наконец норманны решились и их ряды двинулись вперед. В авангарде, держась на расстоянии пары локтей друг от друга, развернутым наподобие стрелковых цепей строем, быстрым шагом, держа оружие наготове, шли лучники, арбалетчики, метатели дротиков и пращники. Полковник бросил взгляд на Гарольда, внимательно рассматривавшего в бинокль надвигающееся войско. Тот, словно почувствовав его взгляд, оторвался от окуляров и в свою очередь, повернувшись к Бошампу, произнес исторические слова:

— Начинайте ваш 'огонь', сэр Хорейс.

Дождавшись, когда последние лучники пересекут границу трехсотярдовой зоны, специально очищенной от мешающей прицеливанию растительности, полковник командовал: — Огонь!

Зазвучали дублирующие команды лейтенантов и из бойниц в окопе — передовом рве высунулись винтовки и пулеметы. Еще несколько секунд и грохот первого залпа расколол

воздух над Сенлаком. За ним пророкотали несколько пулеметных очередей. Потом раздался еще один залп и на равнине перед холмом воцарился хаос.

Лучники, арбалетчики и остальные норманнские легковооруженные пехотинцы падали, как кегли под ударами шаров. Уцелевшие бросали оружие и устремлялись назад, врезаясь в шеренги идущей за ними тяжелой пехоты и конницы. Пытавшиеся остановить их рыцари отстреливались лучшими стрелками норфолкцев, методично уничтожавшими любого, начинавшего командовать и, конечно же, при этом активно размахивать руками и кричать. Кто-то из норманнов все же сохранил голову, не растерявшись в этом аду, и приказал отвести потрясенные случившимся войска. Отход сопровождался еще несколькими залпами норфолкцев, упавшими убитыми и ранеными норманнами, страшными криками умирающих и брошенных раненых.

В рядах англосаксов царило ликование. Уже не обращая внимания на грохот стрельбы, они кричали: 'Ut! — Долой!', и в восторге размахивали мечами и топорами, порываясь атаковать бежавших норманнов. Их порыв сдерживали только стоящие среди них отряды хускарлов и частокол, достаточно высокий, чтобы не дать его перескочить с налета. Все же несколько сотен наиболее нетерпеливых сумели перелезть через него и помчались по склону в атаку на отступающих врагов. Некоторые из них даже успели добежать и ударить в спину бегущим, поспешно расступаясь и раздающим в стороны пехотинцам. Первые зарубленные упали на землю, под ликующие крики саксов, но в этот момент земля дрогнула от ударов нескольких тысяч копыт.

В проходы между пехотинцами, а то и прямо сквозь не успевший расступиться строй своих воинов, топча и давя их без всякой жалости, устремились, горяча мощных боевых коней, отряды рыцарей, потрясая оружием. Выскочившие вперед кучки англосаксов были мгновенно заброшены копьями. Теперь на землю падали убитые саксы, часть из которых побежала назад. Остальные же, сплотив щиты, пытались сдержать атаку конницы. Большинство из обороняющихся были быстро затоптаны и вырублены. Но конники норманнов тоже понесли потери. Саксы сбивали воинов противника с лошади ударами длинных топоров и копий. Кое-где дело дошло и до скармасаксов. Поскакали в разные стороны раненые или потерявшие всадников лошади. Над полем боя кроме грохота выстрелов, воинственных криков саксов 'Долой!', поднялись, хватая за душу, душераздирающие крики тяжело раненых и умирающих людей и лошадей. Но слабое сопротивление небольших сил саксов никак не смогло задержать атаку нормандских рыцарей.

Лавина конницы мчалась вперед и вперед. Казалось, что на поле битвы нет ничего, способного ее удержать. Саксы невольно сплывали ряды, с уважением поглядывая на продолжавших спокойно стоять во рву-траншее, прильнув к прикладам винтовок и пулеметов, норфолкцев, на стоящих рядом с ними и подающих команды офицеров. Переходя на все более быструю рысь, не сдерживаемая даже необходимостью подниматься вверх по склону, конница через несколько мгновений должна была врезаться в строй англичан. Но вот всадники достигли рубежа в сто пятьдесят ярдов. Тотчас же раздался дружный залп. На этот раз огонь винтовок слился со стрекотом пулеметов 'Льюис'. На поле боя вновь воцарился филиал ада. Рыцари, в блестящих кольчугах, грозно мчащиеся, сотрясая землю, вперед на врага грозно потрясая оружием, внезапно вылетали из седел, как куклы, сбитые ударом мяча. Их кони, словно налетев на невидимую стену, падали, переворачивались через голову, валились на спину, давя и калеча всадников. Впрочем, большинству наездников было уже безразлично, что происходит с их расставшимся с душой телом. Но были и неудачники, заживо придавленные тушами убитых коней или попавшие под копыта продолжающих скакать живых. Одна из лошадей, явно раненная еще при первом столкновении с саксами, с рассеченным брюхом, волоча по земле вывалившиеся из него кишки, таща за собой застрявшее ногой в стремях и тяжело подсакивающее на кочках тело всадника, добежала почти до самого рва. Сержант Уолтер, заметив ее, прицелился и прекратил мучения несчастного животного, первым же выстрелом попав точно в голову.

Ободрившаяся было и устремившаяся вслед за конницей норманнская пехота сначала в ужасе застыла, а потом дружно развернулась на сто восемьдесят градусов и побежала, бросая оружие и щиты. Всадники, разворачиваясь, также пытались отступить. Но кавалерист, вместе с лошадью — большая и удобная мишень, лучшая, чем пригнувшийся, убегающий подобно зайцу пехотинец, поэтому продолжавшие песню смерти винтовки и пулеметы легко находили свои мишени.

Полковник спокойно смотрел на развернувшуюся перед ним картину и размышлял, не пора ли контратаковать, тем более что удерживать нетерпеливых саксов становилось все труднее и труднее. В этот момент он заметил группу всадников, один из которых, приподняв личину шлема, кажется, что-то кричал, пытаясь перекрыть грохот боя. Собравшиеся вокруг тоже дружно кричали, стараясь обратить на своего предводителя внимание. Эти крики, похоже, достигали своей цели. Завидевшие происходящее норманны, пешие и конные, устремлялись к этой группе. Почти одновременно с Горацием всадника увидел и Гарольд, и, вскричав: 'Вильгельм! Долой!', забыв обо всем, устремился вперед. Как назло, никто из командовавших в окопах лейтенантов не обращал внимания на эту сцену, занятый уничтожением очевидных, маячивших перед глазами, целей. За Гарольдом побежали и стоявшие рядом с ним хускарлы, а завидев это — рванули вперед остальные отряды саксов. Полковник оглянулся. Черт возьми, сейчас начнется такая бойня! Невозможно пешим, пусть не потрясенным потерями, но уже разрушившим строй саксам устоять против конных норманнов. К тому же, перемешавшись с врагами, они перекроют директрису стрельбы норфолкцам. 'Господи, Боже мой! Не хватало только потерять короля в практически бескровно выигранной битве!' — мелькнула в голове Бошампа мысль. В этот момент он наткнулся взглядом на стоявшего рядом лейтенанта Роулинга, по прежнему сжимавшего в руке винтовку.

— Роулинг! Правее ориентира два всадник! Уничтожить! — изо всех сил, стараясь перекрыть грохот битвы, скомандовал полковник, одновременно отмахнув рукой сигнал стоящему за гребнем холма со своими конниками Гастингсу. Слава Богу, Роулинг все же расслышал команду.

Раздался громкий выстрел, за ним практически мгновенно — второй. Тем более, что устройство затвора винтовки Ли-Энфильд и десятизарядный магазин позволяли вести огонь так быстро, что немцы в боях четырнадцатого года часто принимали его за пулеметный. Гарри Роулинг, до войны — член добровольческого стрелкового клуба Нориджа, стрелять любил и умел. Да и расстояние, всего не более трех сотен ярдов, было для него пустяковым. Так что он бил из винтовки не хуже, если не лучше, большинства кадровых военных, то уже второй пулей поразил всадника точно в голову, прямо под поднятую личину шлема. Позднее он признавался, что попадание было случайным, он-то целился в грудь, но все относили эти слова насчет его скромности.

Едва получивший пулю в голову рыцарь рухнул с лошади, как часть окружающих его норманнов, из тех, кто уцелел, начала разбегаться. Но несколько десятков самых приближенных или храбрых попытались спасти тело убитого. Двое из них спешили, причем один сразу упал, получив пулю из винтовки Роулинга прямо в грудь. Тогда спешили еще несколько, подхватывая тело и стремясь забросить его на лошадь. В это время уже все саксы, уронив частокол и перепрыгивая через ров над головами норфолкцев, устремились вперед, в погоню за деморализованными, бегущими с поля боя норманнами. В первых рядах, гневно крича что-то неразборчивое, бежал сам Гарольд Годвинсон, еще не подозревающий, что уже получил вошедшее в историю прозвище — Феликс.

Этот отряд столкнулся с не успевшими ни отступить, ни атаковать первыми норманнами. Вокруг тела убитого герцога, свалившегося с лошади, на которой его пытались увезти, разгорелась кровавая схватка. Шесть или семь норманнских всадников, оставшихся в седле, устремились вперед, на атакующих саксов. Двоих сбили пули норфолкских стрелков. Еще один, получив прямо в грудь брошенную одним из хускарлов булаву, вылетел из седла, как кегля от удара шара. Трое оставшихся стоптали конями нескольких бегущих хускарлов,

один из которых все же сумел ранить жеребца. Раненый конь, от боли встал свечой, поскользнулся на трупе и упал, сломав себе хребет и раздавив своего всадника. Один из оставшихся норманнов, сумел отбить удар и ранить одного хускарла, но второй достал его ударом меча, выбив из седла. На упавшего на землю рыцаря обрушились удары сразу нескольких дружинников. Оставшийся последним норманн пытался пробиться к Гаральду, но не успел даже достать кого-нибудь мечом, сбитый с лошади мощными ударами нескольких топоров. Один из ударивших попал в щит, топор скользнул и, продолжая движение, снес голову жеребцу.

Самопожертвование рыцарей не смогло спасти положение. Хускарлы и тэны в то же момент, когда был убит первый норманнский конник, настигли отступающую кучку врагов. Затрещали щиты под ударами, зазвенели мечи, упали первые убитые и раненные. Недолго продержался строй норманн против всё усиливающегося натиска саксов. Он развалился на отдельные сопротивляющиеся островки, быстро тающие, как льдины под напором горячей воды. Остальные же норманны бежали, уже не оказывая сопротивления, подгоняемые только стремлением остаться в живых.

Нагоняя бежавших, с вершины холма мчался импровизированный конный взвод лейтенанта Гастингса и несколько десятков саксов во главе с тэном Вулфриком. Впереди, на подаренном ему королем андалузском жеребце, скакал, размахивая саблей и крича от давно не испытываемого им восторга, на время вытеснившего рассудочное поведение профессионала, полковник сэр Горацій Бошамп, будущий эрл, с еще не прозвучавшим вслух прозвищем Миротворец.

Остальные норфолкцы, по команде офицеров прекратив огонь, выбирались из окопа, строясь в колонны к атаке и примыкая штыки к винтовкам. Несколько минут — и взводные колонны устремились вслед за преследующими убегающих норманнов англичанами. Лейтенанты, командовавшие взводами, отнюдь не спешили вперед. Обычным шагом колонны двинулись по полю битвы, выделяя людей для охраны захваченных пленных и раненых. Пытавшихся сопротивляться норманнских воинов добивали выстрелами и штыками.

Андрэ считал, что ему повезло. Едва он сделал несколько десятков шагов по этой проклятой очищенной от растительности равнине, как поскользнулся на торчащих корнях и упал. Падая, он расслышал странный оглушительный звук, похожий на усиленный звук рвущейся под сильным ветром парусины, и, не успев он встать, как рядом начали валиться пораженные неведомой силой его воины, убитые и раненые. Над головой рыцаря несколько раз прогудело нечто неведомое, невидимое, но явно опасное и он предпочел некоторое время отлежаться, раз уж так можно спастись от колдовства проклятых англоу.

Но просто лежать и ждать, когда тебя найдут и прикончат было бы сущей глупостью, и Андрэ осторожно приподнял голову, полагая, что колдуны вряд ли заметят его за несколькими валяющимися впереди трупами. Тем более, что один из упавших, в котором рыцарь узнал сотника Одо, все еще бился в агонии.

Внимательно посмотрев вперед, Андрэ увидел торчащие из рва в тех местах, где англами были оставлены ямки, отблескивающие металлом палки, на концах которых время от времени вспыхивал едва различимый в солнечном свете огонек, сопровождаемый уже звучавшим до того грохотом. 'Раны Господни! Это же бойницы, наподобие крепостных, только вырытые в земле вала!' — мелькнула в голове Андрэ несвоевременная мысль, но тут знакомо задрожала земля. До ушей рыцаря донесся слитый тысячекратно гул ударов копыт по земле, пронявший его до самой печени. 'Мне конец', — обреченно подумал де Мушкин. Побывав в нескольких сражениях, он уже давно не верил слышанным ранее рассказам, что лошадь боится наступать на упавшего человека. Может быть в спокойной обстановке лошадь так и поступает. Но в пылу сражения боевой конь скачет, не разбирая дороги, и топчет все, попадающееся на пути. Андрэ видел, что бывает с людьми, попавшими под копыта атакующего коню, и понимал, что он не успеет даже как следует прочесть молитву.

Все же он попытался хотя бы начать: — Pro nomine patris, — но тут раздался уже

знакомый грохот и, — *et fili, et spiritus sancti*. — Андрэ уже произносил под нескончаемый звук сопровождающий английское колдовство, ужасающие крики раненых и умирающих людей и лошадей, грохот падающего друг на друга железа, и ломающихся щитов и копий. Едва он вытолкнул помертвевшими губами завершающее. — *Amen*, — как, чуть не раздавив его, в шаг от головы промчался и тут же рухнул рыцарь на гнедом жеребце. Слава Богу, конь упал на бок спиной к Фиц Макс, так что копыта еще дергающихся в агонии ног не задели Андрэ. Моментально сообразив, что судьба дает ему еще один шанс, бакалавр, опустив голову, чтобы не выдать себя англичанам, пополз как ящерица, прямо к лошади. Только уперевшись шлемом в седло, он облегченно вздохнул и перевернулся на спину, прислонившись к лошадиному труп. То, что он увидел, стало еще одним потрясением этой битвы, запомнившимся ему на всю жизнь — прямо напротив него, шагах в пятидесяти, не более, гарцевал на своем боевом коне, временами оскальзывавшемся на трупах людей, герцог Гильом. Отбросив личину шлема, он кричал что-то неслышимое за грохотом сражения, похоже, собирая растерявшихся воинов на новую атаку. — ... со славой! — донеслись до Фиц Макса непонятно каким капризом судьбы одолевшие шум последние слова герцога. Тут время, словно остановленное Иисусом Навином солнце, замерло. Прямо на глазах Андрэ на лице герцога внезапно открылась глубокая рана и из-под шлема вылетел фонтан крови. Увидев эту картину, Андрэ невольно приподнял голову. Тотчас что-то с силой ударило его по шлему, разрывая его завязки и сбрасывая его с головы. Фиц Макс потерял сознание.

Он очнулся лишь тогда, когда чьи-то руки грубо подняли его, а рядом прозвучали голоса, говорившие что-то на непонятном языке.

Бегущие с холма саксы невольно замедляли шаг, огибая валяющиеся на земле трупы, и казалось, что основная часть норманнов, даже пеших, успеет скрыться. Пока не везло отдельным неудачникам, либо раненым, либо одетым в доспехи. Саксы нагоняли их и били в спину, мало кто из убежавших в панике норманнов решался повернуться и встретить настигающую его смерть как подобает воину, сражаясь. И все же большинство, особенно всадники, мчалось вперед, опережая пеших преследователей и, похоже, имело шанс первым добежать до кораблей, оставленных в гавани Гастингса. Но тут сквозь устремившуюся вперед толпу воинов прорвались всадники саксов. Тотчас началось самое страшное, что может случиться в бою — преследование бегущего с поля врага конницей.

Вот мчащийся первым полковник Бошамп догоняет бегущего пешего сержанта или рыцаря. Медленно-медленно, словно во сне, перебирает ногами убегающий норманн, отсвечивают на солнце кольчужные кольца, шлем, который он не догадался или не успел сбросить, почему-то, несмотря на все завязки, ерзает по голове, заставляя поправлять себя рукой...

Четыре ноги жеребца несут сэра Горацио быстрее, чем две ноги испуганного беглеца и вот уже спина убегающего совсем рядом, рука полковника автоматически повторяет вбитое еще в училище движение, сопровождаемое коротким мысленным вскриком: 'Сабля! Он же в броне!'. Сразу же выясняется, что добрая шэффилдская сталь намного лучше средневекового норманнского железа, кольца лопаются и разлетаются, спина, вдруг покрывшаяся чем-то красным, резко пропадает где-то внизу. Сабля слегка дрожит в руке, а конь продолжает нести седока вперед. Полковника обгоняет один из саксов, на скаку размахивая огромным топором. Оказавшемуся у него на пути и вставшему на колени норманну не везет, забыв все данные перед боем наставления, о взятии как можно больше пленных, сакс ловко наносит удар и голова буквально взлетает над продолжавшим стоять телом. Но конь несет полковника дальше, вслед убегающим, поэтому он не видит, как обезглавленный труп, орошая все вокруг потоками крови вдруг заваливается вперед, прямо под копыта следующего за саксом всадника, который от резкого скачка испуганного коня в сторону чуть не вываливается из седла.

Не видит увлеченный погоней Бошамп и того, что один из конников вслед за

убегающим конным норманном покидает дорогу и оба они на всем скаку влетают заросли тростника, покрывающие берег болота. Оно тут же начинает засасывать сначала коней, а потом и кричащих от осознания неминуемой смерти людей. Но увлеченные взаимной резней остальные не замечают этой трагедии, как и полковник, вместе со своим отрядом уже проскочивший прямо к бывшему лагерю норманнов у Гастингса.

На берегу, около вытасненных кораблей, царит хаос. Кто-то пытается стащить корабли на воду, кто-то бежит прямо по сходням на борт, не обращая в панике внимания, что корабль надо сначала столкнуть с берега. Моряки стоящих на якоре кораблей, не пытаясь даже подобрать столпившихся на берегу соплеменников, рубят канаты и разворачиваются к выходу из бухты. Некоторые рыцари, бросая оружие и коней, на ходу разрезая завязки доспехов, чтобы, сбросив их, вплавь добраться до качающихся на волнах кораблей, сулящих спасение от настигающих саксов. Несколько десятков воинов, первым добравшиеся до берега, успевают захватить лодки и сейчас усиленно выгребают всем, что попало в руки, пытаясь доплыть до уходящих судов.

Несколько десятков сержантов и вавасоров, возглавляемые носящим на щите знакомый Бошампу герб рыцарем, пытаются сбить строй. Они явно надеются задержать атакующих и дать время остальным, в панике пытающимся столкнуть в воду и погрузиться на корабли, возможность уйти от погони. Едва увидев щит, полковник кричит так, что его слышит весь его небольшой отряд. — Этот рыцарь — мой! — и, пришпорив жеребца, устремляется в атаку. Рыцарь, видя несущегося на него конника с саблей, выставляет щит и наклоняет копье, за ним повторяют эти движения, слаженно и четко, выдавая опытных ветеранов, все воины маленького отряда.

Немного не доскакав до приготовившегося противника, полковник внезапно останавливает коня, а вслед за ним и все остальные всадники, за исключением двоих, самых горячих. Вместо палаша в руке Бошампа вдруг оказывается что-то маленькое, блестящее. Гремят выстрелы и рыцарь, выронив копье и щит, падает на землю, хватая руками ногу. Одновременно падают сбитые с коней ударами копий два не успевших или не захотевших притормозить всадника, сакс и сэндригемец, но строй отряда норманнов уже разбит. Кроме рыцаря первым залпом ранены и убиты еще несколько человек. Часть конников носится за растерявшимися и разбегающимися пехотинцами, рубя и стреляя, а остальная часть мчится к сталкивающимся с берега на воду корабли беглецам.

Но часть норманнов, осознав, что спастись не удастся, разворачиваются и контратакуют саксов. Всадники успевают отойти, потеряв еще двоих, а вот прибежавшим первыми легковооруженным ополченцам и лучникам не везет — на них обрушивается основной удар уцелевшей пехоты и конницы норманнов. Завязывается кровавая резня, исход которой не ясен. Все же большая часть французов старается спастись, а саксы подбегают не единым отрядом, а отдельными, растянувшимися в ходе погони, растерявшими всякое подобие порядка кучами. И опять исход боя решают норфолкцы. Сначала, собрав своих всадников с одного фланга, контратакует полковник. Непрерывно стреляя из револьверов, конники Бошампа отбрасывают запаниковавший фланг, заставив повернуться против себя самых смелых и настойчивых врагов. Те попытались отчаянно броситься на заметивших опасность и отступающих английских всадников, но в это время им на выручку успевает прийти отряд хускарлов во главе с доблестным Эдбертом. Пока хускарлы рубятся с отчаянно защищающимся отрядом нормандцев во главе с Шеф-де Фоконом, на побережье сквозь убегающих ополченцев прорывается отряд лейтенанта Гастингса с двумя расчетами 'Льюисов'. И как всегда весомый аргумент в виде пулеметного огня, решает исход боя. Только что отчаянно сражавшиеся воины в панике бросались на землю или пытались разбежаться, крича от страха. Саксы безжалостно уничтожают немногих сопротивлявшихся, остальных, обезоруживая, захватывают в плен. Огромные толпы пленных, с испугом поглядывая на охранявших их саксов и 'колдунов', потянулись к лагерю.

Так закончилась авантюра нормандского герцога, пытавшегося стать королем Англии. Битва закончилась, а история только начиналась. История, достойная стать сагой, более

знаменитой, чем 'Сага о Бевульфe'.

К вечеру только группы кэрлов и гебиров, под наблюдением нескольких десятков хускарлов собирающих добычу и своих убитых, да вороны, пирующие на трупах остались на поле битвы. Все остальное войско собралось в лагере, где уже стояли готовые столы, уставленные вареным и пареным, верченным и крученым, пивом и захваченным у противника вином, стоялым медом и прочими разными закусками и запивками. За отдельным столом, стоящим на пригорке на виду у всех остальных пирующих, сидел король с братом Гиртом и самые отличившиеся воины, в их числе полковник Бошамп и лейтенанты Гастингс и Роулинг.

Единственной потерей в королевской семье стал в этой битве младший брат короля, Леофвайн. Его тело, завернутое в льняную ткань, передали монахам из Питерборо.

Но горевать о своих потерях саксы собирались потом, сейчас же предстоял победный пир. Некоторое время стоял шум и гам, пока все занимали места за длинными столами, затем он постепенно стих и Гарольд, встав, предложил всем вознести хвалу Господу за победу. Молитву, громогласно повторяемую всеми воинами, читал аббат Леофвик. Едва молитва закончилась, король поднял наполненный слугой кубок и крикнул:

— Пью за победу!

Громогласный клич: 'За победу!', вырвавшийся из тысяч глоток, потревожил даже клевавших пададь ворон, которые с громким недовольным карканьем взмыли в воздух. Но никто даже не глянул в ту сторону, так как перед столами специально выделенные воины пронесли и бросили перед королем штандарт, подаренный папой Вильгельму и еще десяток знамен и значков нормандского войска. Опять раздались приветственные крики всего войска, и снова полились в рога и кубки шипучее вино и пиво. Пили и закусывали все.

Король одного за другим вызывает самых отличившихся воинов, награждая их только что введенной Сенлакской медалью, деньгами, землями и крепостными. Медали еще нет, вместо нее героям вручаются украшенные скорописью листы пергамента с прикрепленной свинцовой печатью.

Наконец, вызывали и сэра Горацио.

— Волей Божьей пришедший на помощь нам и королевству Английскому благородный сэр Хорейс! Зная твоё знатное происхождение и ценя твои подвиги на поле брани, решил я и Витанагемот приговорил, что место убитого эрла Аглаеки из Глостершира займешь ты, став и эрлом и ширрифом. А по личной просьбе твоей, границы эрлдома сего меняются. Посему местность сия называться отныне будет в честь героев Сенлака, эрла Бошема и его войска — Бошемшир! — объявил под громкие одобрительные крики король. Радовались, как казалось, все, но чествуемый герой успел уловить несколько очень злых взглядов. Если бы взглядом можно было убить, то сэр Гораций, уцелевший в битве, сейчас упал бы замертво.

'Ничего, посмотрим, кто кого' — подумал, принимая награды из рук короля, новоиспеченный эрл.

Согнанные в загородку, словно скот, ошеломленные случившимся, норманны слышали радостные крики пирующих саксов и сжимали от ненависти кулаки. Немногочисленные раненые сдерживали стоны, чтобы не радовать своим горем победителей. Успевшие отойти от впечатлений боя бродили, стараясь найти в этой толпе родных и друзей. Многие посматривали уже по сторонам, думая, как бы убежать. Но стоящая вокруг стража, необычно одетая, и направившая на пленных несколько больших трубообразных колдовских орудий, бдительно следящая за происходящим за оградой, миготом отбивала у самых храбрых мысли о сопротивлении и побеге. Стражники, регулярно меняясь, все также бдительно наблюдали, а у уставших и голодных пленников уже начинало бурчать в животе. Ныли полученные в бою раны и ушибы, горело от жажды горло.

— Неужто хотят они заморить нас жаждой и голодом, — переговаривались между собой пленники, когда к ограде подъехало несколько груженных телег. До стоявших ближе к ограде норамдских пленных донесся запах жаренного мяса. Стоящий у ворот воин достал

какую-то странную трубу и крикнул в нее. Голос его имел колдовскую силу, донесшись до каждого норманна.

— Сейчас вас покормят и напоят. Походить по одному, брать то что дадут и отходить! Не толпиться, иначе последует наказание! — он опустил свою колдовскую принадлежность, переговорил о чем-то со своим начальником и вновь крикнул. — Графы, бароны, виконты и раненные подходят первыми и записываются у писарей! Желаящие перейти на службу королевству английскому могут также записаться у писарей и будут тотчас же отделены от остальных пленных! Все понятно?! Не толпиться, подходи по одному!

Сначала не поверившие словам сакса начали было толкаться, стремясь пробиться вперед. Тотчас одно из колдовских орудий саксов плюнуло огнем, загрохотав, и над головами толпившихся словно промчалась стая разъяренных шершней, заставив испуганно дернуться в разные стороны, давая и топча упавших.

— Кто не понял? Еще одна такая давка и мы будем убивать всех непослушных! — снова прокричал сакс в свою колдовскую трубу. Теперь испуганные пленники жались, боясь обратить на себя внимание колдунов. Наконец кто-то решился и вышел первым. За ним другой, третий... еды и воды в больших баклагах хватило всем. Несколько десятков наемников согласилось послужить саксам и были уведены куда-то под конвоем нескольких солдат в колдовских одеяниях.

Съев доставшийся ему кусок мяса на лепешке, запив его восхитительно вкусной водой, Андрэ почувствовал себя намного лучше. Решив не торопиться и попытаться обдумать возможность перейти на сторону саксов, он в задумчивости брел по лагерю, не глядя по сторонам.

— Андрэ! — заставив вздрогнуть от неожиданного крика, к нему протиснулся уцелевший в бою Роберт де Гранмениль. В грязном, испачканном землей и кровью акетоне, с повязкой на голове, раненый, бывший оруженосец герцога радостно обнял друга.

— Ты жив! Как я рад, — сказал ошеломленный встречей Андрэ и тут же осекся, увидев, как лицо Роберта перекосила гримаса горя.

— Герцог, мой добрый господин... он убит! И мой дядя тоже. Проклятые саксы!

— Роберт, ну что теперь поделаешь. Такова воля Божья.

— Нет, не утешай меня, мой добрый Андрэ. Не воля Божья, а сатанинское колдовство помогло саксам победить нас. Если б не эти колдуны, — Роберт опасливо оглянулся вокруг, — и не их колдовские молнии, мы раздавили бы саксов своими конями. А так... большинство воинов, скакавших рядом со мной, погибло, не успев даже увидеть глаз этих саксонских трусов.

— Зря ты называешь их трусами, Роберт. Говорят, они храбро рубились на берегу.

— Ты видел это своими глазами?

— Нет, мне рассказал знакомый рыцарь из Понтеи, друг моего отца.

— Не верю. Не могут трусы, побеждающие на расстоянии силой колдовства рубиться как настоящие воины.

— Конечно, ты можешь мне не верить, но можешь спросить у Шеф-де-Фокона. Если решишься, конечно. Он вон в том углу, сидит, ибо ранен. Его срубил один из этих колдунов, как говорят, каким-то чудным кривым мечом, прорубившим даже кольчатый доспех. А ведь именно Шеф-де-Фокон сразил младшего брата короля саксов в поединке у кораблей.

— Не верю, — теперь в интонации де Гранмениля уже не было прежнего скепсиса. — Так говоришь, брат короля Английского убит? Рад, что смерть господина моего отомщена. Жаль, что не я совершил сие.

— Не жалею о несбывшемся. Лучше подумай, что с нами сделают эти дикари?

— Ничего. Меня скорее всего обменяют за выкуп. Да и тебе может помочь твоя семья выкупиться из плена.

— Конечно, — Андрэ сразу поскуцнел. Да уж, его семья за него и гроша ломанного не даст этим саксонским свиньям. Что же придется, значит выпутываться самому. Если подумать выбор невелик — саксы либо заставят их всех работать на каких-нибудь тяжелых

работах, либо... либо придется идти к ним на службу. Непонятно только, зачем им, одержавшим столь убедительную победу, еще и норманнские воины. Но раз нужны — надо использовать этот шанс. Глядишь, с оружием в руках удастся и выбраться с этого острова и вернуться в родную Понтею. Если же такой возможности и не будет, то лучше уж носить тяжесть оружия, чем кирки или лопаты.

'[...] Результаты боя были ошеломляющими. Они показали, что победы англичан у Стэмфорд-бриджа, Гастингса и Бовилля закономерны. И если у Стэмфорд-бриджа действовало, если исходить из описаний имеющихся источников, еще старое ополчение, то у Гастингса уже основную роль играют войска нового стиля, полностью показавшие свои истинные возможности в бою у Бовилля.

Конечно, переход к новой системе комплектования произошел не сразу, одним из первых деяний Гарольда Счастливого после отражения норманнов была перепись населения и земель Англии, и административные реформы. Тогда же был полностью изменён принцип построения английского войска. В небытие ушла система ополчения, возглавляемого эрлами крупных провинций, лишь формально подчинявшимися королю. Теперь все тэны приносили присягу на библии и святых мощах на верность Короне и Королевству Английскому. [...]

Изменилась и организация войск. Дошедший до нас список с именного указа короля Английского, называемый 'Assisa de Armis, habendis in Anglia ', позволяет установить, что эта организация появилась именно в правление короля Гарольда Феликса. [...]

Наименьшей единицей войска стал взвод — 'платун' (platoon), воинский контингент, который выставлял средний манор (название происходило, по-видимому, от искаженного 'дворец' — palace). Командовал взводом воин, владевший усадьбой с разрешения короля, и обязанный за это королю службой. Считалось, разрешение на владение землёй — форма займа короля своему подчиненному за обязательную воинскую службу, поэтому командир взвода и назывался 'лен-тэн' (loan-then — тэн, занявший у короля землю в обмен на службу), или, как их называли переселенцы — норманны и французы — 'лен-тенант'. Титул "тэн" был для них тёмн и непонятен, а вот понятие "тенант" (иначе — арендатор коронной земли) вполне знакомо. Последнее слово, со временем превратившееся в 'лейтенанта' и стало званием командира взвода.

Взводы соседей объединялись в роты (сотрапу), которыми командовали главы местных танов, или, на варварской англосаксонской латыни — кап-таны (сар — принятое в то время сокращение слова сарит-голова, глава). Основной тактической единицей 'Новой Армии' стал батальон — 'колонна' из нескольких рот — компаний (легионная структура была крупновата для пересеченной, лесистой территории Северной Европы). Командовал 'колонной', естественно, полковник ('колонель' — colonel). У него был главный ('майор' — от лат. главный) помощник, ответственный, в первую очередь, за поддержание порядка в лагере батальона.

Название 'легион', однако, продолжало использоваться англосаксами, но теперь оно обозначало крупнейшее оперативное соединение (отдельную 'армию'). Общее (генеральное) руководство такой армией осуществлял, естественно, генерал-легат (от латинского legatus generalis) которого, для краткости, стали называть просто 'генерал'.

Несколько легионов, действующих на одном направлении, сводились в одно соединение, получившее название старого ополчения — 'фирд'. Командовал фирдом старший из генералов, называемый на французский манер маршалом войска — 'фирд-маршал'. [...]

Введение такой системы в Английском королевстве прошло тем легче, что еще в предыдущую эпоху стал складываться на местах механизм централизованного бюрократического управления через должностных лиц административных округов, подотчетных королю и действующих на основе письменных приказов за королевской печатью. [...] Большое значение имела и привычка населения к уплате королевских налогов, так называемых 'датских денег'. [...]

Эта организация 'Новой армии' была постепенно заимствована другими государствами Европы[...]'.

Шарль де Бац д'Артаньян (1815–1880 г.г.), фюрдмаршал королевства Наварра. 'История войн и военного искусства' Бордо, 1875 г.

'Битва при Гастингсе (ранее именовалась битвой на холме Сенлак, Сенлакской битвой) — решающее сражение между войсками нормандского герцога Вильгельма Бастарда и английскими войсками короля Гаральда [...] Накануне похода 1066 г, герцогство Нормандское уже добрых полвека испытывало ощутимый демографический и экономический подъем. Более того, после победы, одержанной при Вальс-де-Дюн в 1047 г. над своим соперником Ги Брионским, Вильгельм Незаконнорожденный смог реорганизовать и даже навести порядок в своем герцогстве. На собрании светских и духовных вассалов в Кане он в свою пользу провозгласил 'мир, который обычно называют перемирием Божьим' Те сеньоры, которые не собирались его соблюдать, принуждались к изгнанию и к возмещению причиненных убытков. Вильгельм увеличил количество феодальных пожалований за счет своего домена и грабежа церквей. Тем не менее, поход 1066 г. не был феодальным в прямом смысле этого слова: к нормандскому рыцарству присоединились добровольцы из Бретани, Фландрии и даже из более отдаленных мест (Шампани, Южной Италии). [...] 'Первоначально битва сия именовалась битвой на холме Сенлак, но позднее стали именовать ее битвой при Гастингсе, по городу близ которого она свершилась. Ибо не личило как то название простого холма битве, которая историю трех великих стран определила' — поясняет Эдгар Достопочтенный в своей 'Хронике деяний Королей Англии'. [...]'

Talbooth 'Encyclopedia Maxima mundi', vol. X, London, 1898 г.

Глава IX

Солнце жгло горизонт

*Золото — хозяйке, серебро — слуге,
Медяки — ремесленной всякой мелюзге.
— Верно, — отрубил барон, надевая шлем,
— но хладное железо властвует над всем!*

Р. Киплинг

*История была прищипорена, история понеслась вскачь,
звеза золотыми подковами по черепам дураков.*

А. Толстой

Всего около трети судов из тех неполных четырех сотен, что были вытащены на берег, успели выйти в море, часто с неукomплектованной командой, без малейших запасов пищи, не оснащенные ничем, кроме сохраненного беглецами оружия. Еще около сотни кораблей, стоявших на якорях, и находящихся поэтому в более благоприятных условиях, успели уйти первыми, чтобы встать во главе этой спасающейся от англичан армады. Они отплывали, почти без надежды, не рассчитывая уцелеть при малейшем столкновении с английскими судами, патрулирующими в проливе. Действительно, большая часть кораблей попадала в заранее расставленные сети, вызванные предусмотрительным королем английские драккары уже кружили, как орлы, заведевшие добычу, в окрестностях Гастингса, покрывая Серое море.

Завидев несущиеся навстречу паруса, на норманнских кораблях обреченно готовятся к

бою, либо сразу спускают парус и, бросив оружие, собираются у кормы, ожидая уготованной им саксами участи с покорностью несчастливой судьбе. Уже витает среди команд, что Гильом, этот Бастард и Инфеликс, погиб, дерзая противостоять Воле Божией. Поэтому большинство из норманнов обреченно сдаются, даже не пытаясь сопротивляться. Саксы, как ни странно, не особо зверствуют, захватывая корабли. Старую команду сгоняют в середину корабля, обыскивают, связывают, а корабль, с новой командой из англичан, направляется к берегу. Там его вытаскивают на сушу и ждут прибытия воинов, сопровождающих несколько крестьянских телег. С корабля снимают все ценное, без чего можно обойтись в плавании, сгоняют в толпу пленных и очередной караван отправляется в сторону Гастингса. Оставшаяся же команда ведет вновь вытасканный на воду корабль в Дувр или Гастингс.

Но иногда этот, почти привычный сценарий нарушается. Норманны, слишком гордые, чтобы сдаться и слишком смелые, чтобы бояться каких-то саксов, принимают бой. И тогда трещат весла и борта, на колыхающейся палубе, которая постепенно становится скользкой от крови, начинается резня. Бряцает оружие, хрипят умирающие. Среди обломков весел, скамеек гребцов, скользя на мокрой от воды и крови палубе воины бьются на мечах и топорах. Те норманны, кому удалось выжить в этом побоище, не дожидаясь конца, бросаются за борт, прямо в волны, на которых плавают обломки и трупы. Честно сказать, чаще всего победу, требующую больших жертв, саксам приносит только их численное преимущество, да лучники с арбалетчиками, которые у французов в экипажах как правило отсутствуют.

Всего лишь трем — четырем десяткам кораблей из отпльвших пяти сотен все же удается прорваться к враждебным бретонским или родным нормандским берегам. Среди прорвавшихся и бывший флагманский судно герцога — 'Мора'. Стоявшее на якоре ближе к берегу, чем остальные суда, оно успело принять на борт несколько десятков воинов. К тому же, весь экипаж оказался в это время на борту. Первой вышедшая в море, 'Мора' встретила только с одним саксонским шнеккаром. Шнеккар был намного меньше судна герцога, поэтому воинов на нем оказалось меньше, чем у норманнов. Но саксы на свою беду решились атаковать и в результате ожесточенного боя были вырезаны до единого человека. Норманны, благополучно выйдя из сражения без единого повреждения судна, пусть и с поредевшим экипажем, на рассвете следующего дня достигли гавани Шербур, одними из первых пристав к берегам Нормандии.

На берег, под взглядами ожидающих печальные известия горожан и виконта, управляющего этой местностью, с корабля сошли два десятка изможденных, покрытых ранами воинов и примерно столько же выглядевших немногим лучше моряков. Возглавлял этот отряд чудом уцелевший в битве Ральф де Монтгомери. Встав напротив виконта де Бретей, он пару минут смотрел на него взглядом раненого насмерть оленя и произнес, медленно, тихо, но четко выговаривая слова, в которые вслушивались все встречающие:

— Наше войско разбито. Герцог мертв. Проклятые англы применили против нас колдовство, противустать коему не смогли ни папское благословение, ни его штандарт, ни молитвы епископов из Байё и Кутанса. Погибло большинство благородных графов, баронов, рыцарей и бакалавров. Нас ждут тяжелые времена, нормандцы.

В толпе встречающих закричали и заплакали узнавшие, что они стали вдовами, женщины. Даже виконт не смог удержать изумленно-испуганного восклицания, услышав о печальной участи, постигшей герцога и самое грозное войско, что собирала в последние годы Нормандия. Какую катастрофу вызовет эта весть, когда она распространится! И он утвердительно склонил голову, когда Ральф потребовал немедленно отправить гонца в Руан, неподалеку от которого, в Лиллебоне, в новом, недавно отстроенном дворце ждала, чем закончится авантюра ее мужа, герцогиня нормандская Матильда.

Новости о печальной участи, постигшей вторгшееся нормандское войско, подобно кругам на воде, расходились по землям Нормандии и окружающих ее герцогств и графств Франции.

Прибывший печальный вестник, рыцарь из свиты Ральфа де Монтгомери, на

изнуренном, но еще довольно бодро передвигавшемся, коне незамеченным обогнул сам город, направившись в замок. Стоящий на мосту у ворот страж окликнул его: — Куда, эй! — но разглядев под слоем пыли богатые украшения сбруи, тотчас сменил тон. — Мессир, обождите, сейчас вызову начальника стражи. — и крикнул вглубь воротной башни. — Гурней, позови мессира Алана! Здесь благородный всадник!

Начальник охраны, узнавший прибывшего посланника, сам проводил его в замок. Они пересекли двор, окруженный аркадами, потом второй, потом поднялись по узкой каменной лестнице и вошли во внутренние покои. Потолки здесь выглядели непомерно высокими, а шаги как-то особенно гулко отдавались под сводами. Всюду царил полумрак. Замок выглядел опустевшим, навстречу идущим попало лишь несколько служанок. В конце коридора длиной туазов в десять вестник наконец заметил довольно большую группу людей и стоящих у дверей двоих воинов в кольчугах и с мечами на боку. Это были слуги и стража герцогини. Начальник стражи подошел к стражам, не обращая внимания на заволновавшихся слуг, и спросил:

— Мадам в зале?

— Да, мессир. С ней советники и старший сын, — поспешно ответил стражник, с любопытством глядя на запяленного, пропахшего потом спутника начальника стражи, одновременно дав сигнал слуге распахнуть дверь. Они вошли в зал, где на высоком кресле, держась по обыкновению прямо, сидела Матильда и разговаривала о чем-то со старшим сыном, Робером Коротконожкой. Вокруг кресла на стульях без спинок сидели несколько придворных дам, в окружении стоящих приближенных советников герцога. Увидев начальника стражи, сопровождающего запяленного, пропахшего путника, она с искренним интересом спросила:

— В чем дело, Жером? Кто... — и тут же замолчала, узнав наконец рыцаря.

— Мадам... — глухим, прерывающимся голосом начал вестник, — я... принес вам печальное известие. Наше войско разбито, мой государь, ваш муж, пал на поле брани. Из всего флота прибыло сей час едва ли три корабля. Проклятые англы применили против нас колдовство, против коего не спасало ни папское благословение, ни врученный им штандарт, ни молитвы епископов из Байё и Кутанса. Множество доблестных воинов осталось на поле битвы, убитых подлыми саксами каким-то колдовским способом. Я лично видел, как падали вокруг сраженные невидимыми молниями воины и лошади, хотя до саксов было еще не менее трех перестрелов. Мы были храбры, но колдовство английское было сильнее нашей храбрости. Саксы сломили нас своими молниями, заставив отступать к кораблям. В войске возникла паника и мы с трудом смогли сесть на корабли свои. Многие так и остались на берегу. Участь их неизвестна.

Еще ни разу в жизни Роберт, старший сын бывшего герцога Нормандии Гильома Бастарда и нынешний законный герцог, не видел свою мать в таком состоянии. Независимая и своенравная дочь герцога Фландрского всегда виделась сыну невозмутимой и гордой, спокойно взирающей на остальных людей и события с высоты своего положения. Теперь же восьмилетний мальчишка изумленно взирал на сгорбленную внезапно свалившимся несчастьем, с искаженным от горя лицом, мать. Это длилось буквально несколько секунд, герцогиня быстро справилась с волнением, приняв прежний вид, но Роберт запомнил увиденное на всю жизнь. Потрясение, пережитое им в злосчастный день, когда до Лиллебонна дошла официальная весть о разгроме под Гастингсом, навсегда изменило его. До того своенравный, задиристый и грубоватый, не слушавший приставленного к нему наставника, уступавший любому своему желанию, Роберт внезапно переменялся, хотя иногда прежние привычки и проявлялись в его деяниях. Пока Роберт медленно и мучительно выросл прямо на глазах, Матильда, овладев собой, смотрела на стоящего перед ней вестника, пытаясь разобраться в его отношении к преданным с ним новостям. Однако рыцарь Жоффруа де Мандевиль стоял спокойный и на его застывшем лице нельзя было прочесть ничего, кроме бесконечной усталости после проделанного им пути. Одна из дам, вскрикнув, упала в обморок. Ее тотчас окружили вынырнувшие откуда-то служанки и по

кивку герцогини вынесли из зала.

Матильда милостиво кивнула, отпуская посланца, и повернула голову к стоящим вокруг советникам. Все они молчали, обдумывая услышанное. Оставленный самим герцогом в качестве главного советника старый Роже де Бомон что-то обдумывал, шевеля губами, словно произнося про себя молитву или читая ему одному видимые письма. Аббат Лафранк, склонив голову, нервно теребил пальцами кипарисовый нагрудный крест, привезенный из Святой Земли. Стоящий рядом с ним епископ Руанский Мориль смотрел на Матильду с неприкрытым испугом в глазах и медленно, словно во сне перебирал четки.

— Что полагают нужным совершить сей час советники герцога Роберта? — Матильда уже овладевшая собой, явно хотела напомнить присутствующим, что еще не все потеряно, что в стоящем рядом великоватом для ребенка кресле сидит сын Гильома, законно провозглашенный Нормандским Герцогом уплывавшим за море отцом.

— Мадам, — первым заговорил, как и следовало ожидать, Роже де Бомон, — мы скорбим вместе с вами. Но каждому дню свои заботы. Посему обдумаем, чем нам грозит сия весть. Полагаю, что самыми опасными будут отношения с Бретанью. Герцог Конан, будучи врагом нормандским, и обозленный на поддержку нашим гер... нами Руаллона, мыслю, обязательно попытается нас уязвить, пока мы слабы. Посему необходимым полагаю собрать ополчение, оставшееся в Шербуре, Фалезе и Мортене и направить его в Доль и Мортен. Ибо наличные гарнизоны не сдержат вторжение, ежели Конан решится на него. Кроме того, возможен отказ графа Понтье от вассалитета, но я мыслю, что войны на этой границе не будет, ваш отец, мадам, не даст совершиться таковому. Он крепко держит власть во Фландрии, несмотря на пребывание свое в Париже.

— Что вы думаете о Мэне и Анжу? — заинтересованно спросила герцогиня. — Слишком велики распри между сторонниками Жофруа Бородатого и его брата Фулька. Полагаю, что анжуйцы увязнут в сей междоусобице, поелику герцог ухитрился настроить против себя большинство баронов и лишь малая толика сторонников его поддерживает. Посему победит как я мыслю, Фульк. Он уже подтвердил, что согласен на признание вассалитета вашего сына, как графа Мэна, при условии, что мы сторону Жофруа не примем. Нет, за сию границу мы можем не беспокоиться.

— Не могут ли англы в отместку напасть на нас? — несмотря на все попытки Мориля, опытный слух советников уловил в его голосе испуганные нотки, отчего стоявшие за его спиной Лафранк и Роберт де Коммин невольно улыбнулись.

— Полагаю, нет, ваше преосвященство. Они до этого сражались с данами, как я слышал, посему ополчение, да, мыслю я, и дружина королевская не готовы к войне новой. Когда ж они подготовятся, мы тоже готовы будем, да и угрозу нового нападения данов они должны учесть. Могут англы налеты пиратские творить, это да. Но ни замков, ни городов наших малыми дружинами им не взять.

— Все хорошо молвишь ты, Роже, но сил воинских у нас не достанет против бретонцев, да ежели еще побережье от набегов охранять придется. Предлагаю отправить посланца ко двору королевскому и просить регента о помощи в таком случае.

— Верно придумал, де Коммин, — поддержал советника Лафранк, — но еще с вашего разрешения, мадам, посоветовал бы я отправить к римскому престолу гонца с прошением наложить интердикт на королевство Английское за связь с богомерзкими колдунами, и просьбой о помощи.

— Не только в Рим и Париж, надо по всем графствам и герцогствам французским, и даже императору Священной империи гонцов отправить с сообщением о дьявольских кознях английских, — внезапно вмешался в разговор Роберт. Все с удивлением уставились на ребенка.

— Хм..., хм..., - прокашлялся Лафранк, — отличная мысль, монсеньор. Мадам, разрешите вас поздравить, ваш сын — подлинный герцог Нормандский.

Совещание продолжалось недолго, плавно перейдя в вечернюю трапезу. Решено было просить у Рима и всех христианских государей помощи против англов, принявших помощь у

врага Господня.

Через несколько дней послания, отправленные от имени герцога Нормандского и подписанные Робертом и, как регентшей, его матерью, читали в шато герцога Фландрского, в ставке Императора в Ахене и даже в роскошной палатке герцога бретонского Конана Второго, установленной неподалеку от осажденного города Доля, столицы диоцеза, в котором сидел на кафедре брат мятежного барона Руаллона.

Выслушав прочитанный личным писарем текст, молодой герцог Конан Второй, высокий, крепкий, с мышцами атлета, напоминающий старинные римские статуи борцов, поднялся, прошел по палатке, сопровождаемый взглядами придворных. Дойдя до полога палатки, он распахнул его и несколько минут разглядывал лагерь, потом повернулся к гонцу и сказал:

— Передайте мадам Матильде, что я вельми благодарен за ее предупреждение. Но осаду Доля не сниму, и схваченного Руаллона не выпущу, пока он мне верным вассалом быть не поклянется. Если же герцог Нормандский захочет противустать мне, мои воины докажут безо всякого колдовства, что они лучше норманнов оружием владеют. А чтобы не забыл ты слова мои, писарь мой Гремлин письменно их изложит и с тобой передаст. Герцог и его вассалы долго неверных вассалов моих поддерживали. Теперь же, когда Нормандия не в лучшем положении оказалась, просят меня забыть о сем. Клянусь Господом, не хватит на такое моего терпения христианского.

Едва гонец покинул лагерь, как Конан немедленно созвал военный совет.

— ... таковы новости, милорды, — герцог осмотрел сидящих вокруг графов и баронов. Блестящие кольчуги, украшенные ножны кинжалов, бритые лица и короткостриженные волосы. Типичные бретонцы, среди которых затесалось несколько усатых франков и бритоголовых норманнов. Все они внимательно смотрели на него и неторопливо прохаживающегося по палатке герцога.

— Милорды, я за то, чтоб вести войско наше далее вглубь Нормандии, — герцог высказался без всякой дипломатии. Молодость, как ты бываешь прямолинейна! — Нормандия потеряла сей час самых лучших воинов и самого правителя. Молодой Роберт и герцогиня имеют много врагов среди оставшихся вассалов. Робертины, потомки законных герцогов, престол у сына Бастарда несомненно оспаривать станут, давая возможность нам восстановить свои законные права на Контантен и Авраншен, нормандцами захваченные.

Речь герцога, сулившая баронам военную добычу и новые владения, нашла в их сердцах горячий отклик. Не успел Конан, остановившись у столика со стоящими кубками, замолчать, как с места поднялся один из авторитетнейших баронов Реннского графства, Дрого ле Доуа.

— Мой герцог, милорды! Мы станем посмешищем в глазах потомков наших, если удачным для нас и герцогства нашего случаем не воспользуемся. Пора вернуть времена Эриспоз и Саломона. Пора вернуть нашему герцогу королевские регалии, утерянные в годы несчастий и пиратских вторжений, — Дрого благоразумно умолчал, что вторгались в Бретань норманнские пираты, некоторые из потомков которых присутствовали и на этом совете.

— Но путь армиям нашим замок Бёврон преграждает. Каменные стены его неодолимы, гарнизон велик и искусен в военном деле, — скептически настроенных вассалов после недавно закончившейся гражданской войны в Бретани хватало. Вот и граф Хоэл де Корнуа, несомненно целившийся на место Конана, частенько позволял себе критиковать действия молодого, недавно ставшего совершеннолетним, герцога, завоевывая себе авторитет.

— Гарнизон его большей частью вместе с другими воинами полег в Англии, — насмешливо заметил Дрого. Граф Хоэл раздраженно вскинулся, но промолчал, заметив, что герцог собрался что-то сказать.

— Милорды, — решительный тон голоса Конана заставил всех подобраться. — Сегодня будем брать город, для чего велю все приготовить. Сей час же отправить к стенам

города моего глашатая, чтоб объявил он о штурме предстоящем и что город предан будет мечу и огню. И предложил бы сдаться сим мятежникам на мою милость. Отряд Фродо отправить под Бёврон. Повелеваю его воинам вызнать досконально какой гарнизон в Бёвроне стоит, не дать ему подкрепления получить и запасы сделать. Обязательно всех гонцов из сего замка перехватывать, и о том, что от вестников узнано будет доносить. Согласны?

— Да будет так! — единогласно ответили присутствующие.

Победоносные войска англичан возвращались домой, встречаемые по дороге ликующим народом. Радостные кличи возносились в небо, едва собравшиеся видели гордую посадку едущего впереди войск Гарольда Феликса, Счастливого, возлюбленного богами и альвами. Кричали женщины, бросая в воздух цветы, кричали мужчины. Крики ненадолго смолкали, когда люди видели идущих за королем монахов из Питерборо, распевавших во весь голос Третий Псалом Давида на саксонском языке:

— Господи, как умножились враги мои! Многие восстанут на меня:

Но ты, Господи, щит предо мною, слава моя и ты возносишь голову мою.

Гласом моим взываю ко Господу, и он слышит меня со святой горы своей.

Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня.

Не убоюсь тём народа, которые со всех сторон ополчились на меня.

Восстань, Господи! Спаси меня, Боже мой!

Ибо ты поражаешь в ланиту врагов моих и сокрушаешь нечестивых.

От Господа спасение и над народом твоим благословение твое!

И крестились все, даже многие язычники, вознося славу Богу, хранящему их милую Англию. Потом вновь к небу рвались ликующие крики и все показывали на отряд странно одетых воинов, идущих в невиданном ранее порядке, стройными красивыми рядами. — Вот они, посланные Богом для спасения Англии! Вот арбалетчики, поразившие тьму врагов своими громовыми стрелами! — раздавались в толпе возгласы. И самые осведомленные рассказывали, что Господь волей своей прислал сих воинов из земель незнаемых, чтобы помогли они свершиться Божьему Суду и наказали Вильгельма, герцога Нормандского, за ложь его и стремление отобрать у законного государя королевство Английское. Оружие же у них волшебное, данное им самим архангелом, ибо нет на земле другого такого по мощи и дальности стрельбы.

А в конце шествия, заставляя вновь умолкнуть ликующие крики, тянулись несколько запряженных волами телег. На первой везли лежащее в открытом гробу тело младшего брата короля, Леофвайна, на следующих — нескольких наиболее знатных эрлов, а на последней, нисколько не отличающейся от других, но накрытой тканью с вышитыми нормандскими львами — виновник всего, Вильгельм Бастард.

Триумфальное шествие закончилось у стен Лондона, где встреченный делегацией горожан во главе с архиепископом Стигандом, король распустил оставшееся ополчение. Там же он велел объявить, что собирает через две недели Совет мудрых, на котором приняты будут новые решения об улучшении жизни в Англии. После этого, торжественно отпев, похоронили всех, привезенных в Лондон убитых в специально отведенных местах около и внутри недостроенного храма Вестминстерского аббатства. Над могилой Вильгельма поставили временный деревянный мавзолей, покрашенный в черный цвет, с надписью

латынью: 'Cario serpi maximus, alias Deus vult'...

Полковник Бошамп с удовольствием вернулся в бывший норвежский горд, получивший уже название Бэкфорт, сильно изменившийся за время его отсутствия. Капитан и его подчиненные не теряли времени даром, кроме укреплений и основного дома, в форте появилось несколько хозяйственных построек, в том числе кузница и большой, разделенный на офицерскую и солдатскую части, общественный туалет. Неподалеку от Бэкфорта, на берегу Темзы закладывалась огромная, по средневековым понятиям, верфь. Согнанные с окрестностей королевские гебыры пока расчищали местность и рыли ямы под фундаменты. Очень кстати оказались военнопленные, незнатную часть которых бросили на эти работы.

В первый день полковник дал всем, прибывшим с поля боя и остававшимся на месте, отдых. Но уже днем второго дня он собрал офицеров на совещание.

— Итак, джентльмены, мы победили в войне. Но этого мало. Теперь мы должны победить мир. Прошу вас, капитан, зачитайте нам собранные списки.

— Господин полковник, господа. Мы имеем в настоящее время наличии двести семьдесят два человека личного состава. Как всем вам известно, мы потеряли за это время пятерых человек, из которых четверо убиты во время сражения, один умер от неизвестной болезни. Личный состав, согласно полученных опросом данных имеет следующие профессиональные навыки: кадровых офицеров — четыре, в том числе господин полковник Бошамп, капитан Бек, то есть ваш покорный слуга, лейтенанты Гастингс и Кроуфорд, сверхсрочнослужащих военных, не имеющих гражданских профессий — десять, — и капитан перечислил всех поименно, весь личный состав волонтерской роты, от юристов и лингвистов до инженеров, яхтсменов и кузнецов, овцеводов и фермеров. Затем, также неторопливо он зачитал предложения о необходимых новациях, которые предполагалось внедрить в королевстве.

— Что же, джентльмены, — полковник был явно доволен, — мне теперь есть, что конкретно предложить Его Величеству. Может быть, у кого-то будут какие-нибудь дополнения?

— Разрешите, господин полковник, сэр? — спросил лейтенант Янг. Полковник мысленно чертыхнулся. Капитан Бек уже неоднократно напомнил ему, что лейтенант Янг до сих пор не приемлет все случившиеся и скептически смотрит на возможности изменить что-нибудь 'у этих дикарей'.

— Говорите, лейтенант.

— Господин полковник, сэр! Джентльмены! Разве вы не видите, что нам нет места в этом мире? Это не наша страна и не наше время. Нам надо искать возможности возвратиться назад, а не заниматься сомнительными экспериментами...

— Извините, что перебиваю вас, мистер Янг. Но ваше мнение неконструктивно и никак не может нам помочь. Дороги назад для нас нет. И как бы мы не переживали об этом, надо жить здесь и сейчас.

— Но, сэр...

— Приказываю вам замолчать, лейтенант. Все рассуждения на эту тему запрещаю. Особо запрещаю вам высказывать нечто подобное нижним чинам. Вам все понятно, лейтенант?

— Слушаюсь, господин полковник, сэр, — лейтенант сел на место, несколько не убежденный, но пока еще подчиняющийся дисциплине. 'Надо будет озадачить Кроуфорда, чтобы он организовал постоянное наблюдение за этим типом. Неизвестно, какой фортель он может выкинуть. Тем более при его гражданской профессии — редактор газеты. Всегда считал газетёров никуда не годными людишками. Жаль убедиться в этом воочию' — пронесшиеся в голове сэра Горация мысли никак не отразились внешне, но похоже, лейтенант что-то уловил и постарался принять более заинтересованный вид...

Пока сэр Гораций занимался политикой и прогрессом всего королевства, капитан Бек решал множество свалившихся на него проблем. Иногда им овладевала недостойная офицера и джентльмена слабость и хотелось взвыть от их обилия, а, самое главное, от нелепости

некоторых из них. Нет, ну заставлять кадрового английского офицера командовать производством кирпича или постройкой корабля, это еще можно понять, но решать еще проблемы теологии... Конечно, он, как полагается, верит в бога и всегда выполняет все положенные обряды, но то, с чем к нему пришел капрал Годдем...

— Господин капитан, сэр! Опять недовольные, сэр. Рядовые Бэкхем и Роллс, сэр. Утверждают, что ни за что не будут выслушивать папистские и ортодоксальные бредни отца Тука, сэр!

— Так папистские или ортодоксальные? Насколько я помню, они противоположны. Черт побери, Бэкхем и Роллс у нас что — дипломированные теологи? По списку они проходят как фермеры, если не ошибаюсь. Так, капрал?

— Так точно, господин капитан, сэр! Но они...

— То есть, не будучи теологами, они лучше, чем служители церкви разбираются в ее догматах? Сержант Кроун, вызовите ко мне лейтенанта Томсена, а вы, капрал, приведите рядовых.

— Есть, сэр!

Выражение лица подошедшего к капитану Беку Томсена было отнюдь не радостным. На нем и еще двух волонтерах, лейтенанте Торде и вольноопределяющемся Этторни, лежала одна из важнейших задач — создание единого кодекса законов королевства Английского. Томсен, вместе с несколькими монахами, таном Арчибальдом и дядей короля, эрлом Элдредом занимался сбором и переводом для будущего кодекса основных законов и обычаев англосаксов. Работа объемная, требующая сосредоточения, поэтому любое отвлекающее от этого задание Томсен встречал не то чтобы 'в штыки', но, мягко говоря, неодобрительно. Но услышав изложенную проблему, он сразу задумался и через несколько мгновений, когда вызванные рядовые доложились о прибытии, сказал:

— Надо признать, что рядовые в чем-то правы, господин капитан, сэр. Средневековая английская церковь — одновременно и ортодоксальная, и католическая. Она признает решения первых шести Вселенских Соборов. В то же время признается главенство Римского Папы, как первосвященника. Именно он утверждает епископов в должности. Но архиепископ Стиганд, например, занимает свою должность без его утверждения. Да и Патриарх Константинопольский тоже признается...

— Мне нужно четкое объяснение — англиканская церковь от э — э... англиканской отличается? Или нет? — взгляд капитана был настолько красноречив, что Томсен понял его мысль без слов:

— Практически нет, господин капитан, сэр!

— Ну вот. Развели рассуждения на целый научный труд. Тут вам не университет, тут думать надо, — капитан повернулся к рядовым и осмотрел их с ног до головы, заставив их вытянуться по стойке смирно. — Все ясно, рядовые? Никакой ереси в словах отца Тука нет. Понятно?

— Но, господин капитан, сэр... — видно было, что аргументы Томсена не произвели на Энди Бэкхема никакого впечатления или вообще остались за пределами его восприятия.

— Молчать! Не поняли, что я вам объясняю?! Повторяю еще раз, для слишком умных — английская церковь — не еретическая! И отец Тук — заслуживающий уважения священнослужитель, присланный в нашу роту самим архиепископом Кентерберийским! Для тех, кто этого не понял — три наряда на кухню вне очереди, лишение увольнения в город на неделю и пять часов строевой подготовки дополнительно! Все ясно, рядовые? Сержант, внести мое распоряжение в книгу приказов. Ответственный за проведение занятий — капрал Годдем. Капрал, уведите наказанных!

— Есть, сэр.

— А вас, лейтенант Томсен, попрошу пройти со мной, — капитан произнес эти слова таким тоном, что собиравшийся протестовать Томсен молча последовал за ним. Выйдя во двор, капитан продолжил. — Лейтенант, мы с вами не в университете. Отвыкайте от этих студенческих привычек. С одной стороны, да с другой стороны... Нам не хватает только

богословских споров, а то и какого-нибудь возмущения солдат. Поэтому срочно составьте небольшой вопросник, в котором доступно объяснялось бы, что никакой ереси в средневеков... тьфу, современной английской церкви нет. Вы поняли, лейтенант?

— Так точно, капитан, сэр! Разрешите привлечь к этому делу отца Тука?

— А это уже на ваше усмотрение, Томсен. Привыкайте к тому, что вы офицер, а не вольноопределяющийся и не штафирка, и должны сами принимать решения.

На этом капитан и лейтенант расстались. Но через три дня Бэкхем и Роллс сбежали. Поиски, проведенные специально выделенным отрядом под командованием лейтенанта, результатов не дали и беглецов просто вычеркнули их списков роты...

— Финч, ты ничего не знаешь, куда могли смыться Бэкхем и Роллс, точно? Вроде бы они последнее время с тобой часто болтали.

— Никак нет, сарж. Ничего не могу сказать, кроме того, што они действительно уговаривали меня бежать с ними. Но ни на того напали, сэр. Я их отговаривал от дезертирства. Некуда бежать, я это уже понял, пока мы по стране маршировали туда и обратно. Народ здесь дикий и мы никому не нужны. Они согласились с этим, сэр. Но видимо только, чтобы меня успокоить, сарж.

— Вроде бы не врешь. Смотри, если вдруг выяснится, что ты в их бегстве замешан — сгною.

— Сарж, чо я совсем дурной чтоле?

— И не придуривайся мне. А то опять вроде бы я ни я и лошадь не моя. Свободен... пока.

Финч с обиженным видом стоявший напротив сержанта Уилмора, развернулся и продолжая даже спиной показывать свою обиду на возведенную на него напраслину, пошел в казарму...

В парижском шато герцога Фландрского, ныне — регента малолетнего французского короля Филиппа Первого, письмо выслушали с большим вниманием. Балдуин, посовещавшись с советниками, решил назначить Большой Королевский Совет, который и должен был принять решение о помощи Нормандии. Как не хотелось герцогу помочь своей дочери, единоличное решение принять он не мог — слишком много недовольных политикой Гильома владетельных сеньоров было в Королевстве Французском, да и прямые королевские вассалы были бы отнюдь не в восторге, узнав о необходимости умирать за нормандцев. Так что приходилось созывать Совет и думать, как склонить его решение в свою пользу.

Конечно, король Филипп Первый, при его малолетстве и беззаботном характере, не станет противиться воле регента, да и мать его, королева Анна Русская, дочь киевского князя Ярослава, выходя вторично замуж, после смерти короля Генриха договорилась с Балдуином о невмешательстве в дела Королевства Французского. Даже ее муж, граф Рауль де Валуа, поддержит любые действия регента. Но такие недруги норманнские как граф д'Эвре, герцоги Анжуйский или Бургундский вполне могли не только саботировать решение, но и вообще уговорить Совет отказать предоставить военную помощь Нормандии. К тому же война в Нормандии не сулила ни особой добычи, ни славы, так что большинство вассалов скорее всего и при положительном решении не особо будет стремиться поучаствовать в ней, изобретая всевозможные причины для уклонения. К тому же старый, хотя и угасший на время конфликт Фландрии с императором сковывал силы самого герцога, заставляя охранять свои земли и не позволяя выделить большие силы для других задач.

Но созвать совет так и не удалось. Пришло известие, что герцог Бретонский объявил Нормандии войну и, пользуясь превосходством своих сил, осадил и взял город Доля, схватив тамошнего епископа, брата ранее захваченного барона Руаллона. После чего его войска с трудом, но форсировали занесенное песком устье реки Куэнон и вышли к замку Бёврон, защищающему проход в одноименную долину. Гарнизон замка, усиленный за время осады Доля и неторопливого передвижения бретонцев, закрыл ворота и отказался сдаться. Бретонцы же, зная, что помощь осажденным в ближайшее время прийти не сможет, не

только осадили замок, но и отправили часть воинов грабить и разорять долину, так что сейчас дымы и пожарища отмечали места, до которых добрались бретонские лучники и ваввасоры.

Не успел Балдуин Фландрский и его советники решить, что же делать, как пришли еще более ошеломляющие известия. Ги Понтейский, как один из потомков Ричарда Нормандского, заявил о своих правах на герцогскую корону, начал собирать войска, а его личная дружина внезапным налетом захватила незащищенный город Э. Само собой, никаких грабежей и насилий в городе, жителям и вассалам, признавшим притязания Ги, обещаны многие привилегии и послабления. В результате к нему уже присоединились несколько баронов и даже виконт города Э. Вестники говорили, что понтейцы заняли только баронство Э, но было ясно, что накопив достаточно сил и сторонников, они двинутся прямо на Руан.

К тому же на берега Нормандии обрушилась еще одно бедствие — англичане. Несмотря на начало зимних штормов они неожиданно для всех пересекли море и небольшими отрядами нападали на прибрежные деревни, угоняли людей и скот, грузили на корабли, и увозили в Англию. Обороняться нормандцем нечем, весь их флот составляли не более сотни уцелевших после вторжения в Англию кораблей, незначительные оставшиеся войска стягивались к Мортену и, последнее время, к Руану. Началась паника. Кончились недолгие мирные дни Нормандии, возвратились времена безумных страстей и кровопролития. Знать забаррикадировалась в своих домах и замках, прелаты предавались многословию в своих церквях. Чуя поживу, со всех ближайших земель слетались стаи ворон в нормандские земли. Люди, охваченные ужасом, бежали кто куда, ища укрытия и мира. Вестники несчастий, беженцы, добравшиеся до Иль-де Франса и Парижа рассказывали об этом со слезами на глазах.

Большой Королевский Совет, как обычно, собрать в полном составе не удалось, большинство герцогов и графов проигнорировало приглашения. Пришлось Балдуину объявить весенний сбор своих фландрских воинов и, как королевскому регенту, вассалов Иль-де Франса. Посланные к графу Анжуйскому, графу Блуа и графу Шампани посланцы вернулись с весьма уклончивыми ответами.

Единственным спасением нормандцев стала зима. Зимние шторма и вьюги на время прервали сообщения и войска убрались на зимние квартиры, оставляя за собой выжженные деревни и города, валяющиеся поживой для ворон и волков неубранные трупы и торчащие из сугробов стены полуразрушенных, взятых штурмом, городов.

Но перед самым началом зимних штормов англосаксонские войска успели дать бой понтейцам и норманнам неподалеку от небольшого городка Бовилль.

Отряд понтейцев и местного нормандского ополчения, около тридцати конруа, под командованием коннетабля Гоше де Мармезона, получил известие, что до трех сотен англов напали на небольшой прибрежный городок Бовиль и разграбили его. Отряд устремился в погоню за англичанами, которые были обременены обозом. Обнаружив, что их настигают, английский командир, капитан Вулфрик повел свой отряд к ближайшему холму неподалеку от леса, где и составил из телег обоза вагенбург. Тогда подошедший противник обстрелял вагенбург из луков, затем попытался взять его атакой спешенных тяжеловооруженных всадников. Но, понеся потери под ответным обстрелом из арбалетов и не сумев взойти на укрепление из телег, пуатевенцы в беспорядке отступили. Тут же они были атакованы с тыла. Оказалось, что англичане выделили половину батальона в специальный отряд, который просочился лесом в тыл противника, где и дождался благоприятного момента. В результате отступление противника превратилось в бегство. Конные англичане, вопреки тогдашним обычаям, гнали разбитые войска несколько лье, беспощадно убивая всех, не сумевших сбежать или укрыться. Разгром был полным, слухи о нем разошлись по всем окрестным землям, вселяя страх перед английскими набегами.

Между тем вести, как пожар переносились из деревни в деревню, из городка в городок. Достигли они и границ Священной Римской Империи Германской Нации, причем чуть ли не

раньше, чем добрался до императорской ставки гонец, посланный нормандцами. Полученные известия о разгроме стали очередной охапкой дров в разгорающийся костер борьбы между светской (император и его советники) и духовной (в лице римского папы и поддерживающих его епископов) властями. В этом рыхлом государственном образовании, возникшем около ста лет назад Оттоном, объединявшем с помощью обычаев и памяти о древней всеевропейской Империи Рима множество государств Центральной Европы и Италии, почти все время беспорядок соответствовал его размерам. Города рвались из-под власти сеньоров, рыцари — из-под власти князей, князья — из-под власти императора. Все это дополнялось сепаратизмом иноплеменных, не германских государств, стремившихся отделиться от чужеродного образования. Значительной силы достигла империя при Генрихе III Франконском, воспользовавшемся моментом, когда еще не успела окрепнуть папская власть. Он был полным господином Италии, свободно распоряжался судьбой папского престола, но вызвал страшную реакцию, едва не погубившую его преемника. Борьба между папством и императором нанесла тяжелый удар империи, понизив значительно ее обаяние и внушив Италии, вместе с германскими князьями, доверие к своим силам. И поражение нормандского герцога, вроде бы не изменив

После первых же слухов о поражении нормандского вторжения, которое, как всем было известно, поддерживалось и вдохновлялось папой римским, в императорскую ставку начали понемногу собираться имперские князья и епископы.

Поэтому прибывший из Руана гонец зачитывал свое сообщение перед внушительным собранием вельмож. Сразу же после его отбытия фактически управляющий империей епископ Адальберт пытался созвать церковный собор, но под напором недовольных князей объявил, что собор будет общеимперским.

На Ахенском Соборе неожиданно для многих сам Адальберт Бременский поддержал требования о признании истинным папой Гонория Второго и необходимости отрешения сидевшего в Риме Александра Второго, как антипапы, воюющего против христианских народов и государей, противно воле Господней пытающегося заменить собой власть императора и неспособного справиться с делами церкви. Собравшиеся на отдельное заседание церковные иерархи обсудили этот же вопрос дополнительно. После бурного обсуждения, настолько бурного, что малолетний император вынужден был прятаться за спинкой трона, а в зал вводились императорские войска, это предложение было принято. В постановлении Церковного Отдела Ахенского Собора впервые появился впоследствии часто цитировавшийся абзац о двойном подчинении церкви: 'Подобно человеку, состоящему одновременно из смертной земной плоти и бессмертной души небесной, церковь есть одновременно сад земной и сад небесный. Посему она подчиняется в сей земной юдоли земным же установлениям, отдавая кесарю кесарево, а в небесной — небесным, давая Богу Божье...'

Опираясь на эти постулаты, Собор признал законность интронизации епископов Императором, превратив их своим решением в светских князей, подчиненных имперской власти. Но постановление собора ставило самих епископов в двусмысленное положение, поскольку папа римский не при каких обстоятельствах не признал бы его постановлений. Поэтому многие, проголосовав за принятые решения, тут же фактически отказались от их выполнения, признавая законным папой Александра Второго. И здесь, как и в Нормандии, начали собираться войска, создаваться союзы и готовиться к междоусобной войне, начало которой задерживал только приход зимы.

В Латеранском дворце, да и в самом городе Риме, эти же известия вызвали не меньший переполох. Рассказывали, что узнав о решениях, принятых в Ахене, епископ Кельнский Анно Второй, добившийся в тысяча шестьдесят втором году поддержки папы Александра и уже несколько лет живший в Риме, срочно, несмотря на зимнее время, отправился в Империю. Но до Ахена он так и не добрался, пропал в пути. По некоторым сведениям, караван, в котором ехал епископ, попал в Альпах под лавину.

В самом же Риме кардиналы перегрызлись между собой. Кардинал-канцлер Гильдебранд, сторонник идеи главенства пап, продолжал поддерживать Александра Второго, но некоторые из итальянских кардиналов и, особенно, кардинал Бурхард, немец по происхождению, тайно связались с антипапой Гонорием Вторым, смиренно проживавшем в Парме и предложили восстановить его на папском престоле.

Собравшийся через три дня после возвращения в Лондон в королевском замке небольшой кружок ближайших советников короля, стихийно сложившийся во время похода против норманнов и уже получивший наименование Малого Королевского Совета с напряженным вниманием слушал выступающего сэра Хорейса.

— ... Для этого и упросил я, Ваше Величество отдать мне Бошемшир во владение. Поистине, огромные преимущества, имея возможность производить столько железа, сколько нам будет угодно. Одна торговля сталью, оружием и изделиями из него принесет огромные доходы казне королевства английского.

— Это все хорошо, но как кормить работников будем? Не хватит, мыслю я, нам всех податей королевства нашего, для содержания нужного сэру Хорейсу числа работников, — скептически настроенный советник короля, Арчибальд из Уэссекса высказал свои опасения, преданно смотря на короля.

— Ваше Величество, один только новый способ хранения рыбы, предложенный моими знатоками, позволяет вдвое увеличить число едоков, — возразил Бошем.

— Сие верно, — поддержал сэра Хорейса Гирт. — Я сам рыбу такую пробовал и скажу, что вкус ее все ранее пробованное мной превосходит, а хранится она может, как мыслю я, так долго, как нужно будет.

— Это конечно хорошо, но как мы ее добывать будем? — советник пытался найти слабые места в аргументации новоиспеченного эрла.

— Уже добываем, Арчибальд, — на этот раз сам король поддержал сэра Горация. — Люди сэра Хорейса во многих искусствах искусные, умеют и приближение шторма предсказать. Посему выходят в море рыбаки, когда предсказано, что оно тихим будет.

— Рыба сия вельми вкусна, — добавил Гирт с таким видом, что все невольно улыбнулись.

— Ну, коль брат мой заговорил о еде предлагаю прерваться на трапезу, — предложил Гарольд, вставая.

Вслед ему все вышли из-за стола, красивого, не обычного для средневековья вида 'столешица на козлах', а 'викторианского стиля', изготовленного сэндригемцем — рядовым Смитом.

Едва все утолили первый голод, как в зал вошел знаменитый скальд, норвежец..., и подойдя к возвышению, поклонился королю.

— Разреши, Ваше Величество, порадовать тебя и твоих новой песней?

Король, переглянувшись с сидящим напротив Стигандом и улыбнувшись, ответил:

— Давно в сем замке новых саг не слышно было. Спой же.

— Сага о сэре Х. Бошеме и его славных сэндригемцах! — громко объявил скальд и, заиграв, запел:

— Воевал он с дружиной в далеких местах —
Вольный сокол не знает застав.
И бойцам он дружинным законы писал —
Хочешь Бошема слышать устав?
'Воин должен оружие холить свое
И начальника слушать приказ.
А иначе склюет твой отряд воронье
Враг побьет вас, забывших наказ'...
Так он плыл по могиле из пенистых волн,

От победы к победам иным
Но хранил он печаль по английской земле
И архангел предстал перед ним.
'Отправляйся домой, сэр Хорейс' — он сказал:
'И спаси доброй Англии честь
Потому что коварный нормандец напал
Больше некому сбить его спесь'...
Грохотали лиэльфы, звенела стрела
Что пронзала доспехи врагов.
И бежал враг туда, куда доля вела
Побежденный 'стеною щитов'...

Песнь была длинной, так что пирующие успели не только хорошо поесть, но и несколько раз выпить, прежде всего — за здоровье благородного и храброго сэра Хорейса и его не менее храбрых сэндригемцев.

А по окончании пира совет продолжился. Сэр Гораций охрип, перечисляя все, что надо изменить или ввести в королевстве Английском, но страдал не зря. Большая часть его предложений была принята, а на собравшемся позднее Совете Мудрых — одобрена. Понятно, что решению Совета очень помогли стоящие на страже по периметру зала хускарлы и рыцари сэра Хорейса. Так появились 'Королевский Кабинет Комиссаров', 'Совет по переписи богатств и народа английского', 'Комиссия по делам военным' и много иных, больших и маленьких новшеств, введенных мудрейшим и славнейшим в веках Гарольдом Вторым Феликсом, Великим Повелителем Англии и Шотландии, Уэльса и Корнуэлла, эрлом Уэссекса, Суссекса, Кента, Соммерсетшира и Ольстера, Императором Лайонесса, добрым и миролюбивым правителем, благочестивым и почитавшем епископов и аббатов православным христианином, покровителем монастырей, приветливым с добрыми и суровым со злодеями королем, установившим единые законы и требовавшим, чтобы его эрлы и шерифы беспощадно истребляли преступления в своих землях.

Перемены начинались понемногу, но сразу в нескольких направлениях сразу, как вода реки, просачивающаяся через затор льда во время ледохода. Глядишь, ударили в нескольких местах струйки, резко усилились, слились в один могучий поток и уже несут ничего не понимающие льдины, только что гордо перегораживавшие им путь, вниз по течению, вдоль берегов...

— Ты, как прежде, думаешь, что опасаться мне сэра Бошема необходимо? — Гарольд встал и в два шага преодолев небольшую по размерам комнатку, резко повернулся у самой стены. Сидящий за столом, с разложенными на нем свитками книг, советник молча наклонил голову.

— И все же ты не прав, Арчи, — король явно был в хорошем настроении и склонен поговорить. — Кто такой сэр Хорейс? Неизвестный никому тэн якобы из Норфолка. Да, у него мощный отряд, способный разбить в бою все наше ополчение. Ну и что? Ни один эрл не пойдет за ним, а без поддержки Совета Мудрых он — никто. Править Англией с помощью двух сотен и полсотни людей невозможно. Следовательно, он мне не соперник. Лучше твои соглядатаи пусть за сторонниками Эдгара Этелинга смотрят. Они у меня больше опасений вызывают. Да и мои родственники что-то не спешат свою сестру и своего короля проводить. Что о них слышно?

— Ваше Величество, — заметив гримасу на лице Гарольда, Арчибальд поправился, — милорд, они видимо считают, что ни ваша победа, ни ваше поражение ничего не меняют в их положении. Сейчас они распустили фирд и зимуют в своих землях. Соглядатаи не могут узнать, собираются ли они весной прибыть в Лондон. Да и никаких признаков того, что сии эрлы вашу полную власть признают, тоже не замечено, милорд.

— Что же, если эрл не идет к королю, то король может прийти к эрлу, — произнес эту фразу, Годвинсон подошел к столу и взял стоящий на нем кубок. Отпив, он вытер усы и

внимательно посмотрел на лежащий перед советником развернутый свиток.

— Это то, о чем я думаю? — спросил король.

— Да, милорд, первые записи переписной книги. Лондон и Саутуорк, первые сведения. — И как все проходит?

— Все хорошо милорд. Только назвали сию книгу уже 'Книгой Страшного суда', за присягу о том, что переписываемый будет говорить только правду, как на Страшном Суде. И слухи в деревнях и шайрах ближних уже расходятся о ней, мой господин.

— Не страшно сие, мой добрый советник, не страшно. Пусть говорят, что хотят, лишь бы от переписи не уклонялись. А помощь, которую Стиганд обещал нам, сии слухи преодолееет. Да поведай, а где он сейчас, он ведь опаздывает на встречу с нами? — Мне донесли, милорд, что он последнее время с одним блаженным, что на паперти Вестминстерского аббатства появился, беседует часто.

— Что за блаженный? Отколь возник?

— Отколь появился — неведомо. Похож на сильно израненного воина из войска норманнского, да и говорит сходно с французами. Очень его слова архиепископу понравились, поелику призывает он церковь нашу из влияния папского убрать и главой английской церкви сего архиепископа сделать.

— Сие мне понятно. Что же, если Стиганд сумеет нашу церковь английской подлинно сделать, я его поддержу. — оба, король, и советник понимающе улыбнулись. — Но ты мне так и не сказал, что за вести корабль из Руана привез. Надо же, штормов не убоялись и сумели Серое Море зимой одолеть.

— В Нормандии беспорядки, милорд, о сем они поведали. Даже в Руане беспокойно, сторонники Роберта и Ги Понтейского оружно временами бьются на улицах. А вот бретонцам повезло, я мыслю. Слуги герцога Конана составили заговор против своего господина, собираясь отравить его прямо среди лагеря воинского. Заговор разоблачили, виновных повесили, а заодно и Руаллон с Кадуаллоном повешены были. Ходят слухи, что Бастард сей комплот организовал, еще когда собирался на нас войной, а некоторые говорят — Матильда на сие отважилась, видя неминуемую беду Нормандии от действий герцога. Взбешенный герцог поклялся, как утверждают, отмстить и внимания ни на зиму, ни на потери не обращая, замок Боврон приказал штурмом взять. Теперь его войска разоряют земли Авранша и Контантена, а замок взят в осаду. Но это еще не все, милорд, говорят, что от имени короля французского в сию смуту свои силы и Балдуин Фландрский бросить собирается. Слухи о сем разные ходят, милорд. Кто-то речет, что за Матильду и ее сына он вступится, а некие считают, что хочет он разделить герцогство сие между своими вассалами и вассалами короля французского...

'Нейстрия (фр. Neustrie, лат. Neustria, англ. Neustry) — королевство, конституционная монархия с 1815 г. Входит в состав Франкской Конфедерации. Член Католической Лиги.[...] История.

Первоначально так называлась юго-западная часть франкского королевства Меровингов со столицей в Лютеции (ныне — Париж). Охватывала области между реками Шельдой и Луарой. Как отдельное королевство, Н. образовалась в 567 г., после нескольких разделов земель между сыновьями Хлотаря. В 719 году полностью потеряла самостоятельность и вошла в состав франкской монархии. После распада Каролингской империи стала частью королевства Франции (см....) [...] По своему географическому положению приморская часть Нейстрии более других частей Франции подвергалась опустошительным нападениям норманнов. В конце IX века во главе вторгавшихся в северную Францию норманнов встал Роллон или Рольф (Hrolf), сын Рогнвальда. После нескольких вторжений Роллон прочно утвердился в северной Нейстрии, которая получила имя 'Нормандия'. [...].

Восстановлено королевство в 1184 г., после знаменитой битвы у Орлеана. [...]'
Talbooth 'Encyclopedia Maxima mundi', vol. XV, London, 1898 г.

'Священная Римская империя (с 1212 г. — Священная Римская империя германской нации) (англ. Sacred Roman Empire, лат. Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae, нем. Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation) — государственное образование, существующее с 962 года и объединяющее территории Центральной Европы. В период наивысшего расцвета в состав империи входили Германия, являвшаяся её ядром, северная и средняя Италия, Швейцария, Бургундское королевство, Нидерланды, Бельгия, Чехия, Силезия, Эльзас и Лотарингия. С 1134 года формально состоит из трёх королевств: Германии, Италии и Бургундии. С 1135 года в состав империи вошло королевство Чехия, официальный статус которого в составе империи был окончательно урегулирован в 1212 году.

Империя была основана в 962 году германским королём Оттоном I Великим и рассматривалась как прямое продолжение античной Римской империи и франкской империи Карла Великого. Процессы становления единого государства в империи за всю историю её существования так и не были завершены, и она остается децентрализованным образованием со сложной феодальной иерархической структурой, объединяющей несколько сотен территориально-государственных образований. Во главе империи стоит император. Императорский титул не наследственный, а присваивается по итогам избрания коллегией курфюрстов. Власть императора никогда не была абсолютной и ограничивалась высшей аристократией Германии, а с конца XV века — рейхстагом, представлявшим интересы основных сословий империи.

В ранний период своего существования империя имела характер феодально-теократического государства, а императоры претендовали на высшую власть в западном христианском мире. Усиление папского престола и многовековая борьба за обладание Италией при одновременном росте могущества территориальных князей в Германии значительно ослабили центральную власть в империи. В период позднего Средневековья возобладали тенденции дезинтеграции, угрожающие превратить Священную Римскую империю в конгломерат полунезависимых образований. Однако осуществлённая в конце XV — начале XVI века 'имперская реформа' позволила укрепить единство страны и сформировать новый баланс власти между императором и сословиями, позволившей империи относительно успешно конкурировать с национальными государствами Западной Европы. Кризис Реформации и Тридцатилетней войны был преодолен ценой дальнейшего ограничения власти императора и превращением общесословного рейхстага в главный элемент имперской конструкции. Империя нового времени обеспечивает сосуществование нескольких конфессий в рамках единого государства и сохранение самостоятельности её субъектов, а также защиту традиционных прав и привилегий сословий, однако она потеряла способность к экспансии, усилению центральной власти и ведению наступательных войн. Развитие крупных немецких княжеств по пути внутренней консолидации и становления собственной государственности входит в противоречие с застывшей имперской структурой, что в XVIII веке едва не привело к параличу центральных институтов и развалу всей имперской системы. [...]'

Talbooth 'Encyclopedia Maxima mundi', vol. XVII, London, 1898 г.

Глава X

И застыла на мгновенье ночь на ранах дня

*Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы
трудных повестий о полку Игореве...*

Лето шесть тысяч пятьсот семьдесят первое сотворения мира начиналось при столь неблагоприятных знаменьях, что не один летописец занес их в свои рукописи: 'Знаменья бо в небеси, или звездах, ли солнца, ли птицам, не на благо бывает, но знаменья сице на зло бывает, ли проявление рати, ли гладу, ли смерть проявляют'. И правы они были, так как князьи убоицы на Руси не прекращались. Не успели Ярославичи в прошлом году порадоваться смерти смутьяна Ростислава, отравленного греками в Тмутаракани, как вслед ему выступил против Ярославичей Всеслав Брячиславич — князь полоцкий. Он решил укрепить свое княжество землями Псковскими и Новгородскими. В прошлое лето шесть тысяч пятьсот семидесятое напал он на Псков, но не смог взять его. На этот же год внезапно подступил к Новгороду 'в силе тяжкой'. Полоцкое войско ворвалась в город, захватив его на короткие три дня. Всеслав даже на стол хотел сесть, но новгородцы отказались принять его князем. Понимая, что против воли Господина Великого Новгорода князю в городе и в землях его не удержаться, ушел Всеслав. Но перед уходом полоцкая рать пошла по дворам, грабя и захватывая жителей в плен, уводя их для заселения своей земли и на продажу, грабя дома и храмы. Всеслав не пощадил и храма святой Софии Новгородской — приказал снять с нее колокола и увезти к себе в Полоцк, а из самого храма люди Всеслава вынесли все самое ценное, даже паникадила.

И снова поскакали по Руси гонцы, передавая вести князей друг другу. Что делать, куда направить войска? На юге беспокойно живет Тмутаракань, тревожат границы русской земли своими набегами половцы. На севере Всеслав, совершив дерзкий поход, мрачно сидит в своем Полоцке, ждет, что будут делать Ярославичи. Нет власти княжеской в Ростове и Суздале, Владимире-Волынском и Смоленске. Пусты их престолы и неизвестно, кто станет там править. А ведь как просто и удобно продумано было 'лествичное право' по которому вся Русь считалась вотчиной Ярослава рода и менялись князья по старшинству на столах княжеств. Старший же в роду князь сидел на киевском столе и звался Великим. Но взыграла гордость у князей, и стал каждый из них говорить: 'Это мое, и это мое тоже'. Нарушился завещанный Ярославом порядок, сильные князья обижали слабых, каждый хотел получить край побогаче и оставить его своим сыновьям. Сидящий же в Киеве Изяслав, старший в роду Ярославичей, никак не мог или не желал обуздать княжью вольницу. К тому же не слишком уверенно сидел он на столе своем, недолголюбивали его киевляне за любовь к латынянам, за множество советников из земель ляхских вокруг него. Еще за несколько лет до этого монахи Печерского монастыря выражали великому князю свое недовольство. Запершись в уединенной келье, Антоний вещал братии, что великие напасти ждут Русь, если она преклонит колена перед еретиками.

Старший брат Изяслав уступал среднему Святославу в силе воли, и Святослав никогда не щадил старшего ни словом, ни делом, командуя Великим Князем Киевским при любой возможности и по любому поводу. Третий брат, Всеволод, князь Переяславский, самый из всех троих умный, начитанный, знающий, оглядывался на старших, стараясь быть с обоими в дружбе, но не более того. К тому же, будучи женат на дочери византийского императора, он был тесно связан с греческими иерарахами в русской церкви и с подозрением относился к пристрастиям старшего брата. Семена раздора, посеянные в христианской католической церкви ссорой из-за 'filioque' в году шесть тысяч пятьсот пятьдесят девятом, всего дюжину лет назад при Римском Папе Льве IX и Патриархе Константинопольском Михаиле Келурарии, успели прорасти к этому времени пышным цветом.

В Тмутаракани к весне наконец воцарился мир, Глеб вернул себе престол, но тревога на Руси не утихла. В Переяславском княжестве готовились к войне с Всеславом. Прославленный как ведун, князь внушал сильные опасения своим противникам, поэтому Ярославичи решили напасть на него все вместе и только после тщательной подготовки.

В то лето сыну Всеволода, Владимиру Мономаху исполнилось тринадцать лет. Старший сын князя Всеволода родился в шесть тысяч пятьсот пятьдесят девятом году, еще при жизни Великого князя Ярослава. Именами своими новорожденный мог гордиться. Впервые, называли его по деду Владимиром. По старому русскому обычаю имя это давали

вождям. По крещении же получил он греческое имя Василий. Тоже непростое, славное имя, в переводе с греческого — властелин земли, а если перевести на русский — опять же Владимир. Третье имя — прозвище дали по деду с материнской стороны. Отец матери был базилевс византийский Константин по прозванию Мономах, и внук стал Мономахом.

Говорил в те дни отец Владимиру, чтобы никогда не полагался он на воевод и разных служилых людей, а чтобы во всем надеялся только да себя: 'Сам не проверишь, сыне, сторожи, крепости, оружие, — никто за тебя это не сделает. Передоверишься людям — не оберешься беды. Князь должен быть хозяином во всем. Когда сам станешь править, то поймешь, что ныне власть нельзя сохранить только честью. Избави тебя господь, сыне мой, но думаю, что и тебе придется испить горькую чашу душевных мучений, когда станешь выбирать свой путь в борьбе с врагами. Власть любит людей, которые способны идти без оглядки. Увы, но власть любит также людей скрытных и лстивых, коварных и смелых. Зри — простодушие, искренность и власть никогда не идут вместе. Переменчива жизнь. Вчера мы были победителями, завтра побили нас. Так будет в жизни всегда. Она поворачивается как колесо — то счастливой, то несчастливой стороной, и все катится и катится вперед. И если плохо тебе придется в жизни — не унывай, знай, что повернется снова колесо жизни и засияет для тебя солнце. Потому и не скучно людям жить, все время они между радостью и страхом, между отчаянием и надеждой'. Всеволод ласково смотрел в глаза сына, усмехался. 'Ну а пока выкинь это из головы, молод ты еще для этих мыслей. Зане обязательно запомни: пока смерд у тебя имеет избу, пока он сыт и при коне, орает землю, до тех пор будут у тебя люди в полку, будет хлеб в твоих княжеских амбарах и мед в твоих медушах. Но коли обнищает и разорится смерд — тогда и княжескому хозяйству грозят неисчислимые беды'. Владимир запоминал, стараясь приложить слова отца к жизненным ситуациям, копил в памяти поучения, как другие копят куны, понимая, что не зря отец так разговорчив с ним. Возможно, тогда и зародилась у него мысль о письменном поучении своим будущим сынам.

Едва подсохла земля и стали доступны дороги из Переяславля на север, князь Всеволод вызвал сына и приказал ему собираться в дорогу: 'Поедешь в Ростов и будешь держать там ростово-суздальский стол'. Всеволод рассказал сыну, что с Всеславом полоцким начинается настоящая война — князь не идет на мировую, гонит гонцов прочь, хочет отложиться от Киева, не признает Ярославичей за старших князей. Поэтому его, Владимира, обязанность: строго соблюдать порядок в ростово-суздальской земле, управлять ею, а главное — готовить войска для борьбы против Полоцка.

Вместе с Владимиром князь Всеволод посылал своих опытных дружинников, часть младшей дружины и Владимирову друга, боярина Илью Дубенца. Сборы продолжались несколько дней. И вот, в первом часу дня, едва солнце поднялось над окоемом, отряд конников с обозом вытянулся по узким улицам Переяславля, двигаясь к северным воротам. Впереди ехали старшие дружинники, за ними гарцевали сам Владимир Всеволодович и ехавший рядом с ним Илья, далее шли телеги с княжеским и боярским добром, посудой, одеждой, оружием, замыкала же строй младшая дружина. Отъезжая, Владимир оглянулся на закрытые ставнями окна княжеского дворца. Одно из них открылось, в темном его проеме появилась, белея, чья-то фигура. Владимир не видел лица, но догадывался, что это мать поднялась на верх терема и теперь провожает сына в его первый княжеский поход. Ему захотелось снять шапку и помахать ей на прощанье, но он покосился на окружающих его всадников и лишь отпустил узду, ускоряя ход коня. Скоро Переяславль едва виднелся на горизонте темной полосой, а немного позднее исчезла и она.

Отряд неторопливо рысил по дороге, а вокруг поля сменялись перелесками и дубравами, деревнями и селами, веселым перезвоном монастырских колоколов и шелестом дубовых листьев. Двигались быстро, дорога шла по коренным переяславльским землям. Владимир внимательно рассматривал окружающее, примечая, как изменилось все вокруг. За три года после опустошения княжества половцами его последствия были совсем незаметны, жизнь взяла свое. Но тринадцатилетний Владимир помнил сожженные деревни и валяющиеся на земле трупы, помнил вытоптанные поля и разоренные церкви. Вспоминая

прошлое, покачиваясь в седле и прислушиваясь время от времени к разговорам ближних дружинников, он напряженно думал, как избежать такого в будущем.

Примерно через неделю пути все переменялось. Дорога вошла в лес, который быстро становился все гуще и сумрачней, оставляя все меньше было света вокруг. Наконец лес надвинулся со всех сторон сплошной чернотой, закрыл своими ветками землю, и небо, и воздух, накрыл всадников прелым сладким запахом, постелил им под ноги мягкие зеленые мхи.

Ночевали путники в селах, которые в этих чащобах избежали разорения во время набега Искала и были побогаче оставшихся за спиной. Население их щедро угощало князя и его спутников, лишь мяса по-летнему времени не было. На возмущенье воинов князь, ничуть не переменявшись в лице, мудро отвечал:

— Мы не половцы, и они не враги наши. Ограбим их, кто будет платить положенную дань — и бараном, и курицей, и яйцом, и медом, и воском?

Дивились уму не по летам мало видевшие до того княжича воины, но те, кто давно служил в дружине Всеволода, напоминали им, что княжич с отцом наравне с самого набега половцев воинскими и государевыми делами занимался.

Дорога меж тем понемногу становилась все уже и уже, а леса вокруг превращались в непроходимые чащи. Все реже и реже встречались деревни, а население менялось. Вместо привычных разговорчивых переяславцев отряд князя встречали молчаливо-спокойные, крепкие, рослые светловолосые мужики с неторопливой, с несколько окающей и чокающей речью — вятичи. Приветливо, но недоверчиво смотрели они на неожиданных гостей.

— Они здесь до сих пор, прости меня Боже, язычники все, кого не возьми, — рассказывал старый, весь в шрамах, поседевший в боях и походах боярин Порей — Остерегись, княже, народ этот упорный и гордый. Не зря Владимир Красно Солнышко на них походом ходил, снова под руку русскую возвращая. Князь их тогдашний, Ходота, много хлопот войску русскому доставил. А еще в гордыне своей считают себя лучшими среди народов, не зря их вятичами прозвали.

— Ага. А еще они над собой любят пошутить, — невежливо перебил боярина Илья. — Сами рассказывать любят присказку про плот, что по речке плывет. Окликают его с берега сторожи: 'Эй, что за люди на плоту плывут?', а те в ответ: 'То не люди, то — вяцкие!' — и дождавшись смеха окружающих, а так же злого взгляда Порей и недовольного — Владимира, делает испуганное лицо и повторяет с вятским выговором. — Ачоа?

Не удержавшись, прыскает молодой князь, даже боярин Порей, отбросив обиду, смеется.

— Илья, тебе не сыном не боярским, а скоморошым бы родиться, — отсмеявшись, мстит боярин, но и тут Дубенец не теряет.

— Мыслишь неверно, боярин. Они ж меня и подкинули в боярскую семью, чтоб хлеб у них не отбивал.

— Шагол, — не выдерживает боярин, а кто-то из старших дружинников продолжает, — шаглюя на осиновом дубу, — тщательно имитируя деревенский акцент. Все смеются, а княжич незаметно показывает своему другу кулак. Тот, красный и злой, смиряется и через некоторое время смеется, как будто ничего не случилось. 'Мальчишки' — думает, глядя на них боярин: 'а ведь на следующий год в возраст войдут'.

После первой деревни довольно долго пришлось ехать по незаселенному, густому лесу, в котором почти терялась пробитая дорога и только взяты в деревне проводник, смерд по имени Грозилко, в крещении Алексей, мог найти еле заметные ее приметы. Ехавшие за ним дружинники поют лесную песню:

— Понавесился лес, позаставился,
Будто дремлет в дреме дремучей,
Будто заснул он, будто стоит он.
Ан не верь сну лесному, не верь, он обманывает.

Ночевать приходится прямо в лесу, на подходящих полянах, на постелях из наваленного на землю лапника, есть приготовленную на углях дичину. Единственное развлечение — рассказы бывалых воинов. Сегодня Лучка Гордеев рассказывает о Кривичской земле, нынешнем Полоцком княжестве:

— Край тот лесной, а воды в нем больше чем в озере Нево. Озер, болот и рек и ручьев так много, что прямоезжих путей нет в тех местах нигде. Где нет воды — растут густые сосновые боры. В чаще кривичских лесов могут скрыться десятки десятков маленьких княжеств латинян. Уклон земли мал, потому реки текут медленно, виляя в камышовых дебрях. До осени, пока не сгинет, достает людей божья кара — комар с мошкой. Тогда радуется все живое в земле Кривичской облегчению от сей напасти. Да и неживое тоже, — тут рассказчик стал говорить тише, то и дело вглядываясь в окружающую костер темноту. — Тайной силы, чистой и нечистой, в Кривичской земле пожалуй больше, чем людской, если людей счесть по душам, а нечисть по головам — души у них нет.

— Они везде водятся, и нечего кривичам перед другими землями выхваляться, нашли чем! — заметил Порей.

— Верно, но в Кривичской земле им удобнее, есть где прятаться. Они не любят света, исчезают, коль человек посмотрит на них. Надо знать. Сильней всех бесов, лесовиков, водяных, домовых те люди, которые знают. Тогда одни тебе помогут, а другие зла не причинят. А Всеслав знает. При нем ни одному ведуну нет хода. Завистники говорят, что и рожден князь от волхвования, и знаки носит на теле...

Ночью снились Владимиру лесовики и сидящий среди них князь Всеслав, оборачивающийся волком, и бегущий по лесу. Утром он проснулся поздно, и дорога в этот день утомила его необычайно.

Но как справедливо заметил неведомый библейский автор: 'Все проходит'. Подошла к концу и тяжелая, выматывающая дорога. Лес понемногу, сначала едва заметно для глаз, потом все больше и больше редел. Появились первые клочки возделанных полей, затем луга, на которых паслись под надзором пастухов небольшие стада, лес уже не господствовал вокруг, а обозначал свое присутствие отдельными рощами и перелесками. Деревни попадались все чаще и чаще и, неожиданно, на обрывистом берегу озера показался большой город — высокая, рубленая из тяжелых бревен стена с частоколом на ней, островерхие крыши деревянных домов, теремов, церквей, все из крепкого чистого дерева.

— А вот и Ростов наш, — указал на стены Грозилко. — Прибыли, княже, — поклонился он Владимиру.

— Уходишь? — вежливо спросил проводника княжич. — Может, останешься в дружине моей? Нужен мне сведущий муж, чтоб по землю эту знал и совет подать мог.

— Советников у тебя, княже, много и более мудрых, чем я, — ответил Грозилко, — к чему тебе советы простого смерда?

— Иногда простой смерд увидит снизу больше, чем высокородный боярин, — рассудительно не по годам замечает Владимир. Грозилко, удивленно вглядевшись в лицо княжича, кланяется и потом неторопливо отвечает. — Согласен, княже. Дай только время побывать в деревне и попрощаться с родовичами.

— Хорошо. Но возвращайся обязательно.

— Вернусь, княже.

Подтягивается обоз и слуги поспешно достают праздничные одежды для князя и бояр. Впрочем, переодеваются и простые дружинники, готовясь показать себя ростовчанам во всей красе.

Владимир послушно надевает обычно нелюбимый им выходной наряд: длинный, ниже колен кафтан малинового цвета, с разрезами, чтобы удобно было держаться в седле, воротник, рукава и полы которого расшиты золотом, а по груди от шеи до пояса тоже идет золотое шитье с тремя поперечными золотыми же полосами, перехваченный золотым поясом с раздвоенными концами красные остроносые сапоги, синяя полотняная шапка с красными

наушниками и зеленым подбоем, на шее — золотая цепь в три ряда...

Пока переяславльский отряд прихорашивается, в городе, предупрежденные сторожами, собираются знатные горожане — тысяцкий, епископ и вятские люди Ростова. Открываются главные ворота и обе группы людей встречаются в проезде воротной башни.

С этого дня началась для тринадцатилетнего Владимира самостоятельная и нелегкая княжеская жизнь. Оказалось, что править самому намного труднее, чем смотреть, как это делает отец. Даже советы искушенного в делах войны и мира боярина Пороя — всего лишь советы, а решать и думать надо самому. И отвечать за решенное перед богом и людьми — тоже самому. Вот и думай, как поступить, княжич. А ведь кроме более простых хозяйственных и судебных, перед Владимиром стояла сложнейшая задача — набрать себе полк из этих мест и прибыть зимой на помощь отцу и его братьям во всеоружии.

Полк набрать, это вам не княжеским судом заниматься. Надо людей заинтересовать. Чем же этих скрытных лесовиков можно увлечь? Недолгоблiviaют они власть киевскую и все оскорбления чести Ярославичей для них — звук пустой. Но надо, надо что-то придумывать, а то придется привести в Курск, где уговорились собраться Ярославичи для похода против Изяслава, лишь свою небольшую дружину. Исподволь, осторожно начал молодой князь увеличивать численность своей дружины. Приглашал к себе в хоромы местных боярских детей, обещал предстоящие походы, чтобы не раскрыть прежде времени замыслы, рассуждал о воинской славе и доблести. Дети боярские хмуро слушали восторженного княжича, бредившего, как им казалось, ратными подвигами, уходили прочь. После Илья говорил с укором Владимиру: 'Не об этом с ними надо толковать, княже. Обещай им добычу — серебро, дорогие ткани, пленных, красивых полочанок, тогда пойдут они за тобой. Мой отец всегда говорил, что так можно набрать любое войско'. Владимир слушал Илью, и не хотелось ему поступать по таким советам: разве можно такими жестокими и корыстными речами привлекать людей, разве можно разжигать в них ненависть и жадность?

Но время шло, уже начинали кое-где желтеть листья, зима стояла на пороге, а княжеское войско пополнялось плохо. И тогда он позвал к себе воеводу, которым назначил боярина Пороя, и спросил, что надо сделать для того, чтобы люди сами согласились пойти с ним на рать. Воевода сказал коротко: 'Обещай им, князь, десятую часть всей добычи и отдание на поток захваченных градов'.

Долго думал Владимир над словами воеводы. Не по душе ему было такое, но понимал он, что иначе не поднять людей в дальний поход, воевать непонятно за что. Поэтому продолжал он собирать людей в свою дружину, теперь обещая им не только славу, но и добычу. Так что дружина его пополнялась, хотя и не так быстро, как хотелось. Нов от пришла осенняя слякоть, перекрыв все дальние дороги и затруднив даже проезд в ближние города. Теперь он мог говорить свободно, не опасаясь соглядатаев полоцкого князя. Теперь звал он, как наказывал отец, отомстить полочанам за разгром Новгорода, за поругание святой Софии. Но уже понял князь, что одними благими призывами нельзя поднять людей в тяжелый поход. Люди не пойдут на смерть ради непонятных и далеких целей. Что для них святая София, когда многие не видели ее и в глаза? Что для них Новгород и честь Ярославичей? Что для них Всеслав, когда никому из них он лично не грозил и не отнимал у них имений, и землю, и не разорил, и не пленил их?

Поэтому все чаще просил князь своих людей рассказывать будущим ратникам о богатствах и красоте полоцких городов, о полных разной утвари домах тамошних бояр и дружинников, о набитых снедью амбарах. Даже сам он зачастую говорил своим людям о добыче, которая ждет их в этом походе, и видел, как внимательно слушают его дружинники, как крепнет в них желание подняться в дальний поход.

К зиме на исходе лета шесть тысяч пятьсот семьдесят первого Ярославичи полностью подготовились к войне с Всеславом, и Всеволод послал к сыну гонцов. Гонцы, пройдя сквозь застывшие вятские леса, по еще неглубокому снегу пришли в Ростов к исходу декабря и передали Владимиру послание Всеволода. Отец приказывал Владимиру привести ростово-суздальскую рать под Менеск к концу января. Туда же к этому сроку подойдут рати из

Киева, Чернигова, Переяславля и прочих, младших городов. Оттуда и начнется ратный поход на Всеслава. К исходу месяца ударили сильные морозы, обильный снегопад плотно укутал землю, но и прикрыл все дороги, ведущие из Ростова в другие княжества. Наконец полностью стали реки, затянувшись льдом и открыв истинные зимние дороги на Руси. Потянулись первые купеческие обозы и первые отряды войск к местам сбора.

Владимир, проверив готовность дружины и ростовского полка к походу, отдыхал за столом и слушал рассказ новгородского гостя Садко. Тот рассказывал о событиях в дальней земле, в которой побывал этим летом и о том, что случилось в ней после его отъезда.

— После этого родной брат нового короля вместе с королем норвегов Гаральдом Суровым напали на англов и разбили ополчение двух князей северных земель английских. Заняв столицу северного княжества, они разграбили ее и стали рядом лагерем. Собирались, видно, грабить, не торопясь, всю землю этих княжеств. Только король Английский оказался славным воином и полководцем. Он ждал вторжения герцога Нормандского и собирал для этой войны войско. Быстро дошел он с войском до северных земель и неожиданно напал на норвегов. В битве у моста разбили англичане противника. В этой битве погибли и оба вождя норвежские — и брат короля английского Толстик, и сам повелитель норвегов Гаральд Суровый. Но пока король отвлекся на север, на юге герцог норманнский Гиём пересек море и высадился на побережье английское. В то время мы уже приплыли во Фландрию, где с прибылью продали английскую шерсть и отправились вдоль берегов Норвегии в Варяжское море. Там и настигли нас вести о победе англичан в короткой, но жестокой битве на холме. Говорят, англичанам помогли сам Бог и ангелы его, пославшие им в помощь сильный отряд, вооруженный самострелами. Оружие сие, благословенное Господом, было столь могуче, что убиты были самые знатные воины норманнские, да и сам Гиём, а остальные разбежались, а опосля сдались англам в плен.

— Самострелами? А много ли самострелов у англов? Или они луки предпочитают? — заинтересованно воевода Порей.

— Не любят англы ни луков, ни самострелов. Воевали они всегда так же, как наши руссичи во времена до Святослава — строили войско в один большой полк 'стеной щитов' и дружно атаковали всей массой противника или отбив натиск врага, ударяли в ответ. Любимое их оружие — большой боевой топор. А метать они предпочитают дротики, малые топоры, да было еще в их войске немного пращников и лучников. Стрелков же из самострелов у них ранее совсем не было.

— Подробнее про битву ничего не сказывали? — опять не утерпел воевода, подав знак слуге, чтобы подлил он гостю еще меда ставленного.

— Говорят, построил на холме свое войско Гарольд, разместив между своими дружинниками воев из крестьян и стрелков. Когда же воины норманнов пошли на англичан вверх по склону, ударили стрелки из самострелов. Рассказывают, самострелы их были столь сильны, что били норманнов на недоступных для луков последних расстояниях. Но, думаю, лгут об этом. Не хотят признаться, что англы просто лучшие воины оказались, чем норманны полагали до того.

— Может быть. Но англичане значит победили?

— Не просто победили, разбили норманнов полностью. Едва три сотни бойцов и полусотня кораблей спаслись после этого побоища. И теперь в Нормандии усобица началась — уцелевшие князья меж собой и с войсками, поддерживающими сына Гиёма — Робера и его мать воюют...

Едва гость распрощавшись, ушел, как Владимир нетерпеливо встал из-за п стола и позвал с собой Порей и Илью.

— Теперь уже не успеем, но надо срочно дать заказы на самострелы мастерам нашим. Пусть измыслят, как сделать их мощнее и легче, — сказал в горнице Владимир, едва за ними закрылась дверь.

— Самострелы, княже, не такое чудо-оружие, как тебе после рассказа новгородца показаться могло. Медленно стреляют, громоздки и тяжелы, стрелок с таким оружием

требует защиты, так как нет у него серьезного оружия для ближнего боя, — возразил Порей.

— Знаю, боярин, знаю. Но слышали же вы рассказ. Поймите, можно издали проредить войска врага и нанести удар потрясенному противнику конными и пешими воинами. Да, не вооружить всех стрельцов самострелами, но вместе с лучными стрелками они сильно помогут нашей победе. Кто у нас самый лучший лучный мастер?

— Гордята, он же и самострелы делает по заказу, — ответил Порей, а Илья, на лету уловил княжеское желание, уже звал в открытую дверь слугу.

Переговоры с оружейным мастером заняли немного времени. Польщенный вызовом к самому князю мастер обещал подумать, а пока под будущую добычу отдал все что у него в доме из готового оружия — двенадцать самострелов, из них шесть 'латинского манера', с 'козьей ногой'. Владимир с благодарностью принял их и обещал расплатиться по окончании похода.

Но вот подошел день отъезда. Владимир оглянулся на застывший, зарывшийся в снег город, снял меховую варежку, перекрестился на видневшиеся из-за крепостных стен деревянные купола храма и тронул поводья. Княжич ехал верхом, одетый в теплую меховую шубу, в теплых же походных валяных сапогах. Его броню, шлем, щит везли в санном обозе, который следовал за войском. Так же в теплой одежде без брони ехали верхами и дружинники. Но все были при мечях. Так распорядился Мономах, заодно приказав выслать впереди основной рати сторожу для разведывания пути. Жизнь на границе степей и леса приучила Владимира к осторожности, и теперь он свои переяславльские привычки перенес сюда, на север. Ростово-суздальская рать двинулась в свой первый поход с новым князем.

Он ехал впереди своих воинов, рядом колыбался свернутый княжеский стяг. Владимир погружился в раздумья о происходящем, о том, что он уже не мальчик, не княжеский сын, а самостоятельный взрослый воин, и все эти люди, что едут за ним следом, прислушиваются к его словам, выполняют все его указания. И не на охоту или иное развлечение едет сегодня Владимир, а на настоящий бой со славным и известным по всей Руси воином князем Всеславом Брючиславичем. Сердце его замирало от счастья и тревоги, ибо он понимал, что отныне совсем кончается его детство и начинается новая, совершенно другая жизнь с ее иными, ранее не изведенными заботами.

Ехали от восхода до захода солнца с частыми, но небольшими привалами. Грелись у костров, ночевали по селениям, куда заранее приходила сторожа и готовила ночлег для князя и всей рати. Поистине нет ничего лучше зимних дорог на Руси, ровных ледовых путей, проложенных самим Господом по руслам застывших подо льдом рек. Шли быстро и скоро пересекли границу Кривской земли. О приближении к Менску они узнали по многочисленным костров, у которых воины союзных войск грелись, расположившись вокруг города. В сумерках огни бросали красные отблески на ослепительно белый снег, и казалось, что все поле под городом покрыто красновато-красным ковром, по которому бежали от качающихся огней темные тени.

Рать Владимира в молчании прошла мимо говорливых киевлян, потом мимо задиристых черниговцев, которые даже сейчас насмешками старались задеть воинов Мономаха. Но они отмалчивались, двигаясь к лагерю переяславльской рати. Вот, наконец, и он. Послышались дружеские голоса, дружинники Владимира узнавали своих друзей и родственников. Здесь была своя, переяславльская сторона, хотя и находилась она в полоцкой земле.

Владимир прошел в шатер к отцу. Тот сидел на походной скамье, закутавшись в пушистую меховую шубу. В качающемся пламени свечей блестели глаза близких отцовых дружинников, пар от их дыхания поднимался к вершине шатра, оседал инеем на стенах. Радостно встретил отец княжича. Выйдя же на улицу и оглядев располагавшихся лагерем ростово-суздальских воинов, Всеволод уважительно посмотрел на своего сына и похвалил его.

Наутро в шатре Великого князя Киевского Изяслава состоялся совет. Слуги расстарались и от нагретых на кострах камней в шатре было тепло. Князья сидели без шуб и

шапок в походных одеждах. Несколько лет не видел их Владимир, со времени поездки в Киев с отцом и совместной службы в соборе святой Софии. Изяслав был все так же суетлив и многословен, неуверен в движениях, говорил и постоянно смотрел на окружающих, как бы прося их сочувствия. Святослав Черниговский располнел лицом, плосковатый нос его еще более расплылся по лицу, маленькие глазки смотрели строго и со значением, на затылке, прикрытая волосами, предательски проблескивала в свете, просачивавшемся в шатер, большая залысина.

Всеволод спокойно и внимательно слушал говорившего Изяслава, как старшего брата. Святослав же все время перебивал его, значительно поджимал губы. Казалось, что у него была лишь одна забота, доказать что он, второй Ярославич, и по рождению, и по чину, и по уму стоит ниже Изяслава, и Святослав надувался, не обращал внимания на сам разговор, а следил лишь за тем, как он сам воспринимался сидевшими в шатре князьями и воеводами.

Владимир вспомнил, как Святослав старался выступить вперед, встать перед другими князьями в Софийском храме, и теперь Мономах с сожалением смотрел на болезненные усилия Святослава словом и жестом подчеркнуть свое значение среди других князей рода. Рядом с Изяславом сидел его сын Ярополк, а из-за спины Святослава выглядывали его старшие сыновья Глеб, Олег, Давид и Роман. Глеб привел с собой тмутараканскую дружину, остальные Святославичи еще не имели столов и поэтому особенно заносчиво-завистливо поглядывали на Ярополка Изяславича и Владимира Мономаха. Святославичи явно пошли в отца. Владимир с интересом смотрел на своих двоюродных братьев. Он ведь был младшим из всех. Но вдруг у него промелькнула мысль, и он даже вздрогнул, будто укололся об нее: 'Так это сколько же ждать ему, Мономаху, внуку византийского императора, первенства в этом многоликом роде? Мало того, что он самый молодой, так ведь и отец его младший из братьев. Увидит ли он когда-нибудь киевский стол? А может стоит подумать, как подобно Брючиславовичам выделить себе и своим будущим сынам вотчинное княжество?' Но Владимир постарался прогнать эту непрошеную опасную думу и внимательнее вслушался, о чем говорили князья.

А совет шел трудно. Менчане затворились, и теперь город можно было взять только приступом. Изяслав пока говорил о переговорах, призывал привлечь минчан на свою сторону, оторвать их от Всеслава, пообещав вольности и свободы под новым князем Полоцким из рода Ярославичей. Святослав же не хотел и слышать о мирном исходе дела. Поджимая губы, делая значительное лицо, продуманно замолкая на время, чтобы его слова лучше усвоились присутствовавшими, он с напором доказывал, что для победы им надо обязательно позорить города Всеслава. — Надо выбить из-под Брючиславовича опору, избить людей, чтобы не смог он впредь из них набирать свои рати. На щит, на щит надо брать Минск, — твердо и уверенно закончил Святослав. Как только он закончил, его дружно поддерживали все его сыновья и уже умудренный жизнью Глеб, и совсем еще молодой Роман, и бояре черниговские.

Всеволод молчал, и Владимир понимал, что отцу не хочется ссориться с братьями, что он давно уже устал от их постоянных ссор. Миром так миром, на щит, так на щит. Всеволоду, кажется, было все равно. Раз уж объединенная рать Ярославичей пошла на полочан войной, то теперь надо доводить дело до конца, иначе от Всеслава не будет спасения. Победил в споре, как обычно, упорный, настырный, хорошо все рассчитавший Святослав. Недовольный собой и братьями, уступил ему слабовольный Изяслав, а Всеволод по-прежнему отмолчался.

Решено было во второй день февраля, невзирая на праздник Сретения Господнего, братья Минск приступом.

Несколько дней подряд воины Ярославичей валили деревья, делали приступные лестницы, готовили тараны, чтобы бить ими в крепостные ворота, и в назначенный день поутру пошли на приступ. Вместо праздничных молитв и колокольных напевов к небу возносились боевые кличи и набатные удары.

Коротко, зло взвыли первые стрелы, зашипели болты самострелов — начали стрелять

ростовские стрельцы. Вглядевшись, Владимир заметил, как сразу очистилась стена напротив его бегущих к стенам воинов, минчане попрятались от обстрела и пропустили ростовско-суздальский полк к самой стене. У других идущих на приступ отрядов убитых было много больше. Отметил про себя Владимир, что самострелы в бою оказались даже полезнее, чем он думал. И если по скорости стрельбы они сильно уступали лукам, их болты летели дальше и чаще сбивали со стен защитников Менска.

Напрасно минчане метали в атакующих стрелы, лили сверху кипятки и смолу, отпихивали лестницы баграми, слишком неравны были силы. Отбитые в трех местах, в шести остальных осаждавшие ворвались на стены крепости. В ожесточенной схватке на стенах, они сбивали вниз защитников города и следом за ними ворвались на улицы Менска.

Тотчас над городом поднялся жуткий крик. Вошедший в Минск сквозь открытые его воинами ворота, следом за своей дружиной, Владимир с ужасом увидел, как озверелые воины бьют секирами и мечами, глушат щитами и булавами уже не сопротивляющихся менчан, разбегающихся по улицам. Он глядел, как, выламывая двери, они врываются в дома, а оттуда вместе с клубами пара, истошными криками вываливают на снег разную рухлядь, тут же хватают и делят ее между собой и отвлекаются от этого дележа, только чтобы убить дерущихся за свое добро жителей. Стоны, крики и рыдания, победные возгласы, проклятия смешалось в едином вздохе взятого штурмом и отданного 'на поток' города.

Владимир бросился было к своему дружиннику, который одной рукой тащил за волосы упирающуюся молодую женщину, а другой нес узел с наспех набитым в него добром. Женщина кричала истошным голосом, пыталась вырваться, но воин лишь крепче перехватывал ее распущенные волосы и волок туда, где собирали пленных. Воин заметил движение Владимира, бросил ему на ходу: 'Не мешай, князь, теперь наше время', и Мономах вспомнил, как он сам, сидя в своей горнице в Ростове соблазнял тамошних детей боярских будущей добычей. Теперь он воочию видел, какая она — добыча! Русские люди избивают и грабят русских же людей, не печенегов, не половцев, а своих же единоплеменников и единоверцев, которые страдают за чужие дела, вся вина которых в том, что Всеслав Полоцкий не ужился в мире с князьями Ярославичами.

Потом Минск запылал, и Владимир, как завороченный, смотрел на бешеную пляску огня который метался по городу, сжигая все, что не успели взять нападавшие. С веселым треском горели деревянные дома, рушились храмы божии. Сеча затихла, и теперь и нападавшие, и оставшиеся в живых минчане отходили подальше от огня.

Так пала одна из главных крепостей Всеслава, узорочье и краса менская. Осталось на месте прежнего города пепелище, да трубы печные, из сугробов торчащие.

Несколько дней делили победители захваченное добро. Поделили и всех оставшихся в живых минчан, попавших в плен: и мужчин, и женщин, и детей.

Но усобица на этом не кончилась. Всеслав собрал своих полочан, еще более разгневавшихся на Ярославичей и уже не ждавших, после Менска, ничего хорошего от вторгшихся ратей. Владимир, узнав об этом, подумал, что прав был дядя, лучше бы договорились с минчанами лаской, глядишь, и не удалось бы собрать Всеславу большой рати.

Но не стал он ни с кем делиться своими несвоевременными мыслями. А война между тем, шла своей чередой. Объединенное войско Ярославичей и полоцкие войска князя Всеслава устремились навстречу друг другу. Спасли минчане своим сопротивлением столицу и земли остальные от полного разорения, успел князь Всеслав перехватить вражеское войско почти у самого Менска, на заснеженных берегах реки Немиги.

И вот стоят уже седьмой день друг напротив друга две рати. Стоят, и никто не решается первым начать кровавый бой. Перевелись уже между собой конные сторожи, постреляв из луков и сойдясь в мечи на речном льду. Но основные силы стояли недвижно, словно страшась предстоящего.

Только на седьмой день решились Ярославичи и начали строить войска для боя. Увидев эти приготовления, поднялись и полочане. Две стены, ошестинившись копьями, сверкая на

солнце серебром доспехов и выделяясь на снежном фоне яркими красками щитов и штандартов, встали друг против друга. Объединенная рать Всеволода и Владимира Мономаха развернулась слева от киевлян Изяслава. Черниговский князь построил свой полк с правой руки.

Владимир, сидя на лошади, стремя в стремя с отцом, видел, как полоцкие всадники, ударили по киевскому полку, прогнули его, но пробить брешь в плотной стене щитов и рассеять воинов не смогли. Мешал глубокий снег, лежавший повсюду, даже на льду реки. Кони атакующих увязали в нем, двигались медленно, неуклюже.

— Вон, смотри, князь Всеслав, — показал Всеволод сыну в сторону полоцких всадников. Там на черном коне крутился на снегу всадник, он размахивал мечом, понукая своих воинов идти вперед. Ведун, закутанный в синюю мглу, как звали его на Руси, задыхался в глубоком снегу на берегу Немиги. Владимир разглядел мрачное лицо Всеслава, его яростный раскрытый рот, белую пену на морде черного как смоль коня, и ему почему-то стало вдруг жаль и этого мрачного князя, и его людей, утопающих в снегу, и его уставшую лошадь, но не было к ним зла или яростной ненависти. И в этот момент он заметил знак с киевской стороны. Изяслав приказывал крыльям союзной рати атаковать Всеслава. Тут зашевелились переяславльская и черниговская дружины, подтянулись к всадникам пешие воины — пешцы. Всеволод и Владимир двинулись вперед...

Полки правой и левой руки войска Ярославичей охватили войско полоцкого князя с боков, а оправившиеся после первого натиска полочан киевляне тоже двинулись вперед. В снежной каше, разворошенной копытами коней и ногами людей, сошлись лицом к лицу полоцкие, черниговские, ростовские, суздальские, киевские воины. Мерно поднимались и опускались боевые топоры, мечи, дубины. Они с грохотом сталкивались друг с другом, били о щиты и шлемы, рассекали, рвали на части, дробили тела и кольчуги, тулупы и поддоспешники. Белый до того снег все больше превращался в грязно-красное месиво, в котором зарывались кони и люди, утопали, падали и задыхались под горами убитых и раненых воинов. Над заснеженным руслом реки и окружающем полем неслись громкие звуки кровавой бойни — стук и грохот оружия, ужасные крики раненных людей и лошадей, еле слышные стоны раненых, храп уставших, еле передвигающихся лошадей. Надолго запомнил Владимир этот день, поклявшись, что сделает все для того, чтобы такого не повторилось больше. У Руси хватает врагов с Дикого поля и с запада, потому и не должны русичи воевать между собой, накрепко решил тринадцатилетний княжич, глядя на окровавленный снег и лед Немиги. Запомнил эту битву не только Владимир, запомнили ее все русские земли. И спустя сто лет вспоминал ее безвестный автор, записывая в своей песне: 'На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брези не бологом бяхуть посеяви — посеяни костями руських сынов'.

Всеслав был побежден в битве, но захватить его самого в плен Ярославичи не сумели и дальше в Полоцкую землю не пошли, не стали ее завоевывать, так как нарушилось согласие между Изяславом и Святославом. Поэтому было князю Всеславу в несчастье — счастье.

До лета Всеслав пересылался послами с Ярославичами и приехал к ним в полевой лагерь, чтобы мир заключить. Но во время переговоров Всеслава с двумя его взрослыми сыновьями схватили, нарушив обещание. Князь Изяслав заключил пленников в поруб, а Полоцкая земля попала под управление киевского князя.

Переждав весеннюю распутицу в Переяславле, дружина Владимира двинулась в Ростов последней из всех отрядов ростово-суздальской рати. Лошади идут по лесной дороге шагом, для беседы самое удобное время. Начав ездить в семь лет, Владимир к четырнадцатому году уже опытный конник, в седле ему удобно. Он, как и его собеседник, бывалый боярин Довмонт, сидит не думая, что не произойдет, руки и ноги сделают нужное сами. Довмонт, жмудин по племени, давно уже скитается по землям латинским и русским, будучи изгнан из своей отчины кровным врагом. Он образован, умен и с охотой перешел на службу князю Ростово-суздальскому, молодому, но уже известному своим умом.

— Все ищут, как умеют, а решает меч, — убежденно сказал князю. Довмонт — Погляди на наш мир! Ромейская империя не первый век насмерть бьется с турками и арабами. Бьется с болгарами. С италийцами. Там — вот так! — Переплетя пальцы, он показал, как одна рука пытается поломать другую. — И остановиться им нельзя — тут же свалят на землю и разорвут. На западе, где Океан, франки-нормандцы с папским знаменем пытались захватить Британию — не вышло, и теперь все франки бросаются один на другого и упавшего душат сразу. Но подобное у них уже давно, со времени смерти императора Шарлеманя Великого. В Иберии уже четвертая сотня лет идет, как испанцы режутся с маврами. В Германии местные князья — владетели дерутся между собой, дерутся с собственными императорами, дерутся с Папами Римскими, с итальянскими городами. У ваших братьев по крови, ляхов и чехов, резня постоянная. И Жмудия давит на них, давит на Полоцк и Псков. Да усобиц и у нас не меньше, чем в вашей земле. У свеев, у норманнов, у датчан нет покоя. И воюют они зло, их порода пощады не дает и не просит.

— Не согласен я, боярин. Ты все собрал сразу. Будто весь мир пылает и каждый каждому режет горло. Сила же будто бы только в оружии. Нет. Вон там они, люди, — возражая, Владимир указал на окружающие поля — Сидят на пашнях. За скотом ходят. Смолу гонят. Из дерева утварь режут. Ремесла у всех разные. Кто кузнец, кто кожевник, кто ткач, а кто ювелир. В них истинная сила жизни и есть. От них там и хлеб, и ратники. Им князь нужен по беде. Не будь беды...

Заметил боярин, что молодой князь больше заученными словами говорит, но смолчал. Пусть и выученное, но убеждение у князя уже сложилось. Со временем придет и опыт, и станет князь мудрейшим из всех, кого встречал Довмонт в своих скитаниях. Такому служить — великое счастье и великая удача. Пожалуй, ему повезло впервые с тех пор, как он покинул родные леса, будучи в том же возрасте, что нынешний его государь...

Лето повернуло на осень, древесный лист стал терять свой зеленый свет, покраснели ягоды рябины, птица стала подавать голос только по тревоге, и уже шныряли по кустам бойкие синицы, а белка готовила зимний запас, и на полянках вытянулись, накрывая их сплошной крышей, грибы-переростки, точенные червем, проеденные улитками и жуками. Боярин Довмонт к этому времени уже обжился в княжеских хоробах и вместе с Ильей стал одним из ближайших советников Владимира. Вот и сейчас в горницу вошел он вместе с Дубенцом.

— Здрав будь, княже.

— Вам тоже, — задумчиво ответил князь.

— Как, надумал, княже? Вот Илья вернулся, говорит, что место нашел — лучше не надо.

— Ладно, давайте съездим, посмотрим. Все обдумав, считаю я что оба вы правы. Нужен мне город новый, мною заложенный.

'Неплохо, чтобы ни говорили, командовать волонтерами, особенно в таких необычных условиях', — думал, качаясь в седле, которое стало уже привычным, несмотря на то, что по удобству сильно уступало 'современному' кавалерийскому, полковник Бошамп. Конечно, для выпускника Сандхерста, офицера и джентльмена, такие мысли, особенно высказанные вслух, были бы страшной ересью. Но в этом времени не было никого, кто осудил сэра Горация, поскольку на весь здешний мир было всего три выпускника этой 'кузницы кадров' английской армии, дававшей, как теперь лично убедился полковник, абсолютно недостаточные знания. И теперь ему действительно приходилось радоваться, что в его батальоне собраны представители множества профессий, от овцеводов до инженеров и даже юристов.

Полковник прислушался, стараясь разобрать, что за песню поют идущие следом солдаты. Похоже, кто-то вспомнил старинную пиратскую песню, грустным настроением гармонирующую с настроением многих бойцов:

— Когда возвратимся мы в Портленд,
Мы будем кротки, как овечки,
Но только в Портленд возвратиться
Не суждено нам никогда.

Сэр Гораций украдкой печально вздохнул и осмотрелся, не видит ли кто его состояния. Но едущий неподалеку Гирт смотрел в другую сторону, а два его воина о чем-то негромко беседовали, не обращая внимания на окружающее.

'Никогда' — страшное в своей обреченности слово. Никогда ему больше не увидеть семейный особняк Бошампов, который достанется этому вертопраху и бездельнику Генри Вустеру, не пройти по Пикадилли, не сидеть у камина своего клуба, попивая кларет и читая 'Таймс'. Но не вернуться, значит — не вернуться', - сэр Гораций был солдатом, а солдат — это человек готовый в любой момент расстаться с жизнью. Сейчас же он и его подчиненные живы и здоровы, хотя и навсегда расстались со своими родными и близкими. Так что надо жить дальше, раз уж суждено — то здесь и сейчас, полагал сэр Гораций, а всякие сожаления отбросить, как ненужные и мешающие. Поэтому он даже решил вызвать лейтенанта Роулинга и приказать отставить эту песню, но не успел. Кто-то из сержантов скомандовал раньше, а, возможно, песня закончилась, но бойцы дружно затянули знаменитую походную песню английской армии:

— Путь далекий до Типперери, путь далекий домой,
Путь далекий до крошки Мэри и до Англии родной...

Бодрая мелодия отвлекла от размышлений о прошлом и сэра Горацио и он припомнил последние дни перед отбытием из Лондона: обсуждение перспектив промышленного развития со своими офицерами и несколько аудиенций у Его Величества...

Поковник как наяву увидел освещенную факелами комнату и сидящего напротив Гарольда:

— Думаешь ты, сэр Хорейс, что мне обязательно надо отдать дочь за этого князя руссов?

— Ваше Величество, как я уже говорил, Англии не удержаться против католической Европы. Напоминаю, что скоро должны начаться крестовые походы. И вполне возможно, что направлены они будут не против мавров и на освобождение Гроба Господня, а на борьбу против не признающих главенства Римских Пап стран. И одной из первых в этом списке, сразу за Англией будет именно Россия. Сейчас, по нашим данным, там продолжается княжеская смута. И победит в ней именно этот князь. Он станет главой всех князей, а жена его будет наша по крови. Так что сможем мы просить его о помощи, пусть он с востока надавит на Империю, не даст ей поддержать папу.

— Неправ ты, сэр Хорейс. Как мне доложил советник мой, Арчибальд Кентский, император и папа в раздоре большом, и эрлы имперские поддержали своего господина.

— Ваше величество, как поддерживали, так и сменят свое мнение. Многим князьям Империи не по душе усиление власти императора. Могут они в любой момент перейти на сторону папы, чтобы ослабить свою зависимость от верховной власти. К тому же беспокойство на восточных границах империи отвлечет их от нас. Иметь же на престоле российском династию, благожелательно настроенную к нашей стране, может оказаться полезным и вашим преемникам, — после этих слов в комнате воцаряется продолжительное молчание. Прерывает его Гарольд, кивнув каким-то своим мыслям:

— Мудро сказал ты, сэр Хорейс. Обдумав, решил я, что прав ты в думах своих. Пошлем мы послов наших в Русскую землю, дабы просватать дочь мою, Гиту за князя Володимера Мономаха. Будем надеяться на удачу сего дела. Союзники нам нужны. Не только чтобы папским претензиям укорот дать, но и чтобы с норвежской и датской опасностью бороться...

Жаль, так и не удалось внушить Его Величеству и, особенно, его советникам, что для блага государства хороши все средства. Жаль... Правильно я тогда заметил — это мальчишки, заигравшиеся во взрослых. Но ничего не поделаешь. У них другие понятия и многое из того, что считалось нормальным у нас, они никогда не примут. Придется играть по их правилам. Но создать специальную разведывательную и контрразведывательную службу на более организованной основе я их уговорил. Хорошо, что Гастингс, как я и подозревал, имел некоторое отношение к специальным заданиям. Теперь он передает свой опыт и известные ему секреты людям советника Арчибалда... Умнейшей души человек. Как он быстро сообразил, что можно незаметно охранять Его Величество, ничего ему об этом не рассказывая. И воинов отобрал и вооружение предусмотрел. Жаль, миниатюрных арбалетов пока создать не удалось. Но надо работать в этом направлении. Да и порох для револьверов и винтовок. Жаль, придется затвор переделывать, не могут наши умельцы придумать, как капсюль сделать. Черт побери, лучшие в мире английские мастеровые спасовали перед какой-то дурацкой мелкой штуковиной. Нет, надо все же намекнуть им, что химия химией, а им надо думать получше. Запас патронов не бесконечен, в рукопашной схватке здешние воины превосходят на голову. Что ни говори — дикари были наши предки. Только и умели, что желзками махать. Кстати, и железками не очень качественными. Эх, нам бы сейчас небольшой заводик из Шеффилда. Лучшая в мире сталь...'

Сэр Гораций усмехнулся, вспомнив, как лейтенанты, инженеры и управляющие спорили, какой товар лучше всего будет продаваться. Сам полковник предпочел бы оружие, но с другой стороны, вооружать потенциальных противников не хотелось. Точку в споре поставил дневальный солдат, подкинувший в задымившую печь мелко наколотых дров. Переносные печки из железа и чугуна, как сразу поняли спорщики, можно продавать на всем севере Европы! Размышления сэра Хорейса опять прервались, один из воинов Гирта, окликнувший скакавшего навстречу посыльного:

— Что там?

— Подъезжаем к Оксфорду!

Оксфорд оказался очень маленьким, составлявшим по площади не более двух футбольных полей городком, прикрытым частично остатками старой римской стены, а частично — частоколом. Отряды англичан даже не стали входить в город, остановившись на большом луге неподалеку, из-за чего некоторые горожане ворчали. Еще бы, ведь на этом месте находился общественный выпас. Теперь же выгнать городское стадо было некуда.

Отдохнув полдня у Оксфорда и пополнив запасы, отряд тронулся дальше. Впереди лежала дорога в богатую железной рудой местность, известную пришельцам из будущего, как колыбель английской железоделательной промышленности. Теперь она должна была сыграть ту же роль, но несколькими веками раньше. 'Англия была, есть и будет мастерской мира', - с удовлетворением подумал сэр Гораций, оглядывая окружающий его пейзаж.

Владимир-Василий Всеволодович, прозванный Мономах (англ. Vladimir-Vasily Monomach, лат. Volodimirus-Vasileus Monomachus) — великий князь владимирский и киевский, сын Всеволода Ярославича — самый замечательный из русских князей доимперского периода Российской истории, оставивший после себя громкую славу и добрую память. Владимир родился в 1053 г. Когда Святослав Черниговский отнял Киев у Изяслава то Всеволод сел в Чернигове, а сын его Владимир — в Смоленске (1067 — 68 гг.). Владимир служил и Святославу и опять занявшему Киев Изяславу, как старейшим князьям: по поручению первого он помогал (1075) полякам против немецкого императора Генриха IV, на которого ходил через Богемию за г. Глогау, в нынешней Силезии; по приказанию второго он дважды ходил на полоцких князей (1077). Когда отец его Всеволод сел в Киеве, Мономах занял стол в Чернигове. В следующем 1079 г. Олег Святославич, вместе с братом Романом и половцами, хотели попытаться выгнать Мономаха из Чернигова, но это им не удалось: Владимир остался в Чернигове, владея в то же время и Смоленском. Ему приходилось

бороться с князьями полоцкими, с полудикими вятичами, с половцами и торками, с князьями-изгоями Ростиславичами; последних он, по приказу отца, выгнал из Владимиро-Волынской области и посадил во Владимире Изяслава сына Ярополка (1084), а когда Изяславич в чем-то провинился против Всеволода — Давида Игоревича. Вскоре, однако, Владимир сам занял стол во Владимире (1086). Другой Изяславич, Святополк, в 1088 г. добровольно оставил Новгород, и Владимир стал сам князем Новгородским, оставив за собой и прежние владения.

Как известно, в XI в., особенно во второй его половине, развивается феодальная раздробленность Руси. Каждый князь претендует на самостоятельное управление своей отчиной. Владимир-Василий Всеволодович не был противником все углублявшегося деления Русской земли на отдельные княжества, но стремился при этом сохранить политическое, военное и культурное единство Руси на новой моральной основе: на основе договоров о союзах князей между собой, скрепляемых целованием креста, взаимными обещаниями и сохранением за собой отчин без посягательств на отчины соседей. Свою идею союзов Владимир Мономах постоянно высказывал на княжеских съездах (1097, 1100 и 1103 гг.).

Устанавливает Владимир-Василий Всеволодович и культ князей братьев Бориса и Глеба, безропотно подчинившихся своему старшему брату Святополку и погибших от руки подосланных им убийц. Культ Бориса и Глеба должен был подать пример всем князьям полного, до самой мученической кончины подчинения старшему князю. Стремясь к миру и добровольному единству Руси при одновременном наличии многих ее 'держателей', Владимир-Василий Мономах покровительствовал летописанию, напоминая об историческом единстве княжеского рода и пропагандируя легенду о происхождении всех русских князей от одного князя — Рюрика. (О политическом значении 'варяжской легенды' см. — Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение).

Выступая за мир на основе договорных начал между князьями и принципа отчинного начала, Владимир-Василий Всеволодович стремился по возможности смягчить также и социальные противоречия. Владимир Мономах законодательным путем вводит некоторые смягчения для низов, облегчает положение должников и закупов. Так возникает Устав Владимира Мономаха, включенный затем Пространную Правду (см.: Правда Русская, т. I (тексты); т. II (комментарии); Тихомиров. М. И. Исследование о Русской Правде).

Большое значение придавал Владимир-Василий Мономах и развитию военного дела. При нем происходит перевооружение стрельцов на самострелы и составные луки, вводятся постоянные пешие дружины, начинается внедрение английского принципа комплектования войск, регулярное обучение дружинников и ополчения. С его подачи во Владимире-Залесском, основанном им городе, начато строительство пушечного двора, на котором работал, в том числе и знаменитый пушечных дел мастер Генри Тэвисток.

Talbooth 'Encyclopedia Maxima mundi', vol. XLV, London, 1898 г.

Эпилог

*Все глядят вверх, на великих счастливых людей: они
нагрузившись армиями, оружием, коронами, крепостями,
морями и вершинами гор, и толпами подданных, и звездами с
неба,
выбили глубокие колеи, испестрили землю каленым железом
своих маленьких ног, сделав ее неровной и жесткой.*

*И мы, слепые, слепо кружим и кружим, выходя на их следы.
Но есть другие, они тоже оставляют следы, большие следы,
которых не видно, так как мы все помещаемся в них.*

В. Иванов.

Аудитория университета — помещение, внешне не изменявшееся, наверное, со времен античности, пусть даже сам университет имени знаменитого историка Энгельса и построен в Саратове всего полсотни лет назад. Уходящие к потолку ряды сидящих студентов, за кафедрой — профессор, читающий лекцию. Если подойти к двери аудитории по коридору, виден висящий над ней светящийся экран. На нем — надпись: 'История Средневековой Англии. Профессор А. Е. Герасимов'. В самой аудитории царит внимательная тишина, прерываемая только голосом профессора:

— Таким образом, никаких достоверных сведений о происхождении одного из знаменитейших соратников короля Гарольда Счастливого не сохранилось. В настоящее время большинство исследователей разделяет точку зрения профессора Гершензона, который на основе анализа дошедших до нас документов установил, что Хорейс Бошем действительно принадлежит к роду Бошампов, но является либо младшим сыном одного из младших владетелей, либо усыновленным незаконнорожденным отпрыском. Поэтому он вынужден был по тогдашнему обычаю, не дающему ему никаких прав на имущество семьи, искать счастья за пределами Нормандии. Судя по упоминанию среди его лейтенантов людей с англосаксонскими и норманнскими именами, а также по названию его батальона — Норфолкский, он последовал примеру множества других нормандцев и в царствование короля Эдуарда поселился в Англии. Однако в большинстве документов имеются точные сведения о том, что он прибыл в Англию незадолго до вторжения Гильома Бастарда. Профессор Гершензон выдвинул гипотезу, гениально разрешающую это противоречие. Как я уже упоминал ранее, в одна тысяча пятьдесят втором году по договоренности между Эдуардом Исповедником и эрлом Годвином большая часть нормандцев была изгнана из Английского королевства. Профессор Гершензон считает, что Бошем тоже был изгнан и провел это время в составе войск норманнов на Юге, в создававшемся в то время Королевстве Обеих Сицилий. Эта гипотеза объясняет и наличие в батальоне норманнских лейтенантов, и множество других фактов, наподобие новых способов выработки железа, знакомство некоторых из его соратников с кодексом Юстиниана, рецептом пороха и огнестрельным оружием. Напоминаю, что, как доказано исследователями МакКормиком, Спесивцевым и Дельбрюком, мавры того времени владели всеми этими знаниями. Профессор окинул взглядом аудиторию и заметил поднятую руку.

— Спрашивайте, сударь.

— Профессор, как вы относитесь к Шекспировскому 'Сну в осеннюю ночь'?

Тишина аудитории сменилась шумом. Студенты шептались между собой, обсуждая смелый вопрос, многие привставали, стремясь разглядеть безрассудного смельчака. Все студенты знали, как Герасимов относится к 'конспиролухам' и ждали резкой реакции. Но профессор только улыбнулся и спокойно ответил:

— Как к хорошей литературе, сударь. Если вы ее читаете, могу поздравить вас с неплохим литературным вкусом, — добавил он под смехи и перешептывания присутствующих. — Если же вы полагаете, что это произведение, как написано в предисловии, истинно, потому что основано на воспоминаниях тана Вулфрика, то вам лучше перейти на факультет литературы, к профессору Александру Васильевичу Захарову или переехать в Корчев, к профессору математики и 'конспиролуху' Юрию Владимировичу Фоменко. Потому что история, судари мои — это наука. Она опирается на факты, а не на фантастические выдумки о путешествиях во времени и не на сказочные истории о таинственных народах...

Послесловие автора

Да, Сэндригемская рота действительно пропала без вести в 1915 году почти в полном составе. Но ничего таинственного в этом случае нет. На войне случается и не такое. Поэтому гадать о реальной судьбе этого воинского подразделения можно до бесконечности.

Естественно, реальная история сложилась совершенно противоположно описанному в книге, о чем я немного и напишу ниже.

По отцовской линии Вильгельм был внучатым племянником Эммы, жены английского короля Этельреда II и матери Эдуарда. После гибели мужа она вышла замуж за нового короля Англии Кнуда Великого. В 1042 году Эдуард стал королем Англии. Прожив четверть века в изгнании в герцогстве Нормандском, он имел больше друзей и знакомых нормандцев и больше доверял именно им. Так что засилье нормандцев при английском дворе вызвало возмущение местной знати и их частичное изгнание.

К сожалению, сохранились только источники, в которых показана норманнская версия событий. Согласно им Эдуард любил Вильгельма как брата или сына, поэтому он именно его назначил своим наследником. Однако никаких других подтверждений этому нет, поэтому ко всем известиям такого рода нужно относиться осторожно. Имеются даже сведения, что Гарольд Годвинсон, один из самых могущественных придворных Эдуарда, поклялся на святых мощах признать права Вильгельма. Как бы то ни было, сразу после смерти Эдуарда на английский престол претендовали сразу несколько человек — Вильгельм, Гарольд и норвежский король Свен Эстридсен. Но Гарольд успел заручиться поддержкой знати и стал королем английским. Сразу же Вильгельм начал готовиться к захвату Англии. Нарушение клятвы стало удобным поводом для папы римского, чтобы встать на сторону Вильгельма Нормандского, который начал подготовку к вторжению в Англию. Он заручился поддержкой баронов своего герцогства, а репутация Вильгельма обеспечила приток в его армию большого количества рыцарей из соседних северофранцузских княжеств. Нормандцы составляли не более трети армии Вильгельма, остальные воины прибыли из Мэна, Аквитании, Фландрии и Франции. В результате к августу 1066 года в распоряжении герцога была крупная и хорошо вооружённая армия, насчитывающая около семь тысяч человек, ядро которой составляла высокоэффективная нормандская конница.

Гарольд осознавал опасность вторжения нормандцев и собрал армию для противодействия ему. Но первыми нанесли удар норвежцы. Разбив норвежцев, англосаксонская армия не смогла противостоять вторжению нормандцев. Узнав о высадке нормандцев, англосаксы поспешили на юг, не ожидая подкреплений, которые собирались в графствах. Покрыв расстояние от Йорка до Гастингса за девять дней, англосаксонская армия к 13 октября подошла к позициям Вильгельма. Ранним утром 14 октября нормандские войска атаковали англосаксов, занявших оборону на холме Сенлак, и в жестокой битве разгромили их. Решающую роль в бою сыграло превосходство нормандцев в коннице и лучниках. Король Гарольд был убит.

Победа в битве позволила нормандцам приступить к захвату всей Англии. Город Ромни, у которого еще до битвы при Гастингсе потерпел поражение один из нормандских отрядов, был в наказание за это сожжён.

Страна казалась неспособной сопротивляться войскам Вильгельма. Дувр сдался без боя и лишь в Лондоне национальная партия, провозгласив новым королём Эдгара Этелинга, последнего представителя древней англосаксонской королевской династии, собиралась продолжить сопротивление. Лондон был ключом к Англии, и Вильгельм попытался сходу взять его, однако получил отпор. Тогда нормандская армия стала окружать город,

одновременно разоряя его пригороды. Так как могущественные эрлы северных территорий Эдвин и Моркар не поддержали действия лондонцев, то лидеры сопротивления один за другим признали власть Вильгельма. Первым принес клятву верности епископ Стиганд, за ним последовали остальные, включая и нового короля Эдварда Этелинга.

Вскоре нормандская армия вступила в Лондон, а 25 декабря 1066 года в Вестминстерском аббатстве (которое к данному времени еще не было достроено) состоялась коронация Вильгельма.

Хотя с самого начала Вильгельм подчёркивал законность своего права на престол, у него не было кровного родства с англосаксонскими королями, и власть нормандцев первое время опиралась исключительно на военную силу. По всей стране были возведены королевские замки, контролировавшие прилегающие территории. Земли англосаксонской знати, особенно той, что принимала участие в битве при Гастингсе, конфисковывались и передавались рыцарям и баронам, прибывшим вместе с Вильгельмом. Так, из 5000 наделенных ленами рыцарей от трех до четырех тысяч составляли иностранцы. Высшие должности в администрации короля и посты в церковной иерархии стали замещаться нормандцами. Характерно, что первым потерял свой пост именно епископ Стиганд.

Продолжавшееся сопротивление англосаксов, особенно на севере, привело к началу зимой 1069 года знаменитой кампании 'Опустошение Севера', в ходе которой к лету 1070 года Йоркшир и другие североанглийские графства были полностью разорены войсками Вильгельма, а их население резко уменьшилось из-за убийств и бегства в другие части Англии. Планомерное уничтожение населения и хозяйства в этих районах, последствия которого ощущались ещё спустя десятилетия после походов Вильгельма, было предпринято для ликвидации самой возможности повторения восстаний против власти короля.

В том же году Вильгельм добился ухода из Англии датчан, а в следующем году подавил последний очаг англосаксонского сопротивления на острове Или. Это завершило завоевание Англии.

Величайшее достижение правления Вильгельма Завоевателя — всеобщая перепись земельных владений в Англии, осуществлённая в 1086 году, результаты которой были представлены в двухтомной 'Книге страшного суда'. Это ценнейший источник по состоянию англо-нормандского общества конца XI века, не имеющий аналогов в средневековой Европе. Сам факт подобной переписи прекрасно демонстрирует эффективность власти Вильгельма и его могущество в завоёванной стране.

Слияние двух столь разных народов в одну нацию происходило медленно и мучительно, оставив свой неизгладимый след на всей последующей истории не только Англии, но и всей Европы. В результате этого завоевания и появилась известная нам Великобритания с ее так называемой англо-саксонской этикой, с пренебрежительным отношением к низшим классам, с теорией расового превосходства, позаимствованной впоследствии нацистами.

Все это понятно, скажите вы, но причем здесь Русь и Владимир Мономах? В реальной истории у Гарольда действительно было несколько незаконнорожденных детей, в том числе и дочь Гита. Он признал их своими, хотя на их матери так и не женился, сочетавшись законным браком с сестрой поддержавших его северных эрлов Эдвина и Моркара.

После захвата Англии его дети скитались по родственникам в разных странах Европы. Оказавшаяся в Дании, Гита была выдана замуж за малоизвестного тогда молодого князя Владимира Мономаха. Так пересеклись в реальной истории судьбы потомков последнего англосаксонского короля и одного из знаменитейших Рюриковичей.